This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Gift of

The Thorne Foundation

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ДЛЯ

БІОГРАФІИ ЛОМОНОСОВА.

АКАДЕМИКА П. ПЕКАРСКАГО.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VIII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 7.

А.В. Кочорѣва

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Г. Шмидорфа, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Эпеидзянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 50 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 22 Декабря 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. остр., 9 лин., № 12).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Годы:		Стран.
1720—42.	Отношенія Шумахера къ Академіи и академикамъ до Ломоносова	1—17
1742—43.	Отношенія Шумахера къ Ломоносову въ первое время по возвращеніи его изъ Германіи	17—20
1745.	О намѣреніяхъ Шумахера въ отношеніи доктора Бургаве и Ломоносова	20—22
1747—48.	Вызовъ Ломоносова въ сенатъ по дѣлу о доносѣ Крекшина на Миллера	22—24
1748.	Объ учрежденіи историческаго департамента и собранія при Академіи наукъ	24—28
1748—49.	Отзывы Шумахера о Ломоносовѣ въ письмахъ къ Ейлеру	28—29
1748.	О поручительствѣ Ломоносова за академика Гмелина	29—32
1748.	Слѣдственная коммиссія надъ Миллеромъ по поводу письма къ нему астронома Делиля	32—34
1749.	Сношенія Ломоносова съ Татищевымъ	34—38
1749.	Переводъ Ломоносовымъ посвященія къ сочиненію Ейлера Scientia navalis	38—41
1749.	Отношенія Шумахера къ Ломоносову и прочимъ академикамъ при графѣ Разумовскомъ	41—53
1752—53.	Хлопоты Шумахера о полученіи аренды въ Ливоніи и отзывы его о возвышеніи Ломоносова	54—57
1753—54.	Рѣчь Ломоносова о явленіяхъ, происходящихъ отъ электричества	57—60
1754.	Сообщеніе Ломоносовымъ Ла-Кондамину русской азбуки	61—60
1753—55.	О приглашеніи доктора Сальхова для занятія каѳедры химіи	62—66

Годъ		Стран.
1754	Споръ Ломоносова съ Тредьяковскимъ при разсмотрѣніи академическаго устава	66—67
1755—56	Отношенія Ломоносова къ І. І. Шувалову	68—73
1756—57.	Письма Миллера къ Ломоносову о чинѣ и званіи	73—74
1756—57	Отношенія Ломоносова къ Шувалову	74—78
1757	Письмо Миллера къ президенту академіи и Ломоносовѣ	78—80
1758.	О трактатѣ въ россійской исторіи Ломоносова	80
1759.	Отзывъ Ломоносова о рѣчи Шрадера	81—86
1763.	Письмо Миллера объ увольненіи Ломоносова въ отставку	86—88
1765.	Извѣстія Бюшинга и Тауберта о смерти Ломоносова	88—89
	О сборникѣ черновыхъ бумагъ Ломоносова, хранящемся въ библіотекѣ Академіи наукъ	89—98
	Мнѣнія Тредьяковскаго и Ломоносова о правописаніи прилагательныхъ во множественномъ числѣ	98—119

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ДЛЯ БІОГРАФІИ ЛОМОНОСОВА.

АКАДЕМИКА П. ПЕКАРСКАГО.

1.

Отношенія Шумахера къ Академіи и академикамъ до Ломоносова.

1720 — 1742 годы.

Въ исторіи Академіи наукъ и въ жизнеописаніи Ломоносова особенно часто встрѣчается имя Шумахера: его нельзя здѣсь обойти молчаніемъ, напротивъ, на каждомъ шагу является необходимость прямо или косвенно обращаться къ этой личности. Извѣстно, что для ея біографіи и Ломоносовъ, и Миллеръ оставили не мало свѣдѣній и притомъ всегда представляющихъ въ невыгодномъ свѣтѣ человѣка, который — хотя не подъ своимъ именемъ, но подъ покровомъ бывшихъ тогда президентовъ — былъ болѣе тридцати лѣтъ полнымъ распорядителемъ судебъ ученаго общества. Но изъ этихъ свѣдѣній, очевидно составившихся и у знаменитаго нашего писателя, и у извѣстнаго своими заслугами академика подъ вліяніемъ личнаго нерасположенія, все-таки нельзя въ настоящее время понять причины, почему Шумахеръ успѣлъ пріобрѣсти и удержать за собою значеніе въ Академіи и почему всѣ усилія этихъ замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи русскаго просвѣщенія кончались почти всегда торжествомъ ихъ врага? Между современный изслѣдователь не можетъ и не долженъ

Годы:		Стран.
1755.	О ссорѣ Ломоносова съ Тепловымъ при разсмотрѣніи академическаго устава	66—67
1755—65.	Отношенія Ломосова къ П. И. Рычкову	68—73
1756—50.	Письма Миллера по поводу теоріи Ломоносова о свѣтѣ и цвѣтахъ	73—74
1756—57.	Отношенія Ломоносова къ Румовскому	74—78
1757.	Письмо Миллера къ президенту Академіи о Ломоносовѣ	78—80
1758.	О гравюрѣ къ россійской исторіи Ломоносова	80
1759.	Отзывъ Ломоносова о рѣчи Брауна	81—86
1763.	Письмо Миллера объ увольненіи Ломоносова въ отставку	86—88
1765.	Извѣстія Бюшинга и Тауберта о смерти Ломоносова.	88—89
	О сборникѣ черновыхъ бумагъ Ломоносова, хранящемся въ библіотекѣ Академіи наукъ	89—98
	Мнѣнія Тредьяковскаго и Ломоносова о правописаніи прилагательныхъ во множественномъ числѣ.	98—119

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ДЛЯ БІОГРАФІИ ЛОМОНОСОВА.

АКАДЕМИКА П. ПЕКАРСКАГО.

1.

Отношенія Шумахера къ Академіи и академикамъ до Ломоносова.

1720 — 1742 годы.

Въ исторіи Академіи наукъ и въ жизнеописаніи Ломоносова особенно часто встрѣчается имя Шумахера: его нельзя здѣсь обойти молчаніемъ, напротивъ, на каждомъ шагу является необходимость прямо или косвенно обращаться къ этой личности. Извѣстно, что для ея біографіи и Ломоносовъ, и Миллеръ оставили не мало свѣдѣній и притомъ всегда представляющихъ въ невыгодномъ свѣтѣ человѣка, который — хотя не подъ своимъ именемъ, но подъ покровомъ бывшихъ тогда президентовъ — былъ болѣе тридцати лѣтъ полнымъ распорядителемъ судебъ ученаго общества. Но изъ этихъ свѣдѣній, очевидно составившихся и у знаменитаго нашего писателя, и у извѣстнаго своими заслугами академика подъ вліяніемъ личнаго нерасположенія, все-таки нельзя въ настоящее время понять причины, почему Шумахеръ успѣлъ пріобрѣсти и удержать за собою значеніе въ Академіи и почему всѣ усилія этихъ замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи русскаго просвѣщенія кончались почти всегда торжествомъ ихъ врага? Между тѣмъ современный изслѣдователь не можетъ и не долженъ

оставлять этихъ обстоятельствъ безъ разъисканій, потому чт
въ противномъ случаѣ, по необходимости, онъ увлечется како
нибудь заранѣе составленною идеею и будетъ уже по ней то
ковать всѣ извѣстныя ему событія, разъясненіе истиннаго смы
сла которыхъ тѣмъ болѣе обязательно, что они на столько уд
лены отъ насъ, что о нихъ можно судить безстрастно и со
гласно требованіямъ исторіи, какъ науки. Чѣмъ болѣе извѣст
о Шумахерѣ, сохранившихся во враждебномъ ему лагер
чѣмъ болѣе встрѣчается тамъ порицаній ему, тѣмъ настоятел
нѣе надобность въ провѣркѣ всего этого по матеріаламъ, в
которыхъ говоритъ и дѣйствуетъ самъ обвиненный, гдѣ, сл
довательно, онъ является не въ изображеніи со словъ враговъ
но въ собственныхъ своихъ показаніяхъ.

Чтобы познакомиться съ Шумахеромъ по источникам
которые оставилъ онъ самъ о себѣ, необходимо обратиться к
академическому архиву, гдѣ находятся многіе фоліанты переп
ски, веденной этимъ человѣкомъ въ теченіе нѣсколькихъ деся
ковъ лѣтъ. Кромѣ этого обширнаго и чрезвычайно богата
матеріала, тамъ же есть біографія академическаго совѣтник
написанная вскорѣ послѣ его смерти, и съ сохраненіемъ пр
томъ правила, свято соблюдаемаго въ академическихъ похвал
ныхъ словахъ: de mortuis aut bene, aut nihil. Судьба какъ бу
то хотѣла подсмѣяться надъ Миллеромъ, предъопредѣлив
именно его въ оффиціозные авторы такой біографіи Шумах
ра: въ годъ его кончины [1]), Миллеръ исполнялъ обязанност
секретаря академической конференціи и такимъ образомъ вы
нужденъ былъ писать похвальное слово самому непримиримом
послѣ Ломоносова, врагу своему по Академіи. Понятно, чт
при такихъ условіяхъ каждая фраза въ этомъ жизнеописан
обращаетъ на себя вниманіе, особенно когда знаешь, что го
ворилъ авторъ о своемъ героѣ въ другое время, при иных
обстоятельствахъ и совершенно въ иномъ настроеніи духа [2]).

---

[1]) Шумахеръ умеръ 8 іюля 1761 года, на семьдесятъ первомъ году от
рожденія.

[2]) И бѣловая біографія, и черновая, писанная рукою Миллера, хранят
въ архивѣ академической конференціи въ портфелѣ, съ надписью: «біограф
академиковъ».

Прежде всего слѣдуетъ напомнить нѣкоторыя подробности о воспитаніи Шумахера. Изъ біографіи его видно, что Іоаннъ Даніилъ Шумахеръ (род. 5 сентября 1690 г.) сначала учился въ гимназіи роднаго своего города, Кольмара, въ Эльзасѣ, а потомъ, въ 1707 г., поступивъ въ стразбургскій университетъ, сталъ преимущественно заниматься словесностью (die schönen Wissenschaften), потому что чувствовалъ въ себѣ особенное призваніе къ поэзіи. Философскія лекціи онъ посѣщалъ неохотно, а математическія науки изучалъ мимоходомъ, такъ какъ главнѣйше обращалъ вниманіе на юриспруденцію и богословіе, въ надеждѣ занять современемъ въ университетѣ каѳедру по предмету которой либо изъ этихъ наукъ. Въ 1711 году, Шумахеръ защищалъ представленную имъ на полученіе степени диссертацію De Deo, mundo et anima и удостоился званія магистра и laurea poëtica. Затѣмъ онъ продолжалъ посѣщать юридическія и богословскія лекціи, но вдругъ долженъ былъ покинуть Стразбургъ, вслѣдствіе огорченія за какіе-то стихи, признанные тамъ вольными [1]). Шумахеръ поступилъ тогда въ наставники къ дѣтямъ графа Лейнингенъ-Гартенбургъ, а потомъ отправился въ Парижъ. Здѣсь Шумахера пригласилъ на службу въ Россію Лефортъ, племянникъ любимца Петра Великаго, перешедшій впослѣдствіи изъ русской въ саксонскую службу и бывшій долгое время потомъ посланникомъ при нашемъ дворѣ [2]). Въ сентябрѣ 1714 г. Шумахеръ прибылъ въ Петербургъ и поступилъ подъ начальство лейбъ-медика Петра Великаго, завѣдывавшаго также и всею врачебною частью въ Россіи, Арескина въ качествѣ секретаря по иностранной перепискѣ и библіотекаря книжнаго собранія, пріобрѣтеннаго царемъ во время походовъ въ Лифляндіи, Курляндіи и Польшѣ, а также небольшаго кабинета рѣдкостей. Здѣсь Шумахеръ выказалъ неутомимую дѣятельность, расторопность и ловкость: на его рукахъ было веденіе обширной переписки съ подвѣдом-

---

[1]) Als Ihme etliche freye Verse einigen Verdrusz zugezogen, so hat er Strasburg verlassen.

[2]) Депеши его часто приводятся въ сочиненіи Германа: Geschichte des Russischen Staates, vierter Band.

ственными Арескину лекарями; онъ представлялъ ему подробные отчеты не только о медицинскихъ, но и хозяйственныхъ его дѣлахъ, а потомъ, когда помянутыя собранія книгъ и рѣдкостей стали увеличиваться отъ новыхъ пріобрѣтеній, усердно хлопоталъ о помѣщеніи и приведеніи ихъ въ порядокъ, объ уплатѣ слѣдующихъ за нихъ суммъ и т. п. При такихъ разнообразныхъ заботахъ, у Шумахера доставало еще времени поддерживать сношенія съ знакомыми Арескина, писать, напримѣръ, о петербургскихъ новостяхъ къ князю Куракину въ Парижѣ, къ Биньону о миссіонерахъ въ Китаѣ, къ доктору Шоберу о его путешествіи внутри Россіи и пр. Тогдашній кругъ дѣятельности Шумахера былъ еще не обширенъ, но онъ, какъ видно изъ его писемъ, уже успѣлъ овладѣть расположеніемъ своего начальника, и въ то время попадаются черты, предсказывавшія будущаго академическаго совѣтника: онъ не щадилъ ничего для угожденія Арескину при устройствѣ его хозяйства, хлопоталъ даже о его попугаѣ, а когда пріѣхалъ въ Петербургъ мастеръ, выписанный изъ-за границы для переплета царскихъ книгъ, то Шумахеръ прежде всего велѣлъ ему сдѣлать великолѣпные переплеты на книги лейбъ-медика, а потомъ уже далъ работу въ казенной библіотекѣ. Любопытно, что онъ самъ съ особенною торжественностью даетъ о томъ отчетъ своему начальнику.

Арескинъ умеръ 29 ноября 1718 года, и Шумахеръ перешелъ подъ начальство преемника его Лаврентія Блюментроста. Вскорѣ потомъ необходимыя распоряженія для осуществленія мысли — учредить въ Петербургѣ Академію наукъ — выдвинули Шумахера изъ ряда обыкновенныхъ дѣльцовъ на болѣе видное мѣсто.

Когда говорится объ учрежденіи нашей Академіи, то вошло въ обыкновеніе связывать съ этимъ событіемъ имя Лейбница († 1716 г.). Дѣйствительно германскій философъ подавалъ въ 1712 году Петру Великому проектъ объ основаніи collegium sapientiae и вообще интересовался событіями, совершавшимися въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка; но этимъ собственно и ограничиваются всѣ фактическія данныя о степени участія его въ дѣлѣ основанія Академіи. [illegible] положеніе, что

мысль о томъ могла быть внушена Петру Великому Лейбницемъ, высказана въ первый разъ Миллеромъ и потомъ, съ его легкой руки, не разъ повторялось и притомъ какъ фактъ, не подлежащій дальнѣйшей повѣрки. Зная лихорадочную поспѣшность государя, когда дѣло заходило о введеніи въ Россіи того, что онъ считалъ для нея полезнымъ и что существовало въ другихъ европейскихъ государствахъ, трудно допустить, чтобы онъ могъ откладывать на долго осуществленіе мысли Лейбница и вспомнить о ней лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Замѣчательно, что подробности объ основаніи Академіи оставались неизвѣстными даже и для первыхъ членовъ ея, и не далѣе какъ чрезъ десять лѣтъ существованія ученаго общества, именно въ 1735 г., академикъ Гольдбахъ, собираясь писать исторію Академіи, представлялъ, что слѣдуетъ обратиться съ просьбою къ Лаврентію Блюментросту и Шумахеру о доставленіи извѣстій о томъ, на какой конецъ учреждена Академія и чьимъ совѣтамъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ Петръ Великій [1]).

Блюментростъ умеръ (27 марта 1755 года), не оставивъ объ этомъ никакихъ извѣстій. Что же касается до Шумахера, то въ одномъ письмѣ къ камергеру барону Николаю Корфу, 31 марта 1755 года, онъ разсказываетъ слѣдующее: «вы желаете знать, когда покойный дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ Блюментростъ назначенъ былъ Петромъ Первымъ достославныя памяти лейбъ-медикомъ и президентомъ Академіи наукъ... По разъисканіямъ и воспоминаніямъ объ этомъ, я тотчасъ отъискалъ, что послѣ смерти архіатера и лейбъ-медика Арескина, именно въ 1718 г., Блюментростъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ Петромъ Великимъ въ лейбъ-медики и директоры библіотеки и кунсткамеры, основанныхъ докторомъ Арескинымъ.... Послѣ того, покойный дѣйствительный статскій совѣтникъ всеподданнѣйше представлялъ его императорскому величеству, что библіотека и кунсткамера мало принесутъ пользы, если для нея не будутъ вызваны способные ученые люди, которые бы исключительно занимались науками.

---

[1]) Записки Академіи наукъ. Т. VII, кн. 2, приложеніе № 4, стр. 28, 29.

Вслѣдствіе того императоръ повелѣлъ сдѣлать таковой вызовъ тѣмъ болѣе, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ, какъ членъ парижской Академіи наукъ, онъ считалъ это въ высшей степени необходимымъ. Между тѣмъ Блюментростъ замѣтилъ, что если по каждой наукѣ будетъ вызванъ особенный ученый, то изъ нихъ можетъ составиться цѣлая Академія, о чемъ и представилъ его императорскому величеству, который приказалъ ему составить проектъ по этому предмету...» [1]).

Въ дополненіе къ этому извѣстію, дословно вошедшему потомъ въ рукописную біографію Блюментроста [2]), Миллеръ, въ помянутомъ выше жизнеописаніи Шумахера, сохранилъ свѣдѣніе, что первый проектъ объ учрежденіи Академіи составляли сообща (gemeinschaftlich) Блюментростъ и Шумахеръ.

Представленіе Блюментроста объ Академіи должно отнести никакъ не позже 1720 года, чему служитъ доказательствомъ письмо Вольфа къ Блюментросту 11 января 1721 года, начинающееся такъ: «его императорское величество имѣетъ намѣреніе учредить Академію наукъ и притомъ другое заведеніе, гдѣ бы могли знатныя лица изучать необходимыя науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ водворить художества и ремесла, о чемъ и писалъ ко мнѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ....» [3]). Въ февралѣ того же 1721 года, Петръ Великій послалъ Шумахера за-границу съ порученіемъ: «съ учеными корреспонденцію произвести для умноженія художествъ и наукъ... а наипаче для сочиненія соціетета наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ....» [4]). Кромѣ этого пункта, въ наказѣ Шумахеру было еще двѣнадцать статей, въ которыхъ излагались самые разнообразные предметы: онъ обязанъ былъ осматривать всѣ библіотеки и музеи, приглашать въ русскую службу разныхъ ученыхъ и мастеровыхъ, пріобрѣтать физическіе инструменты, анатомическіе препараты, модели, рисунки машинъ и т. п.

---

[1]) Академ. архивъ конференціи, Исходящія письма 1754—1766 гг.

[2]) Академ. архивъ кон., портфель «Біографіи академиковъ».

[3]) Briefe von Christian Wolff, Petersburg 1860, стр. 3, 4.

[4]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, 534.

Въ 1722 году, Шумахеръ возвратился въ Петербургъ и представилъ государю отчетъ о своей поѣздкѣ, который доказываетъ, что составитель его былъ человѣкъ въ высшей степени дѣльный и ловкій. Все, что было примѣчательнаго въ Парижѣ, Лондонѣ и Германіи по части наукъ, искусствъ и ремеслъ, осмотрѣно имъ внимательно; обо всемъ видѣнномъ сдѣланы имъ основательныя замѣчанія; онъ успѣлъ побывать у всѣхъ современныхъ ученыхъ знаменитостей. Наконецъ, Шумахеръ старался при каждомъ удобномъ случаѣ выказать, что Петръ Великій чрезвычайно уважаетъ ученыхъ и старается о водвореніи наукъ въ своемъ государствѣ.

Послѣ утвержденія Петромъ Великимъ въ 1724 г. проекта академическаго устава, Шумахеръ велъ отъ имени Блюментроста обширную переписку о вызовѣ академиковъ изъ чужихъ краевъ. Бо́льшая часть тогдашнихъ ученыхъ, къ которымъ относились по этому предмету, отвѣчали похвалами монарху за стараніе водворить науки въ своемъ государствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ иногда выражали и сомнѣніе въ успѣхѣ задуманнаго предпріятія. Такъ напр. Петръ фонъ-деръ-Аа изъ Лейдена писалъ къ Блюментросту 25 апрѣля 1724 г.: «учрежденіе Академіи его императорскимъ величествомъ есть дѣло образцовое (chef d'oeuvre) и достойное осуществленія и исполненія такимъ великимъ государемъ и героемъ — это увѣковѣчится въ памяти людей. Со временемъ его императорское величество, при помощи очень значительнаго жалованія, найдетъ людей знаменитыхъ въ литературной республикѣ, но въ настоящее время, не угодно ли вамъ, милостивый государь, обратить вниманіе на то, что тѣ, которые уже пріобрѣли себѣ извѣстность, имѣютъ хорошія мѣста и не покинутъ ихъ для того, чтобы ѣхать такъ далеко. Непріобрѣвшіе же себѣ извѣстности должны поступать весьма осмотрительно, чтобы не быть отосланными назадъ, если не будутъ соотвѣтствовать требованіямъ его императорскаго величества относительно искусствъ и наукъ...» [1]). Впрочемъ было получено нѣсколько и такихъ отвѣтовъ, въ которыхъ требовались дальнѣйшія разъясненія объ

---

[1]) Акад. архивъ, Входящія письма 1723—1724 годовъ.

условіяхъ. Шумахеръ оказалъ себя знатокомъ человѣческихъ сердецъ, потому что писалъ къ Блюментросту (30 апрѣля 1724 года): «вотъ нѣсколько отвѣтовъ на наши письма. Изъ нихъ вы увидите, что все идетъ хорошо, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что все зависитъ отъ денегъ, а вы знаете, милостивый государь, что щедрость и награды не слишкомъ у насъ извѣстны...»

Съ одной стороны желаніе видѣть во вновь основавшейся Академіи людей, извѣстныхъ учеными заслугами, а съ другой неохота и нерѣшительность отправиться въ далекій, малоизвѣстный еще тогда край, — порождали множество затрудненій при учрежденіи ученаго общества. Надобно было имѣть много силы воли и рѣшимости, чтобы устранять и побѣждать разнородныя препятствія, разрѣшать сомнѣнія, отъискивать новые способы и пути для поправленія разныхъ неудачъ и несбывшихся ожиданій — и все это главнымъ образомъ выпало на долю Шумахера. Онъ, какъ видно это изъ уцѣлѣвшей черновой переписки его съ разными лицами и Блюментростомъ, не унывалъ и велъ все дѣло съ замѣчательною настойчивостью и умѣньемъ. Наконецъ, благодаря содѣйствію графа Александра Головкина, русскаго посланника въ Берлинѣ, Вольфа въ Галле, Менке въ Лейпцигѣ, Академія наукъ получила свое начало, не смотря на то, что Петръ Великій уже скончался: въ 1725 году новые академики въ Петербургѣ стали посѣщать ученыя засѣданія.

Во многихъ событіяхъ русской исторіи нельзя не примѣтить особенной характеристической черты — это горячее увлеченіе и юношескій пылъ при началѣ какого бы то ни было новаго дѣла и потомъ быстрое охлажденіе къ нему, когда приходится его продолжать. Эта же самая судьба постигла и нашу Академію. Первые два года ея существованія предсказывали ей блестящую будущность: вновь прибывшіе члены ея были окружаемы всевозможнымъ вниманіемъ; въ лицѣ ихъ и дворъ, и высшее петербургское общество чествовали европейскую науку и старались высказать, что умѣютъ цѣнить ее. Императрица Екатерина I сама подавала въ томъ примѣръ: какъ только бо́льшая часть академиковъ пріѣхали в [illegible] бургъ, она

изъявила желаніе видѣть ихъ; они представлялись ей въ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ и были приняты чрезвычайно милостиво. На первыхъ торжественныхъ собраніяхъ Академіи долгомъ считали присутствовать первѣйшіе вельможи — даже свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, извѣстный тогда своимъ высокомѣріемъ, обращался съ учеными любезно и предупредительно. Президентъ Академіи не пропускалъ ни одного академическаго засѣданія, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ и вообще обходился съ академиками не какъ начальникъ, но какъ старшій по своему званію и положенію собратъ ихъ.

Кончина Екатерины I и вступленіе на престолъ малолѣтняго Петра II внезапно измѣнили такое положеніе ученаго общества. Быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, разные дворскіе перевороты отвлекли Блюментроста отъ Академіи, и онъ отправился за дворомъ въ Москву, подписавъ составленное на скорую руку распоряженія (4 января 1728 года), чтобы въ отсутствіе его всѣ академическіе дѣла вѣдалъ библіотекарь Шумахеръ. Онъ только въ дѣлахъ особенной важности обязывался испрашивать разрѣшеніе президента, а въ помощь ему были назначены на каждые четыре мѣсяца поперемѣнно три академика: Германъ, Бильфингеръ и Бекенштейнъ.

Не долго послѣ этого распоряженія существовало согласіе между библіотекаремъ и академиками. Въ этомъ случаѣ любопытны письма перваго къ президенту, такъ какъ изъ нихъ видна система, которой держался Шумахеръ. Сначала онъ довольствовался тонкими намеками и насмѣшками, которые не могли не повредить академикамъ въ глазахъ президента. Напримѣръ, 4 марта 1728 года, Шумахеръ писалъ къ Блюментросту о приглашеніи Минихомъ на обѣдъ членовъ Академіи: «всѣ эти господа были тамъ, кромѣ Бильфингера, Бекенштейна и Байера, которые — я незнаю почему — не хотѣли воспользоваться этою честью. Могу васъ увѣрить, что г. генералъ всѣми способами отличалъ Академію. Онъ часто вспоминалъ о васъ и выпилъ большой бокалъ за ваше здоровье....» Или 6 іюня 1728 года: «статья г. Вейтбрехта, которую имѣю честь представить вамъ въ подлинникѣ, очень разсердила въ

прошедшую конференцію доктора Дювернуа тѣмъ, что молодой человѣкъ думалъ сдѣлать столь важное открытіе въ предметѣ, котораго онъ не зналъ. Докторъ сердился, магистръ плакалъ, а профессора потѣшались тѣмъ....»

Между тѣмъ въ правительственныхъ сферахъ до такой степени позабыли объ Академіи, что ассигнованныя на нее Петромъ Великимъ деньги въ 1728 году оставались невысланными, почему всѣ служащіе въ ней до августа мѣсяца не получили ни копейки жалованья. Въ такихъ обстоятельствахъ академики придумали подать прямо просьбу въ верховный тайный совѣтъ. Шумахеръ поспѣшилъ представить (22 августа 1728 года) все дѣло Блюментросту въ такомъ видѣ, какъ будто бы академики возмутились противъ его власти: «третьяго дня (20 августа), послѣ обыкновенной конференціи, между гг. профессорами поднятъ былъ вопросъ: не слѣдуетъ ли отнестись прямо въ верховный тайный совѣтъ касательно денегъ, должныхъ Академіи? Всѣ они единодушно согласились, что это даже весьма необходимо. Четверть часа спустя послѣ такого рѣшенія, г. Бильфингеръ посылаетъ своего лакея позвать меня въ залу, гдѣ собрались господа. Хотя такой поступокъ г. Бильфингера былъ не слишкомъ вѣжливъ, однако я явился въ помянутую залу, спокойный и покорный, какъ будто всегда обязанъ быть внимательнымъ и готовымъ къ ихъ приказаніямъ. Едва только вошелъ я, какъ г. Бильфингеръ, будучи въ главѣ собранія, сказалъ мнѣ съ усмѣшкой: «здѣсь, милостивый государь, идетъ дѣло о деньгахъ. Мы согласились писать къ г. лейбъ-медику и въ верховный совѣтъ о нашемъ жалованьѣ. Какъ вы думаете объ этомъ?» — «Теперь уже поздо, отвѣчалъ я, дѣло кончено, и протоколъ подписанъ въ верховномъ совѣтѣ». Бильфингеръ — замѣтьте, что никто не говорилъ кромѣ его и Бекенштейна — спросилъ меня: откуда имѣю я это свѣдѣніе, писалъ ли о томъ г. лейбъ-медикъ, или нѣтъ? Я отвѣчалъ, что г. Гмелинъ (однофамилецъ извѣстнаго впослѣдствіи академика, занимавшійся письмоводствомъ при Блюментростѣ) передалъ мнѣ его повелѣнія. Соскучившись отъ многихъ другихъ глупыхъ вопросовъ, я раскланялся и ушелъ. Незнаю, на что они рѣшились, только хранятъ это въ тайнѣ. Не правда ли это

прекрасная конференція? Терпѣніе! вы узнаете еще много другихъ вещей...»

Изъ отвѣта Блюментроста видно, что онъ послѣ письма Шумахера рѣшительно возсталъ противъ Бильфингера. Послѣдній въ это время получилъ приглашеніе вступить на службу къ герцогу виртембергскому и потому писалъ къ президенту, что для него выгодно только тогда остаться при Академіи, когда будетъ увеличено его содержаніе. Блюментростъ переслалъ письмо на обсужденіе Шумахера, и этотъ совѣтовалъ рѣшительно отказать. «Всѣ профессора, писалъ онъ, послѣ предварительнаго изображенія Бильфингера человѣкомъ безпокойнымъ, будутъ просить объ увеличеніи жалованья. Каждый воображаетъ, что онъ этого заслуживаетъ и даже болѣе — такимъ образомъ все ученое собраніе будетъ въ волненіи. Вы знаете, что значитъ скряга, а они таковы почти всѣ [1]). Бильфингеръ не будетъ отъ того болѣе благодарнымъ вамъ, также какъ и не успокоете вы его — онъ всегда будетъ что нибудь выпрашивать, и я, напротивъ, полагаю, что вы его сдѣлаете болѣе несноснымъ....»

Предоставленіе Шумахеру рѣшенія на письмо Бильфингера и совѣты по этому поводу перваго изъ нихъ достаточно показываютъ, какимъ онъ пользовался вліяніемъ въ Академіи не далѣе какъ три года спустя послѣ ея основанія. Учрежденіе ученаго общества въ такомъ государствѣ, гдѣ не только серьёзное образованіе, но и самыя поверхностныя научныя свѣдѣнія были большою рѣдкостью, само собою разумѣется не могло бы имѣть мѣста безъ предоставленія въ такомъ дѣлѣ обширной власти одному лицу, которое вначалѣ должно было всѣмъ распоряжаться и все рѣшать по личному своему усмотрѣнію. Таково было положеніе Блюментроста, но очевидно, что онъ, какъ человѣкъ, втянувшійся въ водоворотъ придворной жизни, не могъ да вѣроятно не чувствовалъ и охоты отдаться весь Академіи. Понятно поэтому, что Шумахеръ имѣлъ полную возможность распоряжаться, какъ было ему угодно: на немъ

---

[1]) Повидимому Шумахеръ любилъ упрекать всѣхъ въ этомъ порокѣ. Увидимъ ниже, что онъ въ томъ обвинялъ и Ломоносова.

собственно лежали всѣ заботы по Академіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ у него находилась вся власть, которая была предоставлена президенту. Сверхъ того, Шумахеръ, принимавшій дѣятельное участіе въ судьбѣ ученаго общества съ самаго его зарожденія, пріобрѣлъ такой навыкъ въ дѣлахъ его, что каждая подробность, которая такъ затрудняетъ неискусившихся въ канцелярскихъ дѣлахъ, была ему извѣстна до мелочей. Притомъ, ловкій и изворотливый библіотекарь понималъ вполнѣ современное петербургское общество, зналъ, чѣмъ можно было угодить знатному и чѣмъ заслужить одобреніе временщика. Все это дѣлало его неоцѣненнымъ для президента человѣкомъ и не давало ни малѣйшаго сомнѣнія въ побѣдѣ его надъ академиками, когда они рѣшились вступить въ борьбу съ нимъ. Люди непрактическіе, раздражительные и не безъ значительной дозы самолюбія — что̀, какъ извѣстно, приписываютъ сидячей и уединенной жизни — ученые считали въ правѣ домогаться для себя наибольшихъ удобствъ и средствъ къ ученымъ занятіямъ, для которыхъ ихъ призвали, и жестоко ошибались въ томъ, такъ какъ это не соотвѣтствовало видамъ Шумахера.

Въ іюлѣ 1729 года возникла ученая распря между Бильфингеромъ и Даніиломъ Бернулли. Шумахеръ тогда держалъ сторону послѣдняго противъ перваго и видимо радовался случаю разжечь сильнѣе взаимную вражду двухъ академиковъ. Въ письмѣ отъ 14 іюля 1729 года [1]) онъ внушалъ Блюментросту назначить для разбора распри цѣлую коммиссію. При этомъ удобномъ случаѣ не обошлось безъ жалобъ на всѣхъ академиковъ въ неисполненіи ими своихъ обязанностей. «Я увѣренъ, писалъ Шумахеръ въ заключеніи, что они сдѣлаются болѣе сговорчивыми, когда будутъ съ ними обходиться съ бо́льшею властію. Дайте инструкцію: надобно, чтобы каждый ей слѣдовалъ — я въ этомъ случаѣ буду первый». Блюментростъ исполнилъ въ точности эти внушенія: назначилъ коммиссію о дѣлѣ Бильфингера съ Бернулли и прислалъ строгую инструкцію, которою не могли не обидѣться акад[illegible]. Торжество Шумахера было полное, и онъ не считалъ [illegible] скрывать

[1]) Акад. арх. конф., Исходящія п[illegible] —42:

его. Тогда академики: Германъ, Бильфингеръ и Дювернуа обратились къ президенту съ жалобами на высокомѣріе и самовольство библіотекаря. Блюментростъ всѣмъ троимъ далъ рѣзко почувствовать, что онъ только ихъ можетъ считать виноватыми[1]). Такъ напр., онъ писалъ къ Дювернуа: «могу увѣрить васъ, милостивый государь, что я не находилъ никакихъ достаточныхъ причинъ къ обвиненію г. Шумахера, такъ какъ все дѣланное имъ согласуется съ данными ему приказаніями. Хотя я вовсе не желаю оправдывать выказываемаго имъ высокомѣрнаго обращенія, однако не удивляюсь этому, такъ какъ вы вынуждаете его къ тому, надсмѣхаясь надъ властію, которую, какъ вы предполагаете, онъ себѣ присвоиваетъ. Вамъ, милостивый государь, извѣстно, что онъ секретарь и библіотекарь его императорскаго величества. Слѣдовательно ему достоитъ сообщать повелѣнія его величества и наблюдать за исполненіями ихъ...» Далѣе къ Бильфингеру: ...«позвольте сказать вамъ, что въ мое отсутствіе я могу поручать кому хочу завѣдываніе академическими дѣлами. Сверхъ того, г. Шумахеръ не есть секретарь Академіи, но самый старшій изъ членовъ ея и секретарь его величества по дѣламъ Академіи, назначенный по особому повелѣнію съ самаго начала учрежденія ея. Эта должность не была съ него слагаема, и, слѣдовательно, онъ состоитъ въ ней до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ новыхъ повелѣній, которыя уничтожатъ первое....»

И Германъ, и Бильфингеръ поспѣшили уѣхать изъ Петербурга, какъ только кончился срокъ ихъ контрактовъ. Шумахеръ зналъ, что они пользуются извѣстностью въ ученомъ мірѣ и въ то же время боялся, чтобы они не распространили за границею невыгодныхъ слуховъ объ Академіи, почему въ письмѣ къ Блюментросту, 6 іюля 1730 года, предлагалъ такую мѣру: «пенсіонъ каждому въ 200 талеровъ или рублей былъ бы конечно достаточнымъ для Германа и Бильфингера, чтобы поощрить ихъ къ доставленію сюда статей, а также для удержанія ихъ отъ злословія на Академію (auch sie abhal-

[1]) Всѣ три отвѣта президента отъ 25 августа 1729 г. въ I портфелѣ Милова «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1728 по 1748 г.», въ арх. конференціи.

ten die Academie zu verkleinern)...» [1]). Характеристично также коротенькое письмо Шумахера къ президенту отъ 14 января 1731 года: «Les sieurs Herman et Bülfinger partiront demain sans faute. Dieu soit loué et béni!»

По отъѣздѣ этихъ ученыхъ, первенство въ нашей Академіи несомнѣнно принадлежало Даніилу Бернулли, знаменитѣйшему математику своего времени. Когда Бильфингеръ былъ еще въ Петербургѣ, то Шумахеръ видимо благоволилъ къ Бернулли, писалъ о немъ въ лестныхъ выраженіяхъ къ президенту и дружески называлъ его notre Daniel. Но едва Бильфингеръ оставилъ Петербургъ, Шумахеръ измѣнилъ свои отношенія къ его сопернику. 8 февраля 1731 г. онъ уже писалъ къ Блюментросту: «г. профессоръ Бернулли присоединилъ къ подписанному имъ контракту прилагаемое здѣсь заключеніе не по иной какой причинѣ, какъ только изъ желанія жеманничать (sich précieux ...machen will), и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ постращать. Впрочемъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно догадываться, что онъ очень будетъ смущенъ, если нарушить заключенный съ нимъ контрактъ, почему и полагаю, что вы ничѣмъ лучше не накажете неумѣстную бойкость и заносчивость этого господина, какъ приказавъ передать ему въ отвѣтъ на его требованія прилагаемыя здѣсь условія. Этимъ онъ смирится, а другіе, напротивъ, сдѣлаются осторожнѣе и, можетъ быть, признательнѣе. Если имъ (т. е. академикамъ) не показать во-время примѣра, то вы скоро узнаете на опытѣ, что все снова придетъ въ прежнюю безъурядицу. Я предсказываю это...» [2]). 15 февраля того же года: «Касательно Бернулли и Дюверну́а прошу васъ не стѣсняться, потому что теперь настало время привести ихъ въ надлежащій порядокъ..» [3]).

Изъ дальнѣйшей переписки Шумахера видно, что Блюментростъ въ точности исполнилъ и эти совѣты библіотекаря, который продолжалъ настаивать, что такое обращеніе съ академиками принесетъ несомнѣнную пользу. Извѣстно, что въ

---

[1]) Арх. акад. конф., Исходящія письма 1728—42 годовъ.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

бытность въ Петербургѣ, Бернулли и Ейлеръ жили между собою очень дружно и занимали одну общую квартиру. 3 мая 1731 года, Шумахеръ упоминалъ о нихъ въ такихъ выраженіяхъ: «эти господа бываютъ порою одержимы причудами, которыя можно излечить скорымъ рѣшеніемъ...» [1]).

Бернулли, по своему характеру, не имѣлъ никакой охоты вступать въ борьбу съ библіотекаремъ и потому въ 1735 году, подъ предлогомъ слабаго здоровья, вышелъ изъ Академіи и уѣхалъ изъ Россіи. Другъ его, Ейлеръ, весь погруженный въ свои геніальныя выкладки, держалъ себя въ сторонѣ отъ всѣхъ дрязгъ, не приставая повидимому ни къ которой сторонѣ, но и онъ въ 1741 году, какъ только ему открылась возможность получить въ Берлинѣ мѣсто, обезпечивающее существованіе его съ семействомъ, поспѣшилъ также покинуть Россію.

Извѣстно, что въ первые годы прибытія изъ-за границы Герарда Фридриха Миллера, Шумахеръ былъ къ нему особенно благосклоненъ, но въ 1732 году такое расположеніе перемѣнилось въ непримиримую вражду, о которой самъ Миллеръ разсказывалъ Теплову, въ письмѣ 25 октября 1748 г., слѣдующимъ образомъ: «я такъ давно близко знаю г. Шумахера. Онъ никогда не прощаетъ, если сочтетъ себя оскорбленнымъ, а наклонность его характера къ мстительности всегда увлекаетъ его въ крайности. Его ненависть противъ меня началась съ 1732 года, когда сенатъ прислалъ указъ профессорамъ разсмотрѣть академическіе штаты, составленные г. Шумахеромъ. Я тогда думалъ, что долгъ мой требуетъ присоединиться при этомъ разсмотрѣніи къ прочимъ профессорамъ, моимъ товарищамъ, и такъ какъ въ проектѣ штатовъ нашлось много заслуживающаго порицанія, то и не колебался высказать мое истинное мнѣніе, къ чему меня обязывала и присяга вѣрноподданнаго имперіи. Это привело г. Шумахера въ негодованіе противъ мнія... Для избѣжаанія его преслѣдованій, я вынужденъ былъ отправиться въ путешествіе по Сибири, чему онъ одинъ благопріятствовалъ, лишь бы удалить меня отъ тѣхъ, которые пользовались тогда моимъ перомъ. Кто бы могъ по-

---

[1]) Цыв.

[illegible]ГО,

[illegible] долгаго путешествія [illegible]
[illegible] гнѣвъ его против [illegible]

[illegible]ста президентомъ [illegible]
[illegible] это званіе [illegible]
[illegible] никакихъ перемѣн[illegible]
[illegible] передъ отъѣздомъ [illegible]
[illegible]ингъ намѣре[illegible]
[illegible]ей мѣрѣ въ [illegible]
[illegible] года баронъ К[illegible]
[illegible]ра» Академіи [illegible]
[illegible]ческомъ засѣд[illegible]
[illegible] ему рѣчи [illegible]
[illegible] вредъ для Ак[illegible]
[illegible] зависимости [illegible]
[illegible]ламъ, по [illegible]
[illegible] и ученые. [illegible]
[illegible] замѣтить. [illegible]
[illegible] немъ, какъ и [illegible]
[illegible]живалъ вер[illegible]
[illegible]ческія и заве[illegible]
[illegible] на излиш[illegible]
[illegible] канцеля[illegible]
[illegible] 1736 году Ш[illegible]
[illegible] открыто в[illegible]
[illegible] землеcть у пре[illegible]
[illegible] посѣщеніе академи[illegible]

[illegible] объявленъ т[illegible]
[illegible] 18 апрѣля слѣдующа[illegible]
[illegible] увольненіе. Въ апрѣлѣ 1742 [illegible]
[illegible] прежде имѣвшій вмѣстѣ съ Шумах[illegible]
[illegible] математическихъ дѣлахъ, перешелъ оконч[illegible]
[illegible] количество иностранныхъ дѣлъ, а управл[illegible]

[illegible] Академіи наукъ [illegible] 1751 годы, истор[illegible]
[illegible]

стр. 33—4[illegible]

ніе Академіею, впредь до назначенія новаго президента (что послѣдовало въ 1746 году), возложено было непосредственно на Шумахера. 17 апрѣля 1742 г., онъ писалъ къ Ейлеру въ Берлинъ: «такъ какъ статскій совѣтникъ Гольдбахъ уволенъ отъ Академіи, и мнѣ приказано завѣдывать со всякимъ прилежаніемъ дѣлами ея до дальнѣйшаго повѣленія, то я постараюсь привести многое въ прежній порядокъ...» [1]).

2.

Отношенія Шумахера къ Ломоносову въ первое время по возвращеніи его изъ Германіи.

1742 — 1743 годы.

Изъ предъидущаго не трудно замѣтить, что съ самаго образованія Академіи у Шумахера постоянно существовали непріязненныя отношенія ко всѣмъ членамъ ея, которые, по своимъ дарованіямъ и трудамъ, выходили изъ ряда обыкновенныхъ ученыхъ и потому возбуждали въ ревнивомъ къ своему значенію совѣтникѣ опасеніе, чтобы чрезъ нихъ не умалилась его собственная власть. Ломоносовъ вернулся (8 іюня 1741 года) изъ Германіи въ Петербургъ провинившимся въ грѣхахъ молодости студентомъ, и первое время, какъ можно судить по письмамъ его къ Шумахеру изъ-за границы, былъ къ нему почтителенъ. По крайней мѣрѣ академическій совѣтникъ видимо оказывалъ ему тогда свое покровительство.

Пять дней спустя послѣ прибытія Ломоносова въ Петербургъ, 13 іюня 1741 года Шумахеръ поручилъ академику Амману, своему зятю, преподавать Ломоносову естественную исторію «и руководить его занятіями съ тѣмъ, чтобы съ нимъ поскорѣе можно быто дойти до предположенной цѣли...» [2]) 10 ноября 1741 г., Амманъ извѣщалъ Шумахера, что имъ просмотрѣны составленные Ломоносовымъ каталоги мине-

[1]) Рукоп. кон., Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

[2]) Куника «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ», ч. II, стр. 342.

раловъ, «за исключеніемъ каталога янтарей, въ которомъ не нахожу нужнымъ дѣлать измѣненія, тѣмъ болѣе, что онъ уже переписанъ на бѣло» [1]). Эта работа Ломоносова нынѣ обстоятельно описана г. Гебелемъ въ статьѣ: «Ueber die von Lomonosoff edirten Cataloge des mineralogischen Museum's der Academie und deren Inhalt» [2]). Каталогъ былъ начатъ академикомъ Гмелинымъ-старшимъ, продолжаемъ и оконченъ Ломоносовымъ по плану своего предшественника и, наконецъ, напечатанъ въ 1745 году подъ заглавіемъ «Musaei Imperialis Petropolitani vol. I. Pars tertia, qua continentur res naturales ex regno minerali». Изъ всѣхъ каталоговъ и описей, хранящихся въ архивѣ минералогическаго музея Академіи, онъ одинъ только напечатанъ.

24 августа 1741 году поступили въ конференцію на разсмотрѣніе академиковъ диссертаціи Григорья Теплова, Ломоносова, Рейзера и Виноградова. Изъ дальнѣйшихъ протоколовъ видно, что онѣ читались потомъ въ засѣданіяхъ до конца 1741 года. 11 ноября, Ломоносовъ, отъ имени своихъ товарищей, просилъ академиковъ высказать ихъ мнѣніе относительно представленныхъ сочиненій. 17 ноября въ протоколѣ записано, что «г. совѣтникъ Шумахеръ снова настаивалъ на томъ, чтобы конференція высказала свое мнѣніе насчетъ представленныхъ и читанныхъ диссертацій студентовъ: Теплова и Ломоносова, такъ какъ это и для него, и для студентовъ очень важно, чтобы сдѣлать затѣмъ свои распоряженія (um ihre Einrichtungen darnach zu machen)» [3]).

8 января 1742 года, Шумахеръ назначилъ Ломоносова адъюнктомъ Академіи. Вскорѣ послѣ того (16 февраля 1742 г.) академикъ Штелинъ отправился въ Москву для постановки тамъ на сцену, по случаю коронаціи императрицы Елизаветы, итальянской оперы Clemenza di Tito, къ которой онъ придѣлалъ прологъ къ прославленію этой государыни, подъ заглаві-

---

[1]) Ibid., стр. 352.

[2]) Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, T. IX, № 1, стр. 26—35.

[3]) Академика Куника, «Сборникъ матеріа[illegible]ніи Академіи наукъ», часть II, стр. 355—358.

емъ «La Russia afflita e riconsolata» [1]). Замѣчательно, что тотчасъ послѣ отъѣзда Штелина, въ перепискѣ съ нимъ Шумахера рѣчь идетъ о какомъ-то переводѣ Ломоносовымъ драматическаго сочиненія. Такъ 25 февраля 1742 года Шумахеръ писалъ къ Штелину въ Москву: «послѣ полученія вчера г. Ломоносовымъ французской копіи, онъ тотчасъ же принялся за работу. Онъ не будетъ перелагать въ стихи речитатива, но послѣдуетъ французскому (тексту)». 8 марта: «...Ломоносовъ безподобно подвигается въ своемъ переводѣ; можетъ быть ему удастся успѣть въ томъ. Если бы только не было у него одного недостатка (Fehler), то отъ него должно было бы ожидать много хорошаго...» 15 марта: «...Если Ломоносовъ встрѣтитъ одобреніе, то это доставитъ мнѣ удовольствіе, потому что при переводѣ человѣкъ не щадилъ ни трудовъ, ни усердія. При этомъ препровождаются итальянскій и нѣмецкій экземпляры....» 5 апрѣля: «...я жалѣю Ломоносо-

---

[1]) Какъ опера, такъ и прологъ напечатаны въ Москвѣ на итальянскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ. На послѣднемъ подъ такимъ заглавіемъ: «Милосердіе Титово опера съ прологомъ представленная во время высокоторжественнаго дня коронаціи ея императорскаго величества Елисаветы Петровны самодержицы всероссійской въ Москвѣ 1742 года. Печатано въ Москвѣ въ типографіи императорской Академіи наукъ». Въ 4°, 5 и 48 страницъ. Въ началѣ ея «Россія по печали паки обрадованная прологъ къ оперѣ называемой Милосердіе Титово». Здѣсь Рутенія въ пустынной странѣ, «въ темности чуть свѣтлой» вспоминаетъ о Петрѣ Великомъ и сѣтуетъ о печальномъ состояніи своихъ земель. За тѣмъ, занимается заря, восходитъ солнце и является Астрея съ объявленіемъ о восшествіи на престолъ Елизаветы, что̀ возбуждаетъ всеобщую радость. При объясненіи дѣйствующихъ лицъ въ оперѣ замѣчено, что «рѣчи переводилъ съ италіанскихъ виршей переводчикъ Иванъ Меркурьевъ». Указаніе, что опера напечатана въ Москвѣ *въ типографіи Академіи наукъ* объясняется тѣмъ, что для печатанія манифестовъ и другихъ правительственныхъ распоряженій по случаю коронаціи, сенатъ предписалъ Академіи послать въ Москву три типографскихъ стана: два для русской и одинъ для нѣмецкой печати. Они и были отправлены вмѣстѣ съ служителями подъ надзоромъ корректора Алексѣя Барсова, который прибылъ въ Москву 22 марта 1742 года. Эта временная типографія помѣщалась въ Китай-городѣ, близъ Ильинскихъ воротъ, на Ипатскомъ подворьѣ. Въ апрѣлѣ и маѣ академическіе типографщики печатали въ Москвѣ сказанную оперу на четырехъ языкахъ, потомъ — разные указы, патенты, билеты для опернаго представленія, и наконецъ продолжали печатаніемъ начатое въ Петербургѣ Собраніе указовъ. Барсовъ съ типографіею возвратился изъ Москвы 27 февраля 1743 года. (Архивъ акад. канцеляріи, книга 1742 г. № 64).

ва и тѣхъ, которые превозносили до небесъ его стихи и переводъ. Можетъ быть на будущее время его переводы заслужатъ болѣе одобренія. Между тѣмъ наша добрая воля видна изъ быстраго исполненія....»

Въ 1743 году ссора, затѣянная Ломоносовымъ съ Винцгеймомъ, была поводомъ къ запрещенію первому являться въ академическія засѣданія; кромѣ того на него подана была жалоба отъ академиковъ. Во всемъ этомъ Шумахеръ не принималъ никакого участія, такъ какъ въ то время производилось надъ нимъ слѣдствіе и онъ содержался подъ арестомъ. Но за то Миллеръ самъ сознавался впослѣдствіи, что въ дѣлѣ о Ломоносовѣ дѣйствовалъ за одно съ прочими академиками. Такъ въ письмѣ къ Теплову, 25 октября 1748 года, онъ писалъ, между прочимъ: ...«у меня не менѣе причинъ не довѣрять г. Ломоносову, такъ какъ онъ самъ мнѣ объявилъ однажды, что не можетъ простить мнѣ, что я дѣйствовалъ противъ него вмѣстѣ съ другими профессорами во время его ссоры съ г. Винцгеймомъ, когда онъ былъ еще адъюнктомъ — обида, которую я считалъ достаточно заглаженною послѣ оказанія мною содѣйствія ему, когда онъ былъ предложенъ въ профессора (1745 г.)» [1]).

3.

О намѣреніяхъ Шумахера въ отношеніи доктора Бургаве и Ломоносова.

1745 годъ.

Въ «краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи» Ломоносовъ говоритъ, что Шумахеръ обѣщалъ доктору Аврааму Каау Бургаве каѳедру химіи, которая отдана была ему, Ломоносову, и что потому Бургаве «уже не таясь, говорилъ, что онъ для печей въ химическую лабораторію выпишетъ глину изъ Голландіи» [2]).

---

[1]) Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ исторіографа Миллера съ 1743 по 1751 годы, въ архивѣ акад. конференціи.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, г. Билярскимъ, стр. 065.

Въ одномъ письмѣ Шумахера къ придворному медику Рибейрѣ Санше (Sanchez), 27 мая 1745 года, есть разъясненіе видовъ академическаго совѣтника касательно приглашенія Бургаве въ Академію, а именно онъ писалъ: «Обдумавъ дѣло г. Каау, я нахожу, что нѣтъ ничего легче какъ доставить ему мѣсто профессора въ Академіи, если пожелаетъ онъ взять на себя анатомію и въ тоже время направлять занятія Ломоносова, который уже сдѣлалъ успѣхи въ химіи и которому назначена каѳедра по этой наукѣ съ жалованьемъ по 800 рублей въ годъ. Dies diem docet. Современемъ сыщутся способы сдѣлать ему (т. е. Бургаве) жизнь болѣе пріятною, особенно, когда будетъ упомянуто въ контрактѣ о рукописяхъ, которыя онъ привезетъ съ собою. Если вы на это согласитесь, то прошу васъ увѣдомить меня. Я напишу о немъ представленіе въ Кабинетъ и увѣренъ, что ея величество утвердитъ это» [1]).

Дѣйствительно въ іюнѣ 1745 года, Шумахеръ входилъ съ представленіемъ въ Кабинетъ [2]): «понеже въ Академіи увѣдомленось, что статскаго дѣйствительнаго совѣтника и лейбъ-медика Каанъ Бергаве родной братъ Авраамъ Каанъ, который въ анатоміи, физіологіи и въ химіи весьма искусенъ и многими трудами у ученаго свѣта въ знаемость себя привелъ, а нынѣ мѣсто профессора анатоміи за ежегодную пенсію по 800 рублей въ Академіи принять; притомъ же россійскихъ учениковъ не только анатоміи, но химіи и физіологіи обучать желаетъ, того ради я за потребно разсудилъ Кабинету ея императорскаго величества симъ нижайше представить, не соизволитъ ли высокій Кабинетъ повелѣть... реченнаго Авраама Кана профессоромъ анатоміи въ Академію принять. Академія чрезъ то много узнаетъ и другую половину манускриптовъ славнаго въ Голландіи бывшаго Бергава [3]), которые между обоими братьями раздѣлены, можетъ современемъ получить....»

---

[1]) Арх. акад. конф., Исходящія письма 1743—1747 годовъ.

[2]) Дѣла по внутреннему управленію Кабинета, карт. 11, № 15, въ госуд. архивѣ.

[3]) Здѣсь идетъ рѣчь о Германѣ Бургаве (Boerhave), знаменитомъ въ свое время медикѣ, которому находившіеся въ русской службѣ братья Каау приходились племянниками; они были наслѣдниками и имени его, и рукописей.

Представленіе это оставалось безъ послѣдствій до 1747 г., а въ декабрѣ этого года Бургаве вступилъ въ Академію профессоромъ анатоміи.

4.

Вызовъ Ломоносова въ сенатъ по дѣлу о доносѣ Крекшина на Миллера.

1747 — 1748 годы.

Въ 1746 году извѣстный собиратель свѣдѣній о Петрѣ Великомъ, коммиссаръ Петръ Крекшинъ подалъ въ сенатъ составленное имъ «родословіе великихъ князей, царей и императоровъ всероссійскихъ». Оно было отослано въ Академію наукъ, которая разсмотрѣніе его поручила Миллеру. Это обстоятельство было поводомъ, что онъ вошелъ въ сношенія съ Крекшинымъ: послѣдній сообщалъ ему имѣвшіяся у него рѣдкія рукописи и въ свою очередь получилъ отъ академика выписки его изъ иностранныхъ сочинителей о Россіи. Выписки эти были сдѣланы для собственнаго употребленія Миллера на иностранныхъ языкахъ, которыхъ Крекшинъ не зналъ. Шумахеръ велѣлъ перевести для него всю книгу. Когда Крекшинъ узналъ, что Миллеръ неблагопріятно отозвался о его родословіи, то вздумалъ обвинить его передъ сенатомъ въ государственномъ преступленіи, а именно, что «въ данной ему отъ профессора Миллера книгѣ, писанныхъ рукою его историческихъ запискахъ усмотрѣлъ онъ, Крекшинъ, многія непотребныя записки, каковыя ему не только писать, и сообщать, и у себя держать, но и на иностранныхъ языкахъ не должно читать....» Въ подтвержденіе тому, Крекшинъ сослался на разсказъ одного польскаго писателя объ унизительномъ для русскихъ обхожденіи татарскихъ пословъ съ великими князьями. По требованію сената, Академія, 25 іюля 1747 года, сообщила въ сенатъ всю переписку о родословіи, составленномъ Крекшинымъ, и выписки Миллера, носившія такое заглавіе: «Annotata ad Historiam Russicae facientia [illegible] oribus exoticis qui de rebus russicis tantum incidenter

4 августа 1747 года, сенатъ между прочимъ постановилъ: «понеже во взятой противъ того Крекшина показанія изъ канцеляріи Академіи наукъ книгѣ явилось въ ней письмо латинскаго языка, того ради въ правительствующій сенатъ призвать изъ оной Академіи профессора Ломоносова и велѣть ему въ означенной книгѣ противъ вышеписаннаго Крекшина показанія сыскать и учинить тому переводъ, а по переводѣ доложить немедленно...»

Затѣмъ въ дѣлѣ слѣдуетъ листъ съ такимъ переводомъ:

«Примѣчанія, надлежащія до россійской исторіи, выписанныя изъ иностранныхъ писателей, которые вкратцѣ писали о приключеніяхъ, бывшихъ въ Россіи. Переведено изъ книги, писанной рукою профессора Миллера.

Изъ польской исторіи Іоганна Длугосса.

«Бѣдственно, трудно и отвращенія достойно было, что посламъ, присланнымъ къ великому князю отъ татарскихъ царей и не токмо посламъ, но и весьма подлымъ посланнымъ для взятія небольшой дани, или для какова другова дѣла, самъ великій князь московскій выходилъ пѣшъ на встрѣчу, когда они на лошадяхъ сидѣли, и подносилъ имъ съ уничиженіемъ стаканъ кобыльяго молока и лизалъ съ гривы капли, которыя на нее падали. И татарину, который читалъ грамоту царя татарскаго, на россійской языкъ переведенную, подстилалъ подъ ноги самую лучшую соболью шубу. И какъ самъ великій князь, такъ и меншіе князи и бояре и знатные господа принуждены были стоять на колѣнахъ слушать грамоту царя татарскаго и обѣщаться съ татарами итти противъ всѣхъ правовѣрныхъ.

(Подпись рукою Ломоносова): «Изъ вышеозначенной книги съ латинскаго языка перевелъ Академіи наукъ профессоръ Михайла Ломоносовъ. Августа четвертаго числа 1747 года».

Дѣло это видимо затрудняло сенатъ, и онъ не постановлялъ никакого рѣшенія; но Крекшинъ, который, по свидѣтельству Миллера, былъ извѣстенъ своимъ сутяжничествомъ, не унимался. 4 декабря 1747 года, въ новомъ прошеніи онъ напоминалъ сенату о своемъ родословіи, гдѣ царствующій домъ по-

казанъ по прямой линіи отъ «великаго князя Гостомысла и великаго царя Владиміра Святославича. А что въ лѣта царствованія царя Бориса Ѳедоровича высочайшая ея императорскаго величества фамилія, слѣдующая по мужескому колѣну отъ царя Владиміра, дѣйствомъ его, царя Бориса Ѳедоровича, пресѣчена, и ложно написано начало отъ прусскихъ королей, и во многихъ родословныхъ книгахъ высочайшая ея императорскаго величества фамилія приписана ложно къ разнымъ родамъ Кобылинымъ и прочимъ. Которыми лжами умножены многія книги, въ которыхъ профессоръ Миллеръ, не знавъ истины, заблудилъ и высочайшую фамилію неправо простою дворянскою дерзнулъ писать, и профессоры Ломоносовъ, Тредіаковскій и Штрубе въ невѣдѣніи же сію лжу за истину признавали...» По этимъ основаніямъ Крекшинъ просилъ, чтобы ему было дозволено изобличить названныхъ ученыхъ, а книги, въ которыхъ писаны такія лжи, сжечь. Крекшинъ хотѣлъ привлечь къ дѣлу Ломоносова и его двухъ товарищей потому, что прежде подачи доноса въ сенатъ онъ просилъ на Миллера въ Академіи, и тамъ по этому поводу была составлена изъ трехъ названныхъ академиковъ коммиссія. Отзывъ ея, которымъ остался недоволенъ безпокойный коммиссаръ, писанъ вчернѣ Ломоносовымъ [1]).

Сенатъ снова постановилъ доложить дѣло въ общемъ собраніи, а Крекшина обязать подпискою, впредь до окончанія дѣла, отнюдь объ немъ не разглашать. На этомъ и кончается вся переписка о Миллерѣ въ сенатѣ [2]).

5.

Объ учрежденіи историческаго департамента и собранія при Академіи наукъ.

1748 годъ.

Ломоносовъ, прося объ увольненіи его отъ присутствованія въ историческомъ собраніи (17 сентября 1751 года), го-

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Билярскимъ, стр. 88—93.

[2]) Въ портфелѣ Миллера (арх. акад. кон.), неточно озаглавленномъ «Жалобы Академіи на канцелярію въ сенатъ съ 1744 по 1746», тетрадь подъ № 6:

ворилъ, что онъ это исполнялъ до 1749 года[1]). Въ слѣдующей черновой бумагѣ, писанной рукою Миллера, сохранились подробности какъ объ учрежденіи историческаго департамента, такъ и о причинѣ назначенія туда Ломоносова.

«Понеже резолюціею отъ ноября 10 числа 1747 года опредѣлено въ канцеляріи принять въ службу г. Миллера исторіографомъ и ректоромъ университета, при которомъ опредѣленіи въ силѣ контракта, съ нимъ заключеннаго, онъ, Миллеръ, обязался достовѣрное описаніе положенія всей Сибири географическаго, вѣры, языковъ тамошнихъ народовъ и древностей сибирскихъ сочинить, а когда окончается сибирская исторія, тогда онъ обязался къ сочиненію исторіи всероссійской имперіи по плану, который имъ будетъ представленъ и аппробованъ отъ канцеляріи».

«А января 27 дня сего 1748 году требовалъ онъ своимъ представленіемъ, якобы (чтобы) для исторіи и географіи учрежденъ былъ особливый департаментъ, и люди бы, ему потребные, даны были въ помочь, что̀ все не только по его представленію учинено, но и въ помочь ему данъ профессоръ исторіи г. Фишеръ для сочиненія сибирской исторіи, да и резолюціею отъ 27 дня января сего 1748 года въ канцеляріи опредѣлено: имъ сочиненія свои такимъ образомъ производить, дабы они между собою приватно согласяся кому какую изъ нихъ часть къ сочиненію взять на себя и чтобъ все то, что ими сочинено будетъ особно отъ всякаго прочтено было ими по согласію и принесено при репортѣ за руками обоихъ въ канцелярію для напечатанія, о чемъ къ нимъ того-жъ времени и указы изъ канцеляріи даны. Но понеже по всѣмъ симъ резолюціямъ отъ того времени усмотрѣно между ими партикулярное несогласіе, и отъ того не только по сіе время въ дѣлѣ, на нихъ положенномъ, чинится совершенная остановка, но и впредь уповательно время будетъ проходить напрасно и интересъ ея императорскаго величества знатный пропадать будетъ вотще. При томъ же многія такія сочиненія какъ на латынскомъ, такъ на россій-

---

«Handel mit Krekschin, 1746 sqq»; также въ дѣлахъ госуд. архива есть переписка, по этому предмету производившаяся въ сенатѣ.

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, г. Билярскаго, стр. 155.

[illegible] въ печать отъ профессоровъ университета [illegible] всѣмъ языкамъ и обще всѣмъ [illegible] и апробованы. Того ради [illegible] литературныя [illegible]. въ канцеляріи Академіи [illegible] быть [illegible] ученыхъ [illegible] собраніе историческое. [illegible] называться [illegible] собраніе историческое. [illegible] прочтено и перетуть [illegible] быть [illegible] въ [illegible] историческомъ [illegible] [illegible] и [illegible] философіи. стихотворенія [illegible] и [illegible] и [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] университета [illegible] А [illegible] обыкновенно [illegible] [illegible] [illegible]

1.

Сего 1748 Году, маія 24 дня, указомъ ізъ Канцеляріі Академіі наукъ опредѣлено, чтобъ всѣмъ академіческімъ служітелямъ, также і профессорамъ быть неотмѣнно прі своіхъ дѣлахъ въ надлежашчее время, а за небытность, у каждаго вычетъ ізъ жалованья проізводіться будетъ по сілѣ генеральнаго регламента, буде кто о себѣ не дастъ знать канцеляріі въ тоѣ же день прежде указнаго часа пісменно, что онъ того дня прі своемъ дѣлѣ быть не імѣетъ для нѣкоторыя законныя прічіны: ібо на другой день по небытіі такое пісменное о себѣ объявленіе за дѣйствітельное прінято быть не імѣетъ.

2.

А сего ноября 16 дня (sic), указомъ же ізъ канцеляріі Академіі наукъ объявлено, что нѣкоторымъ ізъ профессоровъ, іменно тамъ пропісаннымъ, которыі не-были по нѣскольку кратъ у своіхъ дѣлъ, не давъ о себѣ знать предпісанным образомъ Канцеляріі, упушчается оное нынѣ первое для того, что такое пренебреженіе впервые отъ ніхъ учінено, а другое. что оні не довольно ешче свѣдомы, какъ чужестранныі, о сілѣ правъ Россійскія Імперіі; но впредь со всѣмі будетъ безъ ізъятія і упушченія по генеральному регламенту въ рассужденіі вычета.

3.

І понеже могутъ пріключіться многіе внезапно прічіны, а іменно, нечаянная болѣзнь, пушчаніе крові, пріѣздъ знатныя особы, смерть кому нібудь ізъ домашніхъ, пожарный, отъ чего Боже сохрані, случай, несчастіе какое на дорогѣ, неімѣніе слугі, і другіе подобные, такъ что не будетъ тотъ імѣть ні времені, ні мѣста, ні способности, дать знать о своей нуждѣ, ілі препятствіі, хотя бъ кто і хотѣлъ всеконечно по указу іспоніть.

4.

Того раді покорнѣйше просімъ Канцелярію Академіі наукъ, опредѣліть, і пріказать, чтобъ такія отъ насъ пісменныя ізвѣстія прінімать і на другой день послѣ небытія у дѣла, а буде невозможно быть імѣетъ объявіть въ тотже самый день: а ежелі тотъ другой день будетъ такой, что въ оный засѣданія не бываетъ въ канцеляріі, тобъ дѣйствітельнымъ быть нашімъ

пісьменнымъ ізвѣстіямъ въ самый первый день, ка[к] начнется пакі засѣданіе: дабы намъ не претерпѣвать совершеннаго убытка, находясь іногда въ такомъ состояніі, что невозможно точнаго іспoлненія учініть по сілѣ вышеупомянутаго указа отъ 24 дня маія.

На этой бумагѣ рукою Миллера отмѣчено: ist nicht abgegeben.

Въ другомъ протестѣ, оригиналъ котораго писанъ по нѣмецки и притомъ русскій переводъ, профессора доказываютъ, что подчиненіе ихъ правиламъ генеральнаго регламента несправедливо: «Настоящія профессорскія упражненія и труды должны отправляться въ домѣ и въ библіотекѣ его: тутъ-то ему дѣло, чтобы не только чему молодыхъ людей обучать, прилежно изъискивать, въ порядокъ привести и много въ томъ поправляя, новое выдумать, но притомъ продолжавшееся по нынѣ въ наукахъ несовершенство наградя пріобрѣтеніемъ у всѣхъ публичнаго въ томъ согласія, а похвалою у чужестранныхъ славу Академіи утвердить. На сіе жъ-то дней у него не довольно, и для того часто попеченія о своемъ тѣлѣ не имѣя, при слабомъ здоровьѣ, по ночамъ трудится. А куда бъ уже бѣда его конечно неслышимою и неизречимою становится, буде бы въ награжденіе трудовъ за малократное его по причинѣ нечаянныхъ случаевъ небытіе, или за несоблюденіе по нуждѣ непотребной канцелярской церемоніи и формаліи (обряда) онаго, и такъ уже едва къ содержанію недостаточнаго жалованья лишить?...» [1]).

6.

Отзывы Шумахера о Ломоносовѣ въ письмахъ къ Ейлеру.

1748 — 1749 годы.

Въ январѣ 1748 года, Ейлеръ предлагалъ Ломоносову чрезъ Шумахера, не желаетъ ли онъ писать на рѣшеніе задачи берлинской академіи наукъ о селитрѣ. Этотъ вызовъ подалъ Ломоносову поводъ сообщить Ейлеру, 5 іюля 1748 г.,

[1]) Матеріалы къ исторіи Академіи [illegible] фа Миллера, портфель II, 1743—1751 годы, архивъ акад. [illegible]

свою теорію de vi aëris elastica [1]). Препровождая письмо о томъ академика, Шумахеръ (12 іюля) писалъ къ Ейлеру: «я совѣтовалъ г. Ломоносову дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ осторожно, и это-то имѣло послѣдствіемъ настоящее письмо. Онъ выказываетъ, что у него настоящій академическій духъ. Для поощренія его, г. президентъ приказалъ привести лабораторію въ такое состояніе, чтобы онъ могъ тамъ удобно и съ пользою производить всѣ опыты, какіе только случаются въ химіи...» [2]).

Въ слѣдующемъ однако году, именно 8 апрѣля, Шумахеръ долгомъ счелъ сдѣлать такое предупрежденіе Ейлеру: «г. Ломоносовъ сказывалъ мнѣ, что онъ отослалъ свою статью о селитрѣ. Когда я имѣлъ честь говорить объ этомъ предметѣ съ г. президентомъ, то онъ далъ мнѣ понять, что желаетъ въ настоящемъ случаѣ сохранить безпристрастіе: если заслуживаетъ статья г. Ломоносова быть увѣнчанною — хорошо; если нѣтъ, то нисколько этимъ не обидѣтся...» [3]).

На это письмо Ейлеръ и отвѣчалъ Шумахеру: «я не мѣшаюсь нисколько въ настоящую задачу на премію, но слышалъ отъ нашихъ гг. химиковъ, что между присланными статьями есть одна, превосходная и основательная... Я бы желалъ, чтобы авторомъ ея былъ г. Ломоносовъ...» [4]).

7.

О поручительствѣ Ломоносова за академика Гмелина.

1748 годъ.

По возвращеніи изъ сибирскаго путешествія (1743 года), академикъ Гмелинъ-старшій неоднократно просилъ объ увольненіи его въ Германію, но эти просьбы были оставляемы безъ вниманія. Въ 1747 году онъ заключилъ новый контрактъ, въ силу котораго обязывался продолжать службу въ Академіи и

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, г. Билярскаго, стр. 96, 109.

[2]) Архивъ акад. конф., Исходящія письма 1748 г.

[3]) Архивъ акад. конф., Исходящія письма 1749—51 годовъ.

[4]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, г. Билярскаго, стр. 127; сравни тамъ же въ дополненіяхъ письмо по этому предмету Ломоносова къ Ейлеру, стр. 753—755.

издать собранные имъ во время сибирскаго путешествія матеріалы. Въ томъ же году ему была разрѣшена поѣздка въ Германію за поручительствомъ Ломоносова и Миллера. Въ слѣдующемъ году дошелъ до Шумахера слухъ, что Гмелинъ не намѣренъ болѣе возвращаться въ Россію. 26 августа 1748 г. тюбингенскій профессоръ Крафтъ, сообщая о томъ академическому совѣтнику, прибавлялъ: «когда спрашиваютъ г. Гмелина, для чего онъ заключилъ въ Россіи новый контрактъ, то онъ отвѣчаетъ, что иначе nulla alia via не могъ оттуда выѣхать, и что въ противномъ случаѣ его бы насильно удержали въ Россіи, почему и принужденъ былъ nolens volens заключить такой контрактъ...» [1]).

«Важнѣйшая изъ академическихъ новостей, писалъ, 27 сентября 1748 года, Шумахеръ къ Тауберту, бывшему тогда за границею, касается доктора Гмелина. Въ письмѣ отъ 30 августа онъ увѣдомилъ г. президента, что по предложенію великокняжеской свѣтлости (герцога виртемберскаго) онъ принялъ мѣсто умершаго профессора ботаники и, слѣдовательно, не можетъ возвратиться назадъ. Но нашъ президентъ вызываетъ его обратно строжайшимъ указомъ, а г. профессору Крафту поручилъ объявить ему, Гмелину, что если онъ останется при своемъ злостномъ намѣреніи, то сдѣлаетъ тѣмъ несчастливыми и себя, и своихъ друзей. Между тѣмъ приказано его поручителей, гг. профессоровъ Миллера и Ломоносова, смѣстить на половинное жалованье. Какія это дѣло повлечетъ за собою послѣдствія, покажетъ время...» [2]).

Поступокъ Гмелина разсердилъ графа Разумовскаго, по крайней мѣрѣ такъ увѣряли и Тепловъ, и Шумахеръ, хотя можно сомнѣваться, чтобы на дѣлѣ это было такъ, потому что президентъ самъ по себѣ былъ извѣстенъ полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всему что̀ ни касалось Академіи. Какъ бы то ни было, однако объ означенномъ отказѣ Гмелина велась долгое время переписка съ Ейлеромъ и Крафтомъ. Въ бумагахъ

---

[1]) Арх. акад. конф., Входящія письма 1748—1749 годовъ.
[2]) Арх. акад. конф., Исходящія письма 1748 года.

Миллера [1]) сохраняется письмо къ нему отъ Гмелина въ современномъ русскомъ переводѣ, гдѣ между прочимъ изложено слѣдующее:

«Ежели въ канцеляріи дни вѣрно записаны, то явственно есть, что контрактъ начали со мною заключать еще въ мѣсяцѣ іюнѣ, а къ подписанію былъ изготовленъ въ срединѣ іюля. О порукахъ же мнѣ стали говорить уже тогда, когда контрактъ былъ подписанъ. И какъ я г. совѣтнику Шумахеру представилъ, не изволитъ ли онъ по мнѣ взять поруку, то въ канцеляріи предложено было мнѣ о васъ и о г. профессорѣ Ломоносовѣ. Вы, по прошенію моему, порукою быть не отреклись, а г. профессоръ Ломоносовъ, какъ я съ нимъ о семъ, будучи у него въ домѣ, говорилъ, по мнѣ поручиться также не отказался съ такимъ уговоромъ, ежели вы изволите подписаться, то и онъ тотчасъ подпишется. Мнѣ неизвѣстно, что вы о томъ между собою совѣтовали, но каждый мнѣ самъ обѣщалъ. Я не могу понять, для чего было вамъ по мнѣ не ручаться, когда вы оба чрезъ многіе годы знаками моего къ вамъ чистосердечія удостовѣрены быть могли. Мнѣ весьма было странно, какъ я получилъ писанное отъ г. профессора Ломоносова октября отъ 1 дня бѣшеное письмо, въ которомъ онъ не постыдился описать меня плутомъ и вѣроломнымъ человѣкомъ. Онъ поступилъ въ семъ хотя чрезвычайно грубо, однако я отъ того и природной моей кротости не лишился; а я его угрозы ставлю не за велико, такъ какъ я немного скорблю о ругательныхъ словахъ, на меня изблеванныхъ. Онъ попрекаетъ меня своими благодѣяніями и дружествомъ, токмо я думаю, что ежели просить тѣхъ людей, которые знаютъ г. Ломоносова и меня, то не сыщется ни одного такого безсовѣстнаго, который бы не сказалъ, что я его какъ благодѣяніемъ, такъ и дружественнымъ обходительствомъ много превышалъ. Однакожъ я для васъ и для г. профессора Ломоносова все то сдѣлаю, что въ разсужденіе старой дружбы за должность мою почитаю. Не извольте опасаться, чтобъ я безъ позволенія Академіи что въ печать издалъ, но будьте благонадежны, что я по полученіи

[1]) Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ, исторіографа Миллера съ 1743 по 1757 годы, портфель II, въ архивѣ акад. кон.

указа тотчасъ всѣ порученные мнѣ письма и рисунки пришлю... Я и не думалъ о побѣгѣ, чѣмъ дорогой мой другъ, россійскій Ньютонъ, г. профессоръ Ломоносовъ въ вышепомянутомъ своемъ письмѣ меня угрожаетъ, и остаются въ покоѣ его угрозы, въ самомъ дѣлѣ такъ страшныя, якобы знаменіе тѣхъ приключеній, которыя не задолго предъ страшнымъ судомъ быть имѣютъ. Да и подлинно онѣ такъ жестоки, что ихъ уже и испугаться не можно....» [1]).

8.

Слѣдственная коммиссія надъ Миллеромъ по поводу письма къ нему астронома Делиля.

1748 годъ.

Ломоносовъ, въ запискѣ своей [2]) «для извѣстія о нынѣшнихъ академическихъ обстоятельствахъ», говоритъ: «что̀ непозволенныя переписки Миллеръ производитъ съ чужестранными, то довольно утверждаетъ бывшая надъ нимъ вторая коммиссія для слова phanatique (sic)». Эти строки заключаютъ въ себѣ намекъ на событіе, случившееся съ Миллеромъ въ 1748 г.

9 сентября этого года, Григорій Тепловъ, правившій тогда съ Шумахеромъ судьбами Академіи, сообщилъ Миллеру, что президентъ требуетъ отъ него письма Делиля, въ которомъ тотъ писалъ о возвращеніи ему портфеля съ бумагами, касающимися исторіи Академіи, съ тѣмъ, «чтобы сдѣлать изъ нихъ за границею употребленіе, какъ уговорились они о томъ между собою при прощаніи». Въ концѣ того же письма Делиль обѣщалъ сообщить французскимъ миссіонерамъ въ Китаѣ de ce corps phantasque, разумѣя подъ этимъ названіемъ Академію. Миллеръ отвѣчалъ, что онъ затерялъ письмо Делиля, какъ не важное, и что не имѣлъ никакого уговора съ Делилемъ обнародовать что нибудь за границею противъ Академіи. Далѣе онъ увѣрялъ, что Делиль, по возвращеніи своемъ

---

[1]) Ср. Матеріалы для біографіи Ломоносова, г. Билярскаго, стр. 93, 121, 753.

[2]) Ibid., стр. 489.

во Францію, намѣревался написать объ управленіи Академіею къ нѣкоторымъ знатнымъ русскимъ, и Миллеръ не охуждалъ этого. Можетъ быть, по словамъ послѣдняго, Делиль и считалъ это за соглашеніе между ними, но Миллеръ никогда не хотѣлъ въ томъ участвовать и въ подтвержденіе ссылался на свое усердіе къ Академіи и пр. Эти оправданія, однако, не были признаны уважительными, и Шумахеръ, 6 ноября 1748 года, писалъ къ Тауберту: «я не знаю, что побудило президента сдѣлать распоряженіе объ учиненіи въ канцеляріи допроса г. Миллеру касательно письма г. Делиля. Его спрашивали въ присутствіи ассессора Теплова, надворнаго совѣтника Штелина, гг. Винцгейма, Струбе, Тредіяковскаго, Ломоносова и меня, но онъ отвѣчалъ плохо. Рапорты по этому дѣлу идутъ прямо къ г. президенту...» [1]).

Весь ходъ слѣдствія ясно показываетъ, что оно было начато по наущенію Теплова, къ которому Миллеръ и посылалъ длинныя оправдательныя письма. Розыскъ о письмѣ Делиля всего лучше рисуетъ положеніе тогдашнихъ академиковъ: академическая канцелярія или Тепловъ успѣли добыть копію съ частнаго письма бывшаго при Академіи астронома къ старому своему товарищу, который оставался въ Петербургѣ. Тамъ Академія названа была corps phantasque и притомъ было высказано намѣреніе писать что-то о ея управленіи. Это частное сообщеніе было поводомъ къ обвиненію получившаго письмо въ важномъ преступленіи: у Миллера отобрали всѣ его бумаги; просматривали ихъ по листамъ, а самого его обязали не выходить изъ квартиры и ни подъ какимъ видомъ не являться къ президенту. Миллеръ въ помянутыхъ письмахъ къ Теплову подробно объяснялъ причины неудовольствія противъ него Шумахера и Ломоносова, изъ которыхъ главныя приведены выше на стр. 15 и 20. Напрасно Миллеръ увѣрялъ въ своей невинности и указывалъ, что нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи выраженіе phantasque невѣрно переводятъ словомъ глупый, тогда какъ оно значитъ—воображаемый—всѣ подробныя показанія не

[1]) Арх. акад. конф., «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ исторіографа Миллера, съ 1743 по 1751 годъ», портфель II, и Исходящія письма 1748 года, тамъ же.

помогали, и 28 октября 1748 г. коммиссіею было постановлено: «хотя г. профессоръ Миллеръ и далъ изъясненія чрезъ партикулярныя письма къ г. ассессору Теплову о предпріятіи, которое онъ имѣлъ съ профессоромъ Делилемъ тайно, однакожъ потому что оное такимъ образомъ сочинено, (что) почти подлиннаго изъ того заключить невозможно, а притомъ на французскомъ языкѣ; да и много посторонняго дѣла вмѣшалъ, которое никоимъ образомъ къ дѣлу не подлежитъ, — того ради въ собраніи опредѣлено требовать отъ него, Миллера, завтра вкратцѣ изъясненія на русскомъ языкѣ, ибо онъ, по мнѣнію всего собранія, больше разумѣетъ русскій языкъ, нежели французскій, и чтобы оное было сочинено позитивно и не было бы столь сумнительно, чтобъ двоякое изъ онаго заключить разумѣніе было можно». На другой день Миллеръ отвѣчалъ въ нѣсколькихъ словахъ по русски «учрежденной коммиссіи для слѣдствія о перепискѣ съ профессоромъ Делилемъ» тоже, что и многихъ листахъ изъяснялъ Теплову. Этимъ отзывомъ и кончается въ матеріалахъ Миллера черновая переписка о письмѣ Делиля [1]).

9.

Сношенія Ломоносова съ Татищевымъ.

1749 годъ.

Выше было уже замѣчено, что съ самаго учрежденія Академіи Шумахеръ старательно поддерживалъ переписку со многими лицами, входившими въ соприкосновеніе съ ученымъ обществомъ. Онъ не ограничивался одними иностранными сношеніями, но съумѣлъ войти въ любопытную переписку съ тѣми изъ русскихъ людей, которыхъ интересовали науки, и своею ловкостію и угодливостью пріобрѣталъ Академіи почитателей изъ среды русскаго общества. При этомъ справедливость требуетъ замѣтить, что Шумахеръ, до возвращенія Миллера изъ Сибири, — быть можетъ изъ личныхъ разсчетовъ, что

[1]) Арх. акад. конф., «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ исторіографа Миллера, портф. II, съ 1743 по 1751 годъ». Здѣсь же есть писанное Миллеромъ: «Relation de ce qui se passoit au sujet de la correspondance entre M. De l'Isle et moi».

прочемъ, въ настоящемъ случаѣ нисколько не умаляетъ заслуги, о которой идетъ здѣсь рѣчь — одинъ изъ всей Академіи обращалъ вниманіе на сношенія съ русскими. Можно безъ преувеличенія сказать, что только благодаря Шумахеру, переписка такихъ людей какъ Кириловъ, Татищевъ, Рычковъ хранится въ академическомъ архивѣ и представляетъ теперь едва ли не единственный матеріалъ для оцѣнки лучшихъ представителей русскаго общества XVIII столѣтія.

В. Н. Татищевъ до самой кончины своей переписывался съ Шумахеромъ обо всемъ, что занимало пытливый духъ перваго русскаго историка. Академическій совѣтникъ, по просьбѣ его, предложилъ Ломоносову написать къ составленной Татищевымъ русской исторіи посвященіе великому князю Петру Федоровичу. «Я, писалъ Шумахеръ къ Татищеву, 30 января 1749 года, не хотѣлъ задерживать прилагаемое при семъ письмо г. Ломоносова, сейчасъ мнѣ переданное имъ для отсылки, чтобы ваше превосходительство могли убѣдиться въ нетерпѣливомъ желаніи нашемъ видѣть появленіе въ свѣтъ, на пользу общества, вашего превосходнаго труда...» [1]).

Вотъ письмо Ломоносова и сочиненное имъ посвященіе [2]):

Милостивѣйшій государь Василій Никитичь.

Письмо, чрезъ которое ваше превосходительство изволили мнѣ объявить о удостоеніи меня вашего снисходительства, принесло мнѣ немалую радость: ибо кромѣ того, что особою вашего превосходительства къ почтенію всякъ побужденъ быть долженъ, имѣлъ я издавна желаніе изыскать случай, какъ бы вашему превосходительству показать мою услужность, для того что объ охотѣ вашей къ россійскому языку слыхалъ довольно, къ которому я трудъ свой по силѣ прилагаю. Сіе желаніе паче моего чаянія нынѣ исполнилось, и сообщенное мнѣ отъ вашего превосходительства предъизвѣщеніе о россійской исторіи и прочія ваши примѣчанія, отъ господина совѣтника Шумахера мнѣ сообщенныя, прочиталъ съ великою охотою и радостію о успѣхахъ, которые ваше превосходительство въ рос-

[1]) Арх. акад. кон., Исходящія письма 1749—1751 годовъ.

[2]) Списано съ копій изъ тѣхъ же Исходящихъ писемъ 1749—1751 годовъ.

сійской исторіи имѣете. По требованію вашего превосходительства приношеніе его высочеству, сочиненное мною, при семъ прислать честь имѣю и отдаю на ваше разсужденіе. Что до предъизвѣщенія надлежитъ, то оное весьма изрядно и во всемъ достаточно и поправленія никакого не требуетъ, развѣ только о слѣдующемъ подумать можно: ваше превосходительство изволили показать въ причинѣ для чего не соблаговолили къ сочиненной вами исторіи присовокупить жизни государя императора Петра Великаго, что упоминая худыя дѣла знатныхъ нѣкоторыхъ людей, не досадить бы ихъ фамиліи. То сіе правило надлежитъ по моему мнѣнію наблюдать и въ самомъ предъизвѣщеніи. Однако оному противное находится при отвѣтѣ князя Долгорукова, о чемъ ваше превосходительство сами больше разсудить можете. Совѣтъ вашего превосходительства о преложеніи псалмовъ мнѣ весьма пріятенъ, и самъ я давно къ тому охоту имѣю, однако двѣ вещи препятствуютъ: первое недосугъ, ибо главное мое дѣло есть горная наука, для которой я былъ нарочно въ Саксонію посыланъ, также химія и физика много времени требуютъ, кромѣ текущихъ дѣлъ въ академическихъ собраніяхъ. Второе — опасеніе, ибо я не смѣю дать въ преложеніи другаго разума, нежели какой псаломскіе стихи въ переводѣ имѣютъ. Такъ принявшись перелагать на стихи прекрасной псаломъ 103, для того покинулъ, что многія нашелъ въ переводѣ погрѣшности, напримѣръ: *змій сей, его же воздалъ еси ругатися ему*, вмѣсто: *се китъ, его создалъ еси презирать оное* (то есть море, его пространство). Псалма, преложеннаго Ѳеофаномъ архіепископомъ при письмѣ вашего превосходительства не нашлось. Я думаю, что онъ ошибкою остался. При семъ имѣю честь прислать вашему превосходительству всѣ оды, мною сочиненныя и въ печать изданныя, и впредь моими сочиненія(ми) съ охотою вашему превосходительству служить готовъ, какъ и нынѣ пребываю съ глубокимъ почтеніемъ

вашего превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
М. Л.

Генваря 27
1749 году.

Пресвѣтлѣйшій Государь Великій Князь

Милостивѣйшій Князь

Дѣла высшихъ въ Россіи владѣтелей, а особливо самодержавныхъ Вашего Императорскаго Величества предковъ, коль велики, ясно показываютъ широко распространенные предѣлы сего государства, но какъ оное возрастало, и умноженіе его могущества и славы, коль тяжшимъ затрудненіямъ подвержено было и какъ оныя преодолѣны, о томъ весьма не многіе знаніе имѣютъ, лишаясь достовѣрнаго описанія дѣяній Россійскихъ: чрезъ что похвала Государей заслугами своими Россію одолжившихъ, равно какъ и древняго Россійскаго народа славное имя затмѣвается и добрые примѣры мужественныхъ поступковъ и премудрыхъ поведеній остаются въ закрытіи. Искренняя моя любовь и горячее усердіе къ отечеству побудили меня по моей возможности пособить сему недостатку: и для того еще при жизни блаженныя и безсмертныя памяти Государя Императора Петра Великаго началъ я прилагать крайнее мое стараніе къ собранію и приведенію въ порядокъ Россійской Имперіи исторіи изъ разныхъ книгъ рукописныхъ Россійскихъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ. Плодъ сего моего многихъ лѣтъ труда есть настоящая книга, которую приношу въ честь Вашему Высочеству и уповаю, что, подражая Петру Великому, который воспоминаніемъ славныхъ дѣлъ предковъ своихъ часто увеселяться и описаніе оныхъ охотно читать изволилъ, Ваше Высочество сей мой трудъ милостивѣйше принять изволите въ немъ найдется не мало такихъ примѣровъ, которые природную добродѣтель къ достохвальнымъ дѣламъ побуждать могутъ.

Вашего Императорскаго Высочества превосходныя достоинства подаютъ безсомнѣнную надежду, что во время опредѣленное отъ Бога ревностнаго подражателя безсмертнымъ къ себѣ заслугамъ вѣнчанныхъ въ Вашемъ Высочествѣ увидитъ Россія, съ которою купно приношу къ Всевышнему усердныя желанія да благословитъ и укрѣпитъ Ваше Высочество силою своею къ общему нашему благополучію и ежели судьба его такой предѣлъ положила, что несравненныхъ дѣлъ Петра Велика-

го человѣческой силѣ превысить невозможно, то да присовокупитъ къ дражайшей жизни Вашего Высочества оныя лѣта, которыхъ вѣрные сынове отечества Его Величеству, по смерти желали.

Пресвѣтлѣйшій Государь, Великій Князь, Милостивѣйшій Государь Вашего Императорскаго Высочества.

11 марта 1749 г. Шумахеръ сообщилъ Татищеву: «по приказанію вашего превосходительства, г. профессору Ломоносову сдѣланъ подарокъ въ 10 рублей. Онъ имъ очень доволенъ и въ слѣдующій понедѣльникъ будетъ самъ благодарить за то. Препровожденная къ нему глава изъ русской исторіи возвращается при семъ обратно къ вашему превосходительству...» [1]).

10.

Переводъ Ломоносовымъ посвященія къ сочиненію Ейлера Scientia navalis.

1749 годъ.

Въ 1748 году, въ Академію наукъ былъ приглашаемъ, при посредничествѣ Ейлера, математикъ Ехлицъ, но онъ не поѣхалъ въ Петербургъ, о чемъ первый въ собственноручномъ русскомъ письмѣ къ графу Разумовскому сообщалъ: «Г. Эхлицъ виноватъ, что я присылкою моеи книги о корабелномъ управленіи такъ долго медлилъ, понеже я хотѣлъ ему разныя къ напечатанію нужныя вещи изъяснить, а теперь, что Эхлицъ отказался, а сію книгу состоящую въ двухъ томахъ съ вчерашною тяжелою почтою къ Імператорскои Академіи наукъ отправлялъ, и уповаю что она подъ надзираніемъ или Г. Рихмана или Г. Брауна исправно напечатана быть можетъ. А Ваше Высокографское сіятельство покорнѣише прошу дабы изволили о поспѣшеніи печати сеи книги указы давать» [2]).

6 мая 1749 года, Ейлеръ, получивъ полный экземпляръ

---

[1]) Ibid.

[2]) Входящія письма 1748—1749 годовъ, въ арх. акад. конф. Письмо Ейлера сообщено съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника.

отпечатаннаго сочиненія, писалъ къ Шумахеру: «бумага и печать дѣйствительно превосходны, и я не нашелъ еще ни одной значительной опечатки, кромѣ того, что въ самомъ заглавіи стоитъ слово Scentia вмѣсто Scientia. Такъ какъ эта ошибка всякому кинется въ глаза, то она будетъ причиною, что заглавный листъ придется перепечатать. Потомъ въ рукописи я подчеркнулъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквы, какъ напр. *t*, *u*, которыя слѣдовало набрать курсивомъ, и всѣ наборщики уже знаютъ, что этимъ способомъ обозначается курсивъ. Теперь же я вижу, что въ сочиненіи тѣ буквы хотя и набраны курсивомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставлены и подчеркнутыя линіи, что стоило много безполезной работы наборщикамъ, а для самого дѣла нисколько не нужно...» [1]).

10 сентября того же года Ейлеръ благодарилъ Шумахера за быстрое печатаніе Scientia navalis, которая вышла въ свѣтъ въ 1749 году подъ заглавіемъ: «Scientia navalis sev tractatvs de constrvendis ac dirigendis navibus pars prior complectens theoriam vniversam de sitv ac motv corporum aqvae innatantivm. Avctore Leonhardo Evlero prof. honorario academiae imper. scient. et directore acad. reg. scient. borvssicae.», въ 4°, 51, 44 и 444 съ XXXVII таблицами чертежей.

Въ началѣ этого сочиненія есть посвященіе отъ Ейлера графу Разумовскому, о которомъ первый, 25 января 1749 года, писалъ къ Шумахеру: «вслѣдствіе приказанія его сіятельства г. президента, беру смѣлость приложить при семъ подъ открытою печатью латинское письмо къ нему, въ которомъ я старался не только дать ясное понятіе о Scientia navalis, но также по возможности основательно изложить содержаніе и важность ея. Я написалъ по латини, чтобы это, въ случаѣ надобности, какъ было угодно сообщить вамъ, могло быть напечатано въ началѣ книги вмѣсто предисловія, а такъ какъ письмо въ тоже время должно быть переведено по русски, то я счелъ нужнымъ послать его незапечатаннымъ къ вамъ, чтобы переводъ могъ быть сдѣланъ въ наискорѣйшемъ времени...» [2]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

«Корабельные мастера̀ чрезъ долгое искусство, говоритъ Ейлеръ въ посвященіи, такъ строить корабли научились, что оные довольное количество устойчивости по большой ча́сти имѣютъ, хотя въ томъ самомъ иногда не мало ошибаются; однакожъ искусствомъ того показать и точно опредѣлить не могутъ, отчего кораблю придается устойчивость. Сей недостатокъ въ корабельномъ строеніи весьма важной точнѣе усмотрѣлъ сперьва, какъ кажется, нѣкто французъ, въ корабельномъ художествѣ человѣкъ весьма искусной, господинъ де-ла Кроа, которой въ двухъ книжкахъ сообщенныхъ въ Императорскую Академію наукъ въ концѣ 1735 года *о механическомъ движеніи тѣлъ* въ водѣ, нетокмо сей недостатокъ ясно показалъ, но и исправить по возможности старался, хотя рассужденія его о томъ предложенныя не со всѣмъ совершенными тотчасъ показались: однако достоинство сея матеріи такъ ясно доказалъ, что я съ того времени всѣми силами на́чалъ стараться въ рѣшеніи оныя...» Въ концѣ при упоминаніи о сочиненіи Буге, также касающемся постройки судовъ, сдѣлана такая оговорка: «При семъ необходимо упомянуть должно, что я въ сей моей книгѣ чужихъ трудовъ за свои не почитаю, ибо многіе статьи, которыя мы оба сочинили такъ согласно, что не безъ причины показаться можетъ, якобы я выписалъ ихъ изъ того сочиненія, которое почти четырьмя годами прежде моей книги вышло. Однако всей Императорской Академіи наукъ, по которой приказанію я на́чалъ сію книгу сочинять еще съ 1737 года, предовольно извѣстно, что первая часть ея ужѐ при отъѣздѣ моемъ изъ Санктпетербурга въ 1740 году [1]), вся совершена была, и другая книга сдѣлана была до половины, которую докончалъ я ужѐ здѣсь въ Берлинѣ скоро по́слѣ моего пріѣзду, такъ что всѣ ча́сти въ слѣдующемъ пото́мъ году, въ народъ изданы быть могли бы. Также во свидѣтельство того могъ бы я привесть многихъ пріятелей, которымъ я еще съ того времени сообщилъ знатнѣйшія главы моихъ размышленій; только довольно мнѣ Академіи наукъ къ моему оправданію....»

[1]) Здѣсь Ейлеръ ошибся: онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ 1741 году, см. Записки Академіи наукъ, 1864 г., т. VI, кн. 1, стр. 77.

Обширное сочиненіе Ейлера Scientia navalis, а равно и освященіе графу Разумовскому написаны на латинскомъ зыкѣ, но кромѣ того въ началѣ книги есть русскій переводъ того посвященія. Онъ отличается правильностью и тщательостью языка и сдѣланъ Ломоносовымъ. 26 января 1749 г. Шумахеръ писалъ къ нему: «его сіятельство г. президентъ ѣшилъ, чтобы письмо г. Ейлера, которое будетъ предпослао въ его Scientia navalis вмѣсто предисловія, было также наечатано по русски. А такъ какъ я увѣренъ, что вы съ удоольствіемъ исполните все, что послужитъ къ угожденію его іятельству, то, не колеблясь, посылаю это письмо для переода на русскій языкъ въ возможной скорости....» О переводѣ Ломоносовымъ посвященія Шумахеръ увѣдомилъ Ейлеа въ письмѣ 14 марта 1749 года [1]).

11.

Отношенія Шумахера къ Ломоносову и прочимъ академикамъ при графѣ Разумовскомъ.

1749 годъ.

Положеніе Шумахера, со вступленіемъ въ президенты академіи наукъ графа Кирила Григорьевича Разумовскаго[2]), казалось должно было измѣниться къ невыгодѣ совѣтника: къ правленію академическими дѣлами былъ пріобщенъ человѣкъ мный, вкрадчивый, не менѣе Шумахера властолюбивый и, то главное, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ на своего начальника, братъ котораго такъ высоко поставленъ былъ при дворѣ императрицы Елизаветы. Григорій Тепловъ, вскорѣ по вступленіи графа Разумовскаго въ президенты, именно 1 іюля 1746 года, получилъ мѣсто ассессора академической канцеляріи. Зная молодость и равнодушіе къ наукѣ молодаго гра-

---

[1]) Арх. акад. конф., Исходящія письма 1749—1751 годовъ.

[2]) Указъ сенату о назначеніи графа Разумовскаго въ президенты состоялся 21 мая 1746 года.

фа, не трудно было догадаться, что его недавній наставникъ будетъ играть видную роль въ Академіи.

Отношенія академическаго совѣтника къ ассессору становятся особенно ясными изъ переписки, возникшей между ними въ 1749 году [1]). Въ концѣ 1748 года, графъ Разумовскій отправился за Дворомъ въ Москву, взявъ съ собою Теплова. Шумахеръ началъ писать къ нему льстивыя письма, послалъ подарокъ Тепловой, разрѣшившейся отъ бремени и вообще видимо заискивалъ въ ассессорѣ. Послѣдній, однако, не сдавался и тотчасъ же по пріѣздѣ въ Москву возбудилъ вопросъ: должна-ли Академія быть управляема президентомъ и въ бытность его въ Москвѣ? Понятно, что здѣсь дѣло шло о подчиненіи Теплову петербургской академической канцеляріи, въ которой, при отлучкѣ президента, совѣтникъ оставался старшимъ.

«По истинѣ я, писалъ Шумахеръ 12 января 1749 г., не знаю, какой дать вамъ отвѣтъ на письмо, которымъ вы меня почтили отъ 5 января, касательно названія мѣста, откуда я посылаю академическія бумаги. Когда я разсматриваю уставъ Академіи, то мнѣ кажется, что канцелярія должна быть при учрежденіи, потому что во всѣхъ статьяхъ, гдѣ говорится объ управленіи, стоитъ: «а въ отсутствіе президента канцелярія». Мнѣ кажется, что вы всегда были того же мнѣнія. Но съ другой стороны, когда обращаю вниманіе, что президентъ имѣетъ полную власть управлять Академіею, какъ ему угодно, и что въ сущности мы ничто иное какъ совѣтники помощники, я не вижу, почему бы его сіятельство не могъ перенесть канцелярію въ Москву, оставивъ здѣсь контору, или раздѣливъ ее на двѣ. Если рѣчь идетъ только о порядкѣ веденія переписки, то это ничего не значитъ: президенту стоитъ только приказать опредѣленіемъ, что на будущее время петербургская канцелярія должна входить съ рапортами въ московскую, которая волею императорскаго величества будетъ сообщать чрезъ указы. Вотъ мы и контора безъ всякой перемѣны, потому что для измѣненія вдругъ порядка, введеннаго уже столько лѣтъ, и къ

[1]) Арх. акад. конф., Исходящія письма 1748 (sic) года.

которому публика и даже академики привыкли, нужны мѣры, стоящія въ зависимости отъ времени и зрѣлаго обсужденія. Я работаю подъ начальствомъ его сіятельства по склонности и охотно, стало быть эта перемѣна, на сколько касается она меня лично, мнѣ совершенно ничего не значитъ. Я буду работать въ конторѣ съ тѣмъ же усердіемъ и готовностью, съ какими я работалъ прежде въ канцеляріи, но не съ такимъ удобствомъ и пользою...»

Предложеніе Шумахера было принято, и затѣмъ онъ началъ въ своихъ письмахъ къ Теплову систематически преслѣдовать всѣхъ академиковъ, часто не гнушаясь при томъ ни извѣтомъ, ни сплетнею. Какъ ни любопытенъ этотъ матеріалъ для уясненія, въ какое печальное положеніе поставлены были всѣ безъ изъятія члены ученаго общества во времена Разумовскаго и Теплова, я ограничусь однако въ настоящей статьѣ нѣкоторыми выписками, изъ которыхъ видны отношенія Шумахера къ академикамъ, и потомъ мнѣнія и образъ его дѣйствій по дѣлу о диссертаціи Миллера—событіи, какъ извѣстно, надѣлавшемъ много шума и касающемся также Ломоносова.

23 января 1749 года Шумахеръ писалъ къ Теплову: «посылаю къ его сіятельству огромное дѣло объ университетскомъ уставѣ. Гг. профессора работали надъ нимъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, и я сообщаю его въ томъ видѣ, въ какомъ г. профессоръ Тредіяковскій представилъ его канцеляріи съ присоединеніемъ русскаго перевода. Какое ничтожество (quelle pauvreté)! Вы подивитесь, милостивый государь, чувствамъ гордости и заносчивости этихъ педантовъ, которые отъ души одобряютъ вздоры г. Крузе: Haec clarissimi Crusii omnium unanimi consensu sunt approbata. Asinus asinum fricat.... Вы хорошо дѣлаете, милостивый государь, работая съ жаромъ для Академіи. Вы, подобно мнѣ, современемъ пожнете плоды своихъ трудовъ: они будутъ заключаться не въ богатствахъ, но въ спокойствіи души — плодѣ чистой совѣсти...»

9 февраля 1749 года: «очень бы желалъ, чтобы кто нибудь другой, а не г. Ломоносовъ произнесъ рѣчь въ будущее торжественное засѣданіе, но я не знаю такого между нашими ака-

демиками. Вы сами, милостивый государь, знаете, что ни голосъ, ни наружность, гг. Винцгейма и Рихмана, которыхъ бы слѣдовало предпочесть силу, не дозволяютъ довѣрить имъ первую публичную рѣчь, къ которой критики непремѣнно придерутся. Ораторъ долженъ быть смѣлъ и нѣкоторымъ образомъ нахаленъ (impudent), чтобы имѣть силу для пораженія безжалостныхъ насмѣшниковъ. Развѣ у васъ, милостивый государь, есть кто нибудь другой въ Академіи, который бы превзошелъ его (конечно Ломоносова) въ этихъ качествахъ? Если бы г. Миллеръ былъ въ числѣ академиковъ[1]), то такъ какъ онъ довольно хорошо произноситъ по русски, обладаетъ громкимъ голосомъ и присутствіемъ духа, которое очень смахиваетъ на нахальство (une présence qui approche beaucoup à l'impudence), то мнѣ бы хотѣлось предложить его. Г. Бургаве, находясь въ затруднительномъ положеніи по случаю любовнаго процесса, который не кончится пока онъ не удовлетворитъ плута и пьяницу отца, не будетъ имѣть смѣлости произносить публично рѣчь, также какъ и г. Кратценштейнъ, влюбленный, какъ говорятъ въ городѣ, въ женщину низкаго происхожденія. Я примѣтилъ, что во всѣ времена гг. наши профессора эманципировались въ дѣлахъ любви и брака...»

11 февраля 1749 года: «какъ я доволенъ, что начинаютъ понимать истинныя чувства гг. профессоровъ! Имъ не я, Шумахеръ, отвратителенъ, а мое званіе. Они хотятъ быть господами, въ знатныхъ чинахъ, съ огромнымъ жалованьемъ, безъ всякой заботы обо всемъ остальномъ!...»

16 марта 1749 года: «такъ какъ мы не получаемъ никакого отвѣта на донесеніе наше касательно академика, который долженъ произносить рѣчь въ торжественномъ засѣданіи, то я боюсь, что вы въ нерѣшимости въ выборѣ лица, которое должно выполнить это. Дѣйствительно, милостивый государь, я и самъ былъ бы въ затрудненіи на вашемъ мѣстѣ...»

30 марта 1749 года: «все, что вы сдѣлали мнѣ честь сообщить относительно торжественнаго засѣданія, которое должно

---

[1]) По тогдашнему академическому уставу, члены Академіи историческаго класса не принадлежали къ числу академиковъ, но числились при университетѣ и назывались профессорами. Между ними былъ Миллеръ.

ыть 5 сентября, будетъ исполнено въ точности. Я не счелъ ужнымъ говорить о томъ г. Ломоносову: у него голова еще олна разнородныхъ паровъ (qui a encore la tête remplie des apeurs hétérogènes), которые его сильно безпокоятъ, ни г. Іиллеру, чтобы не возбудить зависти въ г. Ломоносовѣ. Но а будущей недѣлѣ все устроится...»

17 апрѣля 1749 года: «Письмо г. Крузе забавно. Теперь, огда онъ разсорился скандальнымъ образомъ съ г. Миллеомъ, то спрашиваетъ васъ: находите ли вы кстати примиреіе его со мною? Прекрасный вопросъ! Какъ будто бы его ружба приноситъ мнѣ честь! Я не хочу имѣть дѣла ни съ имъ, ни съ его товарищами, которые не имѣютъ чести заслуживать моего одобренія...»

Въ послѣдующихъ письмахъ попадаются сильныя выходки ротивъ Миллера, а 10 іюля не пощаженъ и Ейлеръ, котоый рѣшился напомнить о должныхъ ему канцеляріею деньгахъ: прошу васъ прислать скорое рѣшеніе на нынѣшнее представеніе. Г. Ейлеру слѣдуетъ вознагражденіе, соотвѣтствующее го расположенію: point d'argent, point de suisse!» [1]).

Въ письмѣ 31 іюля 1749 года Шумахеръ спрашиваетъ, ачѣмъ президентъ продолжилъ вакаціонное время до 5 сентяря, такъ какъ академики нисколько не затруднены конференіями. Шумахеръ догадывался, что такое распоряженіе послѣдовало вслѣдствіе просьбы ихъ, помимо его, а потому доказывалъ Теплову, что академикамъ слѣдуетъ сдѣлать выговоръ а то, что они въ этомъ случаѣ прямо обратились въ Москву, иновавъ петербургскую канцелярію: «если вы, милостивый осударь, прибавлялъ онъ, допустите ихъ поступать такимъ бразомъ, то дѣла Академіи непремѣнно впадутъ въ прежнюю безурядицу, въ которой находились до вступленія его сіятельства въ президенты Академіи...»

3 августа 1749 года: «не только переводъ статьи № 57 адокъ, но и вся газета наполнена такихъ промаховъ. Сколько разъ я говорилъ г. Штелину составлять Вѣдомости съ бо́льшимъ вниманіемъ, а г. Ломоносову — исправлять переводъ

---

[1]) Извѣстно, что Ейлеръ былъ родомъ швейцарецъ.

не на дому, а въ Академіи, согласно данному отъ президента приказанію! Ни тотъ, ни другой не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на дѣлаемые имъ выговоры и продолжаютъ работать небрежно...»

7 августа 1749 года, говоря о назначеніи отъ Академіи конкурса на преміи по указанію Ейлера, Шумахеръ упрашивалъ Теплова, чтобы задачи были адресуемы именно въ академическую канцелярію, «потому что всѣ статьи и письма, касающіяся академическихъ дѣлъ, какого бы ни были они свойства, адресуются въ канцелярію... Г. Миллеръ представилъ мнѣ свою рѣчь на латинскомъ языкѣ, чтобы переслать ее въ Москву. Вотъ она. Прошу васъ, прочтите ее внимательно. Онъ излагаетъ предметъ съ большою ерудиціею, но по моему мнѣнію съ малымъ благоразуміемъ, ибо, во имя Господа, зачѣмъ разрушать, при помощи шведскихъ и датскихъ писателей, мнѣніе, столько стоившее сочинителямъ, работавшимъ для прославленія націи? Я не говорю болѣе. Покрайней мѣрѣ, прежде напечатанія ея, не забудьте, милостивый государь, напомнить его сіятельству, чтобы онъ приказалъ прочесть эту рѣчь in pleno, потому что академики, также какъ и профессора, принимаютъ въ томъ участіе, почему я желалъ бы, чтобы тамъ не упоминалось о совѣтникахъ...»

10 августа 1749 года: «г. президентъ приказалъ Миллеру четыре мѣсяца тому назадъ приготовить рѣчь для торжественнаго собранія, предоставивъ на его волю избрать какой угодно ему предметъ. До сихъ поръ онъ ее не кончилъ и выбралъ предметъ самый скользкій (scabreux), который не принесетъ чести Академіи, напротивъ не преминетъ навлечь на нее упреки и породить ей непріятелей. Всему причиною тутъ гордость. Такъ какъ эта рѣчь академическая, то автору ея очень хорошо извѣтно, что ее необходимо прочитать въ конференціи и разсмотрѣть профессорамъ, но онъ также знаетъ, что многіе не одобряютъ его разглагольствій, и потому-то онъ такъ долго медлитъ съ своею рѣчью, чтобы не оставалось времени на разсмотрѣніе ея. Пусть только его сіятельство прикажетъ прочитать ее въ конференціи и напечатать послѣ разсмотрѣнія ея тамъ....»

17 августа 1749 года: «очень радъ, что вы нашли столь превосходнымъ панегирикъ г. Ломоносова и желаю, чтобы рѣчь г. Миллера заслужила такое же одобреніе. Такъ какъ времени очень мало, чтобы разжевывать заключающееся въ ней содержаніе, то было бы хорошо, когда бы его сіятельство соблаговолилъ приказать г. Миллеру высказаться гадательно, чтобы не обижать никого. По истинѣ это самый вѣрный и пріятный способъ, потому что тогда рѣшеніе предоставляется публикѣ, которая желаетъ быть главою, и несмотря на то авторъ, если онъ искусенъ, силою своихъ доказательствъ нечувствительно увлечетъ на сторону своихъ воззрѣній. И самое главное въ этомъ случаѣ есть то, что президентъ не рискуетъ ничего своимъ одобреніемъ, а профессора могутъ быть тѣмъ только довольны....»

Когда въ Академіи въ первый разъ рѣшено было объявить конкурсъ на рѣшеніе задачъ, то эти послѣднія были составлены Ейлеромъ, который и прислалъ ихъ изъ Берлина. Шумахеръ разсказываетъ о томъ Теплову въ письмѣ 21 августа 1749 года:

«Какъ только господа профессора прочитали задачи, то закричали, что ихъ составилъ г. Ейлеръ. Они утвердились въ своемъ мнѣніи, потому что г. Браунъ щедро расточалъ похвалы задачамъ. Однако я поколебалъ эту мысль, когда сказалъ, что вы были въ перепискѣ съ кавалеромъ Сакрамоза и что быть можетъ президентъ получилъ ихъ этимъ путемъ [1]).

---

[1]) Академики не ошиблись: дѣйствительно авторомъ задачъ, предложенныхъ на рѣшеніе, былъ Ейлеръ. Въ письмѣ къ Шумахеру 15 іюля 1749 г. онъ сообщалъ: «Въ приложеніи къ г. Теплову, я предложилъ нѣсколько задачъ на премію, какъ онъ просилъ меня о томъ по приказанію г. президента». 29 декабря того же года: «Въ эту минуту я получилъ благосклонно сообщенное вами описаніе торжественнаго собранія при императорской Академіи наукъ. Я чрезвычайно радъ счастливому окончанію его и приношу вамъ покорнѣйшую признательность за сообщеніе. Предложенная публично при этомъ же случаѣ задача есть величайшей важности, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что на нее поступятъ превосходныя статьи. Я буду очень наблюдать, чтобы меня никто не считалъ первоначальнымъ сочинителемъ этой задачи (für den Urheber dieser Frage), хотя трудно будетъ избѣгнуть у многихъ всякаго подозрѣнія, потому что многимъ болѣе, чѣмъ достаточно, извѣстно, что съ давняго времени этотъ вопросъ сильно меня занимаетъ...» (Исходящія письма 1748, 1749

А, о, говорили они, задачи безъ сомнѣнія написаны Альг
ротти! Остальное вы найдете, милостивый государь, въ м
мъ русскомъ письмѣ. Скажу вамъ только, что замѣтивъ, ч
. Ломоносовъ казался разсерженнымъ присылкою задач
акъ какъ онъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ надлежало пол
аться на академиковъ, я ему говорилъ, что отъ него завис
редложить задачи, какія считаетъ онъ нужными, и что м
акже пошлютъ къ его сіятельству. На это онъ согласи
Господинъ этотъ показываетъ себя ужаснымъ гордецомъ (a
omme là fait terriblement le fier). Программа будетъ напеч
ана въ извѣщеніи (о торжественномъ собраніи) и на отдѣл
ыхъ листахъ. Его сіятельство прекрасно поступилъ, пер
авъ диссертацію г. Миллера на судъ гг. профессоровъ
они уже работаютъ надъ нею и сдѣлаютъ такъ, что всѣ ост
утся тѣмъ довольны, какъ равно и г. Миллеръ. Если бы м
ечатать его рѣчь въ томъ видѣ, какъ она есть, то всѣ профе
оры согласны, что это было бы уничиженіемъ для Академі
(auroit été une prostitution pour l'Académie...»).

24 августа 1749 года: ...«завтра окончать дѣло о торже
твенномъ собраніи, и тогда о послѣдствіяхъ будетъ предста
ено въ Москву. Г. Миллеръ не хочетъ уступить, а друг
рофессора не хотятъ принять ни его мнѣнія, ни его способ
зложенія....»

28 августа 1749 года: «изъ нынѣшняго донесенія вы уви
ите, что мы ничего не упустили для исполненія приказанія ег
іятельства. У меня еще нѣтъ латинскаго перевода ломоносо
каго панегирика. Его помѣстятъ въ латинскій экземпляръ, ес
нъ будетъ готовъ къ предназначенному времени; если нѣт
о экземпляры будутъ посланы безъ него. Ultra posse, neм
bligatur. Если бы г. Ломоносовъ захотѣлъ послѣдоват

одовъ арх. акад.). Задача, которая была предложена на конкурсъ въ торж
твенномъ собраніи нашей Академіи 26 ноября 1749 года состояла въ изслѣд
аніи теоріи Ньютона о движеніи луны. Премію получилъ извѣстный фра
узскій математикъ Клеро, и изслѣдованіе его по этому предмету напечата
ъ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: Théorie de la lune déduite du seul princi
e l'attraction reciproquement proportionelle aux quarrés des distances. Pièce q
remporté le prix de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pét. proposé en 1750. 1752,
°, 92 pag.

моему совѣту, заключавшемуся въ томъ, чтобы переводъ былъ сдѣланъ г. профессоромъ Фишеромъ, то теперь было бы готово. Но г. Ломоносовъ изъ тщеславія ли, или же по самонадѣянности имѣетъ притязаніе сдѣлать это также хорошо, какъ г. Фишеръ. Мы это увидимъ. Въ настоящую минуту онъ велѣлъ мнѣ сказать, что представитъ свой панегирикъ въ канцелярію на латинскомъ языкѣ въ четвергъ. Фишеръ сказывалъ мнѣ, что г. Ломоносовъ пишетъ по-латини несравненно лучше Миллера. Такъ какъ рѣчь послѣдняго была наполнена ошибками противъ грамматики и исторіи и выраженіями грубыми и обидными, то это все откинули, на сколько позволяли время и уступчивость г. Миллера... Я ничего не имѣю прибавить къ тому, что я вамъ много разъ писалъ касательно состоянія сердца г. Миллера. Этотъ плутъ и великій лжецъ (fourbe et grand menteur), видя, что онъ поступилъ неуважительно противъ своего начальника, нарушилъ вѣрность къ своему другу (Гмелину) и теперь, опасаясь справедливыхъ упрековъ, смѣшиваетъ меня съ грязью, въ надеждѣ свалить на меня свою вину. Я говорю вамъ, милостивый государь, какъ передъ Богомъ, что Миллеръ только тогда сказалъ мнѣ о своей рѣчи, когда представилъ ее въ канцелярію для отсылки въ Москву. Правда, что, прочитавъ ее, я ему сказалъ въ лицо, что не думаю, чтобы его сіятельство одобрилъ когда нибудь его рѣчь въ томъ видѣ, какъ она есть, и что было бы лучше изложить этотъ предметъ съ бо́льшею осторожностью, чтобы не обидѣть никого....»

4 сентября 1749 года: «я замѣтилъ по числу вашего письма, что мы оба были очень заняты въ одно и тоже время торжественнымъ собраніемъ, но весьма различно: вы — для уничтоженія, а я для осуществленія его, потому что 31 августа вы отправили курьера, а я отсюда въ тотъ же день послалъ всѣ книги, чтобы онѣ прибыли въ Москву 5 сентября, согласно приказанію его сіятельства. Изъ этого дѣла вы, милостивый государь, убѣдитесь, что мы считаемъ обязанностью исполнять съ точностью приказанія его сіятельства. Курьеръ пріѣхалъ вчера въ воскресенье, 3 сентября, въ полдень, а сегодня, 4, мы предупредили коллегіи, канцеляріи и конторы, уже пригла-

не на дому, а въ Академіи, согласно данному отъ президен приказанію! Ни тотъ, ни другой не обращаютъ ни малѣйша вниманія на дѣлаемые имъ выговоры и продолжаютъ работ небрежно...»

7 августа 1749 года, говоря о назначеніи отъ Акаде конкурса на преміи по указанію Ейлера, Шумахеръ упр шивалъ Теплова, чтобы задачи были адресуемы именно академическую канцелярію, «потому что всѣ статьи и писы касающіяся академическихъ дѣлъ, какого бы ни были они св ства, адресуются въ канцелярію... Г. Миллеръ представи мнѣ свою рѣчь на латинскомъ языкѣ, чтобы переслать ее Москву. Вотъ она. Прошу васъ, прочтите ее внимательно. О излагаетъ предметъ съ большою ерудиціею, но по моему мн нію съ малымъ благоразуміемъ, ибо, во имя Господа, зачѣ разрушать, при помощи шведскихъ и датскихъ писателей, ни ніе, столько стоившее сочинителямъ, работавшимъ для просв ленія націи? Я не говорю болѣе. Покрайней мѣрѣ, прежде н печатанія ея, не забудьте, милостивый государь, напомнить е сіятельству, чтобы онъ приказалъ прочесть эту рѣчь in plen потому что академики, также какъ и профессора, принимаю въ томъ участіе, почему я желалъ бы, чтобы тамъ не упом налось о совѣтникахъ...»

10 августа 1749 года: «г. президентъ приказалъ Милл ру четыре мѣсяца тому назадъ приготовить рѣчь для торж ственнаго собранія, предоставивъ на его волю избрать как угодно ему предметъ. До сихъ поръ онъ ее не кончилъ и вы бралъ предметъ самый скользкій (scabreux), который не прин сетъ чести Академіи, напротивъ не преминетъ навлечь на н упреки и породить ей непріятелей. Всему причиною тутъ го дость. Такъ какъ эта рѣчь академическая, то автору ея оче хорошо извѣтно, что ее необходимо прочитать въ конферен и разсмотрѣть профессорамъ, но онъ также знаетъ, что мно не одобряютъ его разглагольствій, и потому-то онъ такъ дол медлитъ съ своею рѣчью, чтобы не оставалось времени на ра смотрѣніе ея. Пусть только его сіятельство прикажетъ проч тать ее въ конференціи и напечатать послѣ разсмотрѣнія тамъ....»

17 августа 1749 года: «очень радъ, что вы нашли столь превосходнымъ панегирикъ г. Ломоносова и желаю, чтобы рѣчь г. Миллера заслужила такое же одобреніе. Такъ какъ времени очень мало, чтобы разжевывать заключающееся въ ней содержаніе, то было бы хорошо, когда бы его сіятельство соблаговолилъ приказать г. Миллеру высказаться гадательно, чтобы не обижать никого. По истинѣ это самый вѣрный и пріятный способъ, потому что тогда рѣшеніе предоставляется публикѣ, которая желаетъ быть главою, и не смотря на то авторъ, если онъ искусенъ, силою своихъ доказательствъ нечувствительно увлечетъ на сторону своихъ воззрѣній. И самое главное въ этомъ случаѣ есть то, что президентъ не рискуетъ ничего своимъ одобреніемъ, а профессора могутъ быть тѣмъ только довольны....»

Когда въ Академіи въ первый разъ рѣшено было объявить конкурсъ на рѣшеніе задачъ, то эти послѣднія были составлены Ейлеромъ, который и прислалъ ихъ изъ Берлина. Шумахеръ разсказываетъ о томъ Теплову въ письмѣ 21 августа 1749 года:

«Какъ только господа профессора прочитали задачи, то закричали, что ихъ составилъ г. Ейлеръ. Они утвердились въ своемъ мнѣніи, потому что г. Браунъ щедро расточалъ похвалы задачамъ. Однако я поколебалъ эту мысль, когда сказалъ, что вы были въ перепискѣ съ кавалеромъ Сакрамоза и что быть можетъ президентъ получилъ ихъ этимъ путемъ [1].

---

[1]) Академики не ошиблись: дѣйствительно авторомъ задачъ, предложенныхъ на рѣшеніе, былъ Ейлеръ. Въ письмѣ къ Шумахеру 15 іюля 1749 г. онъ сообщалъ: «Въ приложеніи къ г. Теплову, я предложилъ нѣсколько задачъ на премію, какъ онъ просилъ меня о томъ по приказанію г. президента». 29 декабря того же года: «Въ эту минуту я получилъ благосклонное сообщенное вами описаніе торжественнаго собранія при императорской Академіи наукъ. Я чрезвычайно радъ счастливому окончанію его и прошу вашъ покорнѣйшую признательность за сообщеніе. Предложенныя публично при этомъ же случаѣ задача есть величайшей важности, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что на нее поступятъ превосходныя статьи. Я буду очень доволенъ, чтобы меня никто не считалъ первоначальнымъ сочинителемъ этой задачи (für den Urheber dieser Frage), хотя трудно будетъ избѣгнуть у многихъ всякаго подозрѣнія, потому что многимъ болѣе, чѣмъ достаточно, извѣстно, что съ давнихъ временъ этотъ вопросъ сильно меня занимаетъ...» Исполненныя письма 1749—1774

А, о, говорил они, задачи безъ сомнѣнія написаны Альгаротти! Остальное вы найдете, милостивый государь, въ моемъ русскомъ письмѣ. Скажу вамъ только, что замѣтивъ, что г. Ломоносовъ казался разсерженнымъ присылкою задачъ, такъ какъ онъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ надлежало положиться на академиковъ, я ему говорилъ, что отъ него зависитъ предложить задачи, какія считаетъ онъ нужными, и что онѣ также пошлютъ къ его сіятельству. На это онъ согласился. Господинъ этотъ показываетъ себя ужаснымъ гордецомъ (ce homme là fait terriblement le fier). Программа будетъ напечатана въ извѣщеніи (о торжественномъ собраніи) и на отдѣльныхъ листахъ. Его сіятельство прекрасно поступилъ, передавъ диссертацію г. Миллера на судъ гг. профессоровъ. Они уже работаютъ надъ нею и сдѣлаютъ такъ, что всѣ останутся тѣмъ довольны, какъ равно и г. Миллеръ. Если бы напечатать его рѣчь въ томъ видѣ, какъ она есть, то всѣ профессоры согласны, что это было бы уничиженіемъ для Академіи (ç'auroit été une prostitution pour l'Académie...»).

24 августа 1749 года: ...«завтра окончатъ дѣло о торжественномъ собраніи, и тогда о послѣдствіяхъ будетъ представлено въ Москву. Г. Миллеръ не хочетъ уступить, а другіе профессора не хотятъ принять ни его мнѣнія, ни его способа изложенія....»

28 августа 1749 года: «изъ нынѣшняго донесенія вы увидите, что мы ничего не упустили для исполненія приказанія его сіятельства. У меня еще нѣтъ латинскаго перевода ломоносовскаго панегирика. Его помѣстятъ въ латинскій экземпляръ, если онъ будетъ готовъ къ предназначенному времени; если нѣтъ, то экземпляры будутъ посланы безъ него. Ultra posse, nemo obligatur. Если бы г. Ломоносовъ захотѣлъ послѣдовать

годонъ арх. акад.). Задача, которая была предложена на конкурсъ въ торжественномъ собраніи нашей Академіи 26 ноября 1749 года состояла въ изслѣдованіи теоріи Ньютона о движеніи луны. Премію получилъ извѣстный французскій математикъ Клеро, и изслѣдованіе его по этому предмету напечатано въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: Théorie de la lune déduite du seul principe de l'attraction reciproquement proportionelle aux quarrés des distances. Pièce qui a remporté le prix de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pét. proposé en 1750. 1752, in 4°, 92 pag.

моему совѣту, заключавшемуся въ томъ, чтобы переводъ былъ сдѣланъ г. профессоромъ Фишеромъ, то теперь было бы готово. Но г. Ломоносовъ изъ тщеславія ли, или же по самонадѣянности имѣетъ притязаніе сдѣлать это также хорошо, какъ г. Фишеръ. Мы это увидимъ. Въ настоящую минуту онъ велѣлъ мнѣ сказать, что представитъ свой панегирикъ въ канцелярію на латинскомъ языкѣ въ четвергъ. Фишеръ сказывалъ мнѣ, что г. Ломоносовъ пишетъ по-латини несравненно лучше Миллера. Такъ какъ рѣчь послѣдняго была наполнена ошибками противъ грамматики и исторіи и выраженіями грубыми и обидными, то это все откинули, на сколько позволяли время и уступчивость г. Миллера... Я ничего не имѣю прибавить къ тому, что я вамъ много разъ писалъ касательно состоянія сердца г. Миллера. Этотъ плутъ и великій лжецъ (fourbe et grand menteur), видя, что онъ поступилъ неуважительно противъ своего начальника, нарушилъ вѣрность къ своему другу (Гмелину) и теперь, опасаясь справедливыхъ упрековъ, смѣшиваетъ меня съ грязью, въ надеждѣ свалить на меня свою вину. Я говорю вамъ, милостивый государь, какъ передъ Богомъ, что Миллеръ только тогда сказалъ мнѣ о своей рѣчи, когда представилъ ее въ канцелярію для отсылки въ Москву. Правда, что, прочитавъ ее, я ему сказалъ въ лицо, что не думаю, чтобы его сіятельство одобрилъ когда нибудь его рѣчь въ томъ видѣ, какъ она есть, и что было бы лучше изложить этотъ предметъ съ бо́льшею осторожностью, чтобы не обидѣть никого....»

4 сентября 1749 года: «я замѣтилъ по числу вашего письма, что мы оба были очень заняты въ одно и тоже время торжественнымъ собраніемъ, но весьма различно: вы — для уничтоженія, а я для осуществленія его, потому что 31 августа вы отправили курьера, а я отсюда въ тотъ же день послалъ всѣ книги, чтобы онѣ прибыли въ Москву 5 сентября, согласно приказанію его сіятельства. Изъ этого дѣла вы, милостивый государь, убѣдитесь, что мы считаемъ обязанностью исполнять съ точностью приказанія его сіятельства. Курьеръ пріѣхалъ вчера въ воскресенье, 3 сентября, въ полдень, а сегодня, 4, мы предупредили коллегіи, канцеляріи и конторы, уже пригла-

27 ноября. Восшествіе на престолъ ея величества будетъ 25, слѣдовательно 26 воскресенье — день неудобный для торжественнаго собранія, но все будетъ зависѣть отъ его сіятельства».

11 сентября 1749 года: «гг. профессора и адъюнкты трудятся надъ рѣчью г. Миллера, и вы, милостивый государь, увидите, что мнѣніе каждаго изъ нихъ, поданное особливо, будетъ весьма различествовать отъ того, которое онъ подавалъ съ товарищами, будучи въ засѣданіи. Гг. ученые, изъ опасенія-ли, изъ зависти-ли, очень рѣдко высказываются о томъ, о чемъ ихъ спрашиваютъ. Когда хочешь знать истину о предметѣ, надобно непремѣнно говорить съ каждымъ отдѣльно. Такъ я и сдѣлалъ».

16 сентября 1749 года: «если когда нибудь меня затрудняло и подвергало хлопотамъ академическое дѣло, такъ это будущее торжественное собраніе. Съ самаго начала диссертація г. Миллера не имѣла чести мнѣ понравиться, но я не находилъ ее столь ошибочною, какъ описываютъ гг. профессора и адъюнкты. Чтобы не ставить себя между двухъ огней, я думалъ найти самый вѣрный путь послать въ подлинникѣ къ его сіятельству мнѣнія членовъ коммиссіи и ожидать его окончательнаго рѣшенія по этому дѣлу. Любезный мой другъ и собратъ по невзгодамъ! не найдете ли вы удобнымъ предложить его сіятельству приказать лучше на этотъ разъ выбрать предметъ изъ физики по математическому классу и отложить рѣчь г. Миллера до другаго времени, потому что невозможно согласить мнѣнія гг. профессоровъ съ авторскими, да если бы и возможно было, то надобно было бы переводить снова. И кто захочетъ взять это на себя? Никто, такъ какъ авторъ, увѣренный, что знаетъ по-русски лучше всякаго переводчика, всегда испортитъ переводъ своими пустѣйшими поправками... Но, если вы изберете научную тему, я полагаю, что всѣ останутся довольны....»

Предложеніе Шумахера было принято Тепловымъ, и Рихманъ сталъ готовить рѣчь къ предстоящему собранію.

19 октября 1749 года: «гг. профессора и адъюнкты теперь трудятся надъ диссертаціею г. Миллера и въ понедѣльникъ

начнутъ битву. Я предвижу, что она будетъ очень жестока, такъ какъ ни тотъ, ни другіе не захотятъ отступиться отъ своего мнѣнія. Не знаю, помните ли вы еще, милостивый государь, то, что я имѣлъ честь писать къ вамъ о диссертаціи г. Миллера. Помню, что я утверждалъ, что она написана съ большою ученостью, но съ малымъ благоразуміемъ. Это оправдывается. Г. Байеръ, который писалъ о томъ же предметѣ въ академическихъ комментаріяхъ, излагалъ свои мнѣнія съ бо́льшимъ благоразуміемъ, потому что употреблялъ всѣ возможныя старанія отъискать для русскаго народа благородное и блистательное происхожденіе, тогда какъ г. Миллеръ, по увѣренію русскихъ профессоровъ, старается только объ униженіи русскаго народа. И они правы. Если бы я былъ на мѣстѣ автора, то далъ бы совсѣмъ другой оборотъ своей рѣчи. Я бы изложилъ такимъ образомъ: происхожденіе народовъ весьма неизвѣстно. Каждый производитъ ихъ то отъ боговъ, то отъ героевъ. Такъ какъ я буду говорить теперь о происхожденіи русскаго народа, то изложу вамъ, милостивые государи, различныя мнѣнія писателей по этому предмету и потомъ выскажу мое собственное мнѣніе, поддерживая его доказательствами, довольно — покрайней мѣрѣ по моему разсужденію — убѣдительными. Такой-то и проч. Я же, основываясь на свидѣтельствахъ, сохраненныхъ шведскими писателями, представляю себѣ, что русская нація ведетъ свое начало отъ скандинавскихъ народовъ. Но откуда бы ни производили русскій народъ, онъ былъ всегда народомъ храбрымъ, отличавшимся геройскими подвигами, которыхъ слѣдуетъ сохраниться въ потомствѣ. По краткости времени, мы коснемся только замѣчательнѣйшихъ, отложивъ прочіе до другаго случая. Здѣсь бы онъ могъ говорить о подвигахъ князей, великихъ князей, царей, императоровъ и императрицъ. Но онъ хотѣлъ умничать! Habeat sibi — дорого онъ заплатитъ за свое тщеславіе!»

30 октября 1749 года: «профессоръ Миллеръ теперь видитъ, что промахнулся съ своею диссертаціею De origine gentis russicae, потому что одинъ Поповъ задалъ ей шахъ и матъ, указавъ на столько грубыхъ ошибокъ, которыхъ онъ рѣшительно не могъ оправдать. Мнѣ сказывали, что когда Поповъ гово-

рилъ Миллеру: tu, clarissime autor, nostram gentem infamia afficis, то тотъ почти лишился чувствъ (tomboit presque en defaillance!). Теперь онъ сказывается больнымъ и не хочетъ болѣе ходить въ конференцію. Мѣсто на страницахъ 18 и 19 диссертаціи Рихмана: Et nos feliciter incidimus etc. приноситъ болѣе чести Академіи, чѣмъ вся галиматья г. Миллера, которою онъ хочетъ разрушить все, что другіе созидали съ такимъ трудомъ...»

Наконецъ 26 ноября происходило торжественное собраніе въ Академіи, а 4 декабря 1749 года, Шумахеръ писалъ къ Теплову: «И такъ похвальное слово (Ломоносова) было принято при Дворѣ съ одобреніемъ. Хорошо, но я увѣряю васъ, милостивый государь, что физическая диссертація (Рихмана) будетъ такимъ же образомъ принята отъ ученыхъ, а премія тѣми, кто ее получитъ. И такъ всѣ будутъ довольны. Прусаки и шведы также, когда вы имъ покажете прилагаемое при семъ писаніе, потому что они устыдятся своихъ жалобъ противъ г. Ломоносова [1]), когда прочтутъ болѣе жесткія и болѣе рѣзкія выраженія, которыя употребилъ король прусскій въ статьѣ Дарже. Надобно вамъ знать, что король есть настоящій авторъ ея...» [2]).

---

[1]) Въ похвальномъ словѣ императрицѣ Елизаветѣ, произнесенномъ Ломоносовымъ 26 ноября 1749 года, есть дѣйствительно нѣсколько мѣстъ, гдѣ говорится о побѣдахъ русскихъ надъ шведами, о великодушіи къ нимъ императрицы и т. д. О прусакахъ-же въ Словѣ нѣтъ прямыхъ упоминаній. Правда, что въ то время отношенія петербургскаго двора къ Фридриху II не отличались дружелюбіемъ, и быть можетъ для современниковъ были ясны намеки Ломоносова въ родѣ слѣдующихъ: «если кто изъ завистниковъ благополучія нашего дерзнетъ неистовымъ или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое монархини нашей сердце на гнѣвъ подвигнуть, то познаетъ о всемъ премудрый ея промыселъ....» и т. д.

[2]) Etienne Darget, французъ, исполнявшій должность секретаря, чтеца и корректора при прусскомъ королѣ Фридрихѣ II; онъ также читалъ въ берлинской академіи статьи, которыя писалъ этотъ государь (Abbé Denina—La Prusse littéraire sous Frédéric II, I, 352). Въ 1748 году Дарже читалъ между прочимъ въ Академіи сочиненіе короля: La vie de Frédéric I, roi de Prusse, при которомъ были приложены статьи его же: Des moeurs, des coutumes, de l'industrie, des progrès de l'ésprit humain dans les arts et dans les sciences, и De la supestition et de la religion (Friedrich der Grosse als Schriftsteller, von Preusz, Berlin, 1837, стр. 49).

12.

Хлопоты Шумахера о полученіи аренды въ Ливоніи и отзывы его о возвышеніи Ломоносова.

1752 — 1753 годы.

Шумахеръ былъ женатъ на дочери придворнаго пов Петра Великаго, Фельтена, женѣ котораго было пожалов въ аренду имѣніе въ Ливоніи. Теща Шумахера въ 1752— годахъ была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и онъ сильно хл талъ въ это время, чтобы означенная аренда осталась въ семействѣ и въ случаѣ кончины вдовы Фельтенъ. Въ м 1753 года, Шумахеръ получилъ у графа Разумовск разрѣшеніе Тауберту, своему зятю, пріѣхать въ Москв подачи императрицѣ просьбы о семейномъ дѣлѣ, а къ гр Воронцову (9 апрѣля 1753 года) сообщалъ, что Тауб ѣдетъ въ Москву по приказанію президента для академичес дѣлъ. «Моя теща, присовокуплялъ Шумахеръ, такъ пл что мы каждую минуту ожидаемъ ея смерти. Г. Тауберт намѣренъ... представить ея величеству просьбу въ пользу и моего семейства...»[1]). Затѣмъ слѣдуетъ ходатайство о со ствіи въ этомъ дѣлѣ.

Для успѣха своего домогательства, Шумахеръ приду представить императрицѣ чрезъ Тауберта выгравирова при Академіи наукъ планъ Петербурга. Исполненіе этой р ты Шумахеръ приписывалъ себѣ съ Таубертомъ, прич чтобы понравиться императрицѣ, не забыто было упомин что планъ работанъ исключительно одними русскими ученика

[1]) Арх. акад. конф., Исходящія письма 1752—1753 годовъ.

[2]) 8 іюня 1753 года Шумахеръ писалъ къ своему пріятелю Ивану гелину въ Базель, при посылкѣ плана: «г. гетманъ вызвалъ г. Тауб въ Москву, чтобы имѣть честь представить планъ ея величеству отъ Академіи наукъ. Трудъ этотъ очень понравился ея величеству, и я дума тому что его исполнили русскіе академическіе ученики, за что они и уд лись милостиваго благоволенія. Г. Таубертъ и я приняли это также н счетъ — вы знаете, что лестное слово, исходящее отъ трона, стоитъ винца...» (Исход. письма 1752—1753 годовъ).

Не смотря на эту выдумку, дѣло объ арендѣ не подвигалось. «То, что вы сообщили мнѣ, писалъ Шумахеръ къ Тауберту 22 апрѣля 1753 года, въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, я уже давно предчувствовалъ и почти убѣжденъ, что планъ очень мало поможетъ для нашей цѣли (dasz der Plan gar wenig zu unserm Endzweck helfen werde), такъ какъ каждый заботится только о себѣ. И такъ я вамъ совѣтую, немедля, возвратиться сюда и выжидать болѣе удобнаго времени. Купите въ Москвѣ хорошую дорожную коляску (Schlafwagen). Академія всегда имѣетъ въ таковой нужду (?!) и уплатитъ вамъ за то деньги...»[1]).

Въ то самое время, когда Таубертъ вотще хлопоталъ въ Москвѣ о ливонской арендѣ, Ломоносовъ также отправился туда и также по частному дѣлу, именно съ просьбою о пособіи ему отъ казны для устройства мозаичнаго завода. «Для сего Ломоносовъ, пишетъ онъ самъ про себя [2]), просилъ изъ канцеляріи отпускнаго письма, но Шумахеръ отказалъ, что безъ президентскаго позволенія дать не смѣетъ. Но какъ зимній путь уже сталъ худѣть, и Ломоносовъ думалъ, что можетъ ему также отъ президента отказъ будетъ, и дѣло его весьма продлится, то испросилъ онъ позволенія изъ сенатской конторы отъ адмирала князя Голицына пашпортъ и въ Москву пріѣхалъ прямо къ президенту, извиняясь своею законною нуждою. Его сіятельство принялъ ласково и во всю бытность оказывалъ къ нему любленіе. Всемилостивѣйшая же государыня благоволила подать ему довольные знаки своего высочайшаго благоволенія и пожаловала по желанію его деревни. Возвратясь въ Санктпетербургъ, Ломоносовъ увидѣлъ въ профессорскомъ собраніи отъ президента оному на общее лицо репримандъ въ ослушаніи. А покойникъ адмиралъ князь Голицынъ показалъ Ломоносову также вѣжливый репримандъ отъ президента въ формѣ письма отъ совѣтника Теплова, что онъ въ чужую должность вступился, отпустилъ въ Москву реченнаго Ломоносова. Такъ противны были Шумахеру его успѣхи».

По случаю пребыванія Ломоносова въ Москвѣ, о немъ

---

[1]) Арх. акад. конф., Исходящія письма 1752, 1753 годовъ.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Билярскимъ, стр. 066.

начнутъ битву. Я предвижу, что она будетъ очень жестока, такъ какъ ни тотъ, ни другіе не захотятъ отступиться отъ своего мнѣнія. Не знаю, помните ли вы еще, милостивый государь, то, что я имѣлъ честь писать къ вамъ о диссертаціи г. Миллера. Помню, что я утверждалъ, что она написана съ большою ученостью, но съ малымъ благоразуміемъ. Это оправдывается. Г. Байеръ, который писалъ о томъ же предметѣ въ академическихъ комментаріяхъ, излагалъ свои мнѣнія съ бо́льшимъ благоразуміемъ, потому что употреблялъ всѣ возможныя старанія отъискать для русскаго народа благородное и блистательное происхожденіе, тогда какъ г. Миллеръ, по увѣренію русскихъ профессоровъ, старается только объ униженіи русскаго народа. И они правы. Если бы я былъ на мѣстѣ автора, то далъ бы совсѣмъ другой оборотъ своей рѣчи. Я бы изложилъ такимъ образомъ: происхожденіе народовъ весьма неизвѣстно. Каждый производитъ ихъ то отъ боговъ, то отъ героевъ. Такъ какъ я буду говорить теперь о происхожденіи русскаго народа, то изложу вамъ, милостивые государи, различныя мнѣнія писателей по этому предмету и потомъ выскажу мое собственное мнѣніе, поддерживая его доказательствами, довольно — покрайней мѣрѣ по моему разсужденію — убѣдительными. Такой-то и проч. Я же, основываясь на свидѣтельствахъ, сохраненныхъ шведскими писателями, представляю себѣ, что русская нація ведетъ свое начало отъ скандинавскихъ народовъ. Но откуда бы ни производили русскій народъ, онъ былъ всегда народомъ храбрымъ, отличавшимся геройскими подвигами, которымъ слѣдуетъ сохраниться въ потомствѣ. По краткости времени, мы коснемся только замѣчательнѣйшихъ, отложивъ прочіе до другаго случая. Здѣсь бы онъ могъ говорить о подвигахъ князей, великихъ князей, царей, императоровъ и императрицъ. Но онъ хотѣлъ умничать! Habeat sibi — дорого онъ заплатитъ за свое тщеславіе!»

30 октября 1749 года: «профессоръ Миллеръ теперь видитъ, что промахнулся съ своею диссертаціею De origine gentis russicae, потому что одинъ Поповъ задалъ ей шахъ и матъ, указавъ на столько грубыхъ ошибокъ, которыхъ онъ рѣшительно не могъ оправдать. Мнѣ сказывали, что когда Поповъ гово-

рилъ Миллеру: tu, clarissime autor, nostram gentem [illegible] afficis, то тотъ почти лишился чувствъ (tombait presque en défaillance!). Теперь онъ сказывается больнымъ и не хочетъ болѣе ходить въ конференцію. Мѣсто на страницахъ 18 и 19 диссертаціи Рихмана: Et nos feliciter incidimus etc. приноситъ болѣе чести Академіи, чѣмъ вся галиматья г. Миллера, которою онъ хочетъ разрушить все, что другіе созидали съ такимъ трудомъ...»

Наконецъ 26 ноября происходило торжественное собраніе въ Академіи, а 4 декабря 1749 года, Шумахеръ писалъ къ Теплову: «И такъ похвальное слово (Ломоносова) было принято при Дворѣ съ одобреніемъ. Хорошо, но я увѣряю васъ, милостивый государь, что физическая диссертація (Рихмана) будетъ такимъ же образомъ принята отъ ученыхъ, а премія тѣми, кто ее получитъ. И такъ всѣ будутъ довольны. Прусаки и шведы также, когда вы имъ покажете прилагаемое при семъ писаніе, потому что они устыдятся своихъ жалобъ противъ г. Ломоносова [1]), когда прочтутъ болѣе жесткія и болѣе рѣзкія выраженія, которыя употребилъ король прусскій въ статьѣ Дарже. Надобно вамъ знать, что король есть настоящій авторъ ея...» [2]).

---

[1]) Въ похвальномъ словѣ императрицѣ Елизаветѣ, произнесенномъ Ломоносовымъ 26 ноября 1749 года, есть дѣйствительно нѣсколько мѣстъ, гдѣ говорится о побѣдахъ русскихъ надъ шведами, о великодушіи къ нимъ императрицы и т. д. О прусакахъ-же въ Словѣ нѣтъ прямыхъ упоминаній. Правда, что въ то время отношенія петербургскаго двора къ Фридриху II не отличались дружелюбіемъ, и быть можетъ для современниковъ были ясны намеки Ломоносова въ родѣ слѣдующихъ: «если кто изъ завистниковъ благополучія нынѣшнего дерзнетъ неистовымъ или коварнымъ озлобленіемъ [illegible] монархини нашей сердце на гнѣвъ подвигнуть, то познаетъ о всемъ [illegible] ея промыселъ....» и т. д.

[2]) Etienne Darget, французъ, исполнявшій должность секретаря [illegible] и корректора при прусскомъ королѣ Фридрихѣ II; онъ также читалъ въ берлинской академіи статьи, которыя писалъ этотъ государь (Abbé Ivanna — La Prusse littéraire sous Frédéric II, I, 352). Въ 1746 году Дарже читалъ между прочимъ въ Академіи сочиненіе короля: La vie de Frédéric I, roi de Prusse, при которомъ были приложены статьи его же: Des moeurs, des coutumes, de l'industrie, des progrès de l'esprit humain dans les arts et dans les sciences. и De la superstition et de la religion (Friedrich der Grosse als Schriftsteller. von Preuss, Berlin, 1837, стр. 49).

начнутъ битву. Я предвижу, что она будетъ очень жестоц
такъ какъ ни тотъ, ни другіе не захотятъ отступиться от
своего мнѣнія. Не знаю, помните ли вы еще, милостивый госу-
дарь, то, что я имѣлъ честь писать къ вамъ о диссертаціи г. Ми-
лера. Помню, что я утверждалъ, что она написана съ больш
ученостью, но съ малымъ благоразуміемъ. Это оправдывает
Г. Байеръ, который писалъ о томъ же предметѣ въ академ
ческихъ комментаріяхъ, излагалъ свои мнѣнія съ бо́льшим
благоразуміемъ, потому что употреблялъ всѣ возможныя ста-
ранія отъискать для русскаго народа благородное и блистатель
ное происхожденіе, тогда какъ г. Миллеръ, по увѣренію рус
скихъ профессоровъ, старается только объ униженіи русскаг
народа. И они правы. Если бы я былъ на мѣстѣ автора, я
далъ бы совсѣмъ другой оборотъ своей рѣчи. Я бы изложил
такимъ образомъ: происхожденіе народовъ весьма неизвѣстн
Каждый производитъ ихъ то отъ боговъ, то отъ героевъ. Так
какъ я буду говорить теперь о происхожденіи русскаго народ
то изложу вамъ, милостивые государи, различныя мнѣнія пис
телей по этому предмету и потомъ выскажу мое собственно
мнѣніе, поддерживая его доказательствами, довольно — покра
ней мѣрѣ по моему разсужденію — убѣдительными. Такой-т
и проч. Я же, основываясь на свидѣтельствахъ, сохраненных
шведскими писателями, представляю себѣ, что русская нац
ведетъ свое начало отъ скандинавскихъ народовъ. Но откуд
бы ни производили русскій народъ, онъ былъ всегда народом
храбрымъ, отличавшимся геройскими подвигами, которых
слѣдуетъ сохраниться въ потомствѣ. По краткости времени
мы коснемся только замѣчательнѣйшихъ, отложивъ прочіе д
другаго случая. Здѣсь бы онъ могъ говорить о подвигахъ кня
зей, великихъ князей, царей, императоровъ и императрицъ. Н
онъ хотѣлъ умничать! Habeat sibi — дорого онъ заплатитъ з
свое тщеславіе!»

30 октября 1749 года: «профессоръ Миллеръ теперь ви
дитъ, что промахнулся съ своею диссертаціею De origine genti
russicae, потому что одинъ Поповъ задалъ ей шахъ и матъ, ука
завъ на столько грубыхъ ошибокъ, которыхъ онъ рѣшительн
не могъ оправдать. Мнѣ сказывали, что когда Поповъ гово

рилъ Миллеру: tu, clarissime autor, nostram gentem infamia afficis, то тотъ почти лишился чувствъ (tomboit presque en defaillance!). Теперь онъ сказывается больнымъ и не хочетъ болѣе ходить въ конференцію. Мѣсто на страницахъ 18 и 19 диссертаціи Рихмана: Et nos feliciter incidimus etc. приноситъ болѣе чести Академіи, чѣмъ вся галиматья г. Миллера, которою онъ хочетъ разрушить все, что другіе созидали съ такимъ трудомъ...»

Наконецъ 26 ноября происходило торжественное собраніе въ Академіи, а 4 декабря 1749 года, Шумахеръ писалъ къ Теплову: «И такъ похвальное слово (Ломоносова) было принято при Дворѣ съ одобреніемъ. Хорошо, но я увѣряю васъ, милостивый государь, что физическая диссертація (Рихмана) будетъ такимъ же образомъ принята отъ ученыхъ, а премія тѣми, кто ее получитъ. И такъ всѣ будутъ довольны. Прусаки и шведы также, когда вы имъ покажете прилагаемое при семъ писаніе, потому что они устыдятся своихъ жалобъ противъ г. Ломоносова [1]), когда прочтутъ болѣе жесткія и болѣе рѣзкія выраженія, которыя употребилъ король прусскій въ статьѣ Дарже. Надобно вамъ знать, что король есть настоящій авторъ ея...» [2]).

---

[1]) Въ похвальномъ словѣ императрицѣ Елизаветѣ, произнесенномъ Ломоносовымъ 26 ноября 1749 года, есть дѣйствительно нѣсколько мѣстъ, гдѣ говорится о побѣдахъ русскихъ надъ шведами, о великодушіи къ нимъ императрицы и т. д. О прусакахъ-же въ Словѣ нѣтъ прямыхъ упоминаній. Правда, что въ то время отношенія петербургскаго двора къ Фридриху II не отличались дружелюбіемъ, и быть можетъ для современниковъ были ясны намеки Ломоносова въ родѣ слѣдующихъ: «если кто изъ завистниковъ благополучія нашего дерзнетъ неистовымъ или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое монархини нашей сердце на гнѣвъ подвигнуть, то познаетъ о всемъ премудрый ея промыселъ....» и т. д.

[2]) Etienne Darget, французъ, исполнявшій должность секретаря, чтеца и корректора при прусскомъ королѣ Фридрихѣ II; онъ также читалъ въ берлинской академіи статьи, которыя писалъ этотъ государь (Abbé Denina—La Prusse littéraire sous Frédéric II, I, 352). Въ 1748 году Дарже читалъ между прочимъ въ Академіи сочиненіе короля: La vie de Frédéric I, roi de Prusse, при которомъ были приложены статьи его же: Des moeurs, des coutumes, de l'industrie, des progrès de l'ésprit humain dans les arts et dans les sciences, и De la supestition et de la religion (Friedrich der Grosse als Schriftsteller, von Preusz, Berlin, 1837, стр. 49).

12.

Хлопоты Шумахера о полученіи аренды въ Ливоніи и отзывы его о возвышеніи Ломоносова.

1752 — 1753 годы.

Шумахеръ былъ женатъ на дочери придворнаго повара Петра Великаго, Фельтена, женѣ котораго было пожаловано въ аренду имѣніе въ Ливоніи. Теща Шумахера въ 1752—54 годахъ была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и онъ сильно хлопоталъ въ это время, чтобы означенная аренда осталась въ его семействѣ и въ случаѣ кончины вдовы Фельтенъ. Въ мартѣ 1753 года, Шумахеръ получилъ у графа Разумовскаго разрѣшеніе Тауберту, своему зятю, пріѣхать въ Москву для подачи императрицѣ просьбы о семейномъ дѣлѣ, а къ графу Воронцову (9 апрѣля 1753 года) сообщалъ, что Таубертъ ѣдетъ въ Москву по приказанію президента для академическихъ дѣлъ. «Моя теща, присовокуплялъ Шумахеръ, такъ плоха, что мы каждую минуту ожидаемъ ея смерти. Г. Таубертъ... намѣренъ... представить ея величеству просьбу въ пользу мою и моего семейства...»[1]). Затѣмъ слѣдуетъ ходатайство о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ.

Для успѣха своего домогательства, Шумахеръ придумалъ представить императрицѣ чрезъ Тауберта выгравированный при Академіи наукъ планъ Петербурга. Исполненіе этой работы Шумахеръ приписывалъ себѣ съ Таубертомъ, причемъ, чтобы понравиться императрицѣ, не забыто было упоминаніе, что планъ работанъ исключительно одними русскими учениками[2]).

---

[1]) Арх. акад. конф., Исходящія письма 1752—1753 годовъ.

[2]) 8 іюня 1753 года Шумахеръ писалъ къ своему пріятелю Ивану Штегелину въ Базель, при посылкѣ плана: «г. гетманъ вызвалъ г. Тауберта въ Москву, чтобы имѣть честь представить планъ ея величеству отъ имени Академіи наукъ Трудъ этотъ очень понравился ея величеству, и я думаю потому что его исполнили русскіе академическіе ученики, за что они и удостоились милостиваго благоволенія. Г. Таубертъ и я приняли это также на свой счетъ — вы знаете, что лестное слово, исходящее отъ трона, стоитъ сокровища...» (Исход. письма 1752—1753 годовъ).

Не смотря на эту выдумку, дѣло объ арендѣ не подвигалось. «То, что вы сообщили мнѣ, писалъ Шумахеръ къ Тауберту 22 апрѣля 1753 года, въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, я уже давно предчувствовалъ и почти убѣжденъ, что планъ очень мало поможетъ для нашей цѣли (dasz der Plan gar wenig zu unserm Endzweck helfen werde), такъ какъ каждый заботится только о себѣ. И такъ я вамъ совѣтую, немедля, возвратиться сюда и выжидать болѣе удобнаго времени. Купите въ Москвѣ хорошую дорожную коляску (Schlafwagen). Академія всегда имѣетъ въ таковой нужду (?!) и уплатитъ вамъ за то деньги...»[1]).

Въ то самое время, когда Таубертъ вотще хлопоталъ въ Москвѣ о ливонской арендѣ, Ломоносовъ также отправился туда и также по частному дѣлу, именно съ просьбою о пособіи ему отъ казны для устройства мозаичнаго завода. «Для сего Ломоносовъ, пишетъ онъ самъ про себя [2]), просилъ изъ канцеляріи отпускнаго письма, но Шумахеръ отказалъ, что безъ президентскаго позволенія дать не смѣетъ. Но какъ зимній путь уже сталъ худѣть, и Ломоносовъ думалъ, что можетъ ему также отъ президента отказъ будетъ, и дѣло его весьма продлится, то испросилъ онъ позволенія изъ сенатской конторы отъ адмирала князя Голицына пашпортъ и въ Москву пріѣхалъ прямо къ президенту, извиняясь своею законною нуждою. Его сіятельство принялъ ласково и во всю бытность оказывалъ къ нему любленіе. Всемилостивѣйшая же государыня благоволила подать ему довольные знаки своего высочайшаго благоволенія и пожаловала по желанію его деревни. Возвратясь въ Санктпетербургъ, Ломоносовъ увидѣлъ въ профессорскомъ собраніи отъ президента опому на общее лицо репримандъ въ ослушаніи. А покойникъ адмиралъ князь Голицынъ показалъ Ломоносову также вѣжливый репримандъ отъ президента въ формѣ письма отъ совѣтника Теплова, что онъ въ чужую должность вступился, отпустилъ въ Москву реченнаго Ломоносова. Такъ противны были Шумахеру его успѣхи».

По случаю пребыванія Ломоносова въ Москвѣ, о немъ

---

[1]) Арх. акад. конф., Исходящія письма 1752, 1753 годовъ.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Билярскимъ, стр. 066.

же разъ находила рѣчь у Шумахера въ письмахъ къ Тауберту.

«Я, писалъ Шумахеръ 11 марта 1753 года, совершенно равнодушенъ у кого г. Ломоносовъ въ милости и какія пріобрѣтаетъ онъ противъ другихъ выгоды: также не могу проникнуть ни къ кому въ сердце и стаю быть не могу знать, какъ одинъ расположенъ къ другому. Равнымъ образомъ и такожъ я отъ природы, чтобы сталъ завидовать полученнымъ имъ выгодамъ. Не все то золото, что блеститъ. Многіе такого мнѣнія, что чрезвычайныя преимущества, которыхъ онъ достигъ, умножая его счастье, послужатъ также и къ погибели его. Правда, что боязливый и скромный нейдетъ далеко, но за то онъ идетъ тверже. Напротивъ отважный и гордый быстрѣе стремится къ цѣли, однако часто, при смѣлыхъ скачкахъ, падаетъ въ пропасть, гдѣ и погибаетъ. Я въ этомъ случаѣ ссылаюсь на Соломона [1]), который мудро говоритъ: въ бѣгѣ не помогаетъ быстрота, въ борьбѣ — сила; для пропитанія недостаточно быть способнымъ, а для богатства благоразумнымъ. Быть пріятнымъ не помогаетъ успѣху въ дѣлахъ, но все это зависитъ отъ времени и счастья».

«Если извѣстное дѣло (т. е. объ арендѣ), какъ видно, не подвинется, а между тѣмъ у меня плохая надежда на представленіе министерства, не смотря на всѣ обѣщанія и чрезвычайное уваженіе, то я бы совѣтовалъ вамъ предпринять, послѣ 25 апрѣля, возвратный путь...».

15 марта 1753 года: «г. совѣтникъ Ломоносовъ весьма несправедливъ, когда на меня жалуется: не я съ нимъ, а онъ со мною поступилъ невѣжливо. Если онъ подъ невѣжливымъ обхожденіемъ разумѣетъ то, что не все дѣлается по его волѣ, въ нарушеніе права и справедливости, въ такомъ случаѣ я долженъ согласиться, что поступилъ съ нимъ невѣжливо. Его лабораторъ подалъ въ канцелярію доношеніе съ просьбою объ отпускѣ его въ Москву, по своимъ дѣламъ, на 29 дней. Канцелярія разрѣшила его отпустить. День спустя, является въ канцелярію г. совѣтникъ Ломоносовъ и передаетъ мнѣ на

---

[1]) Экклез. 9, 11.

словахъ, чтобъ я выдалъ лаборатору прогоны на двѣ лошади, такъ-какъ онъ посылаетъ его въ Москву по своимъ мозаическимъ работамъ. Я возразилъ ему, что этого не можетъ быть сдѣлано, потому что лабораторъ въ своемъ доношеніи объяснилъ, что отправляется въ Москву по собственнымъ домашнимъ дѣламъ. «Это должно сдѣлать, отвѣчалъ г. совѣтникъ Ломоносовъ, и вы узнаете, какъ это будетъ сдѣлано!» А я говорилъ, что этого не будетъ. «Не очень гордитесь (nicht so hoch), сказалъ Ломоносовъ, я самъ такой же полковникъ, какъ и вы!» Я возразилъ, что я не полковникъ, а совѣтникъ канцеляріи, гдѣ онъ ничѣмъ не можетъ повелѣвать. Затѣмъ онъ внѣ себя вышелъ вонъ. Съ тѣхъ поръ я съ нимъ не говорилъ, а лабораторъ поѣхалъ на своихъ лошадяхъ. Г. Ломоносовъ можетъ дѣйствовать противъ меня, какъ онъ хочетъ, но я всегда скажу, что у него былъ бы хорошій умъ (gutes Genie) и что онъ высоко стоялъ бы по своей наукѣ (dasz er es in denen Wissenschaften würde hoch gebracht haben), когда бы притомъ оставался вѣжливымъ. Надменность, скупость и пьянство такіе пороки, которые многихъ довели до несчастія. Его шуринъ сказывалъ мнѣ сегодня, что г. совѣтникъ скоро прибудетъ сюда. Это извѣстіе очень разнствуетъ съ вашимъ....» [1]).

13.

Рѣчь Ломоносова о явленіяхъ, происходящихъ отъ электричества.

1753 — 1754 годы.

5 августа 1753 г., Шумахеръ постановилъ въ академической канцеляріи представить президенту объ отмѣнѣ торжественнаго собранія въ Академіи, назначеннаго 5 сентября, по случаю внезапной смерти Рихмана, который долженъ былъ читать тамъ о своихъ наблюденіяхъ надъ электричествомъ [2]).

---

[1]) Арх. акад. конф., Исходящія письма 1752, 1753 годовъ.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Билярскимъ, стр. 215, 216.

Между тѣмъ академики ничего не знали о томъ, и въ ихъ засѣданіяхъ продолжались разсужденія, кто и какъ будетъ отвѣчать въ предстоящемъ торжественномъ собраніи на рѣчь Ломоносова о явленіяхъ, происходящихъ отъ электричества. Шумахеръ, съ своей стороны, не подавалъ ни малѣйшаго намека о своемъ представленіи и 18 августа писалъ къ Ломоносову:

«Когда я вчера имѣлъ честь, въ присутствіи вашего высокоблагородія, высказать мое мнѣніе касательно статьи умершаго профессора Рихмана, что она должна быть отмѣнена на этотъ разъ, то ваше высокоблагородіе одни предлагали, не будетъ ли признано за лучшее изложить наблюденія покойнаго въ извлеченіи. Въ настоящую минуту имѣю честь высказать мое мнѣніе на ваше письмо. Справедливо, чтобы статья вашего высокоблагородія была главною и, чтобы г. профессоръ Гришовъ, отвѣчая на нее отъ имени Академіи, объяснилъ причины, почему поступившія статьи на задачу объ отдѣленіи золота отъ серебра не увѣнчаны и, наконецъ, предложилъ новыя. Только объ этомъ надобно рѣшить въ конференціи. Я опасаюсь, чтобы г. профессоръ Гришовъ [1]) не уклонился отъ того за краткостью времени или—Богъ знаетъ—по какимъ причинамъ. Неугодно ли будетъ вашему высокоблагородію переговорить съ нимъ объ этомъ до конференціи, чтобы расположить его къ тому. Его сіятельству г. президенту это будетъ очень пріятно, а я съ своей стороны ничего не имѣю сказать противъ того...» [2]).

Согласно представленію Шумахера, графъ Разумовскій отмѣнилъ торжественное собраніе, но Ломоносовъ въ этомъ распоряженіи видѣлъ происки Шумахера и писалъ о томъ къ президенту, который 11 октября предписалъ назначить для чтенія рѣчи Ломоносова торжественное собраніе 25 ноября 1753 года, а 4 ноября подтвердилъ, чтобы академическая канцелярія не дѣлала затрудненій по поводу преній академиковъ

---

[1]) Горячій сторонникъ Шумахера, который долженъ былъ очень хорошо знать мысли Гришова.

[2]) Архивъ акад. конф., Исходящія письма 1752—1753 годовъ.

о рѣчи Ломоносова и вообще «не вступалась бы въ сіе ихъ дѣло» [1]).

10 ноября Шумахеръ писалъ къ Ломоносову: «согласно приказанію его сіятельства г. гетмана, рѣчь вашего высокоблагородія должна быть произнесена въ торжественномъ собраніи 26 числа (sic), напечатана, переплетена и къ сроку доставлена въ Москву, а между тѣмъ время для того очень коротко, поэтому дружески прошу васъ поспѣшить корректурою, или же вы заблагоразсудите рѣчь, которую слѣдуетъ послать къ его сіятельству, оставить ненапечатанною. Такъ какъ его сіятельству угодно было еще приказать, чтобы о задачахъ было рѣшено въ конференціи, то положено завтра утромъ около 11 часовъ быть засѣданію, въ которое и ваше высокоблагородіе будете приглашены...» [2]).

Рѣчь была напечатана къ сроку, и Шумахеръ поспѣшилъ послать ея къ заграничнымъ ученымъ, бывшимъ нашимъ академикамъ: Ейлеру, Гейнзію и Крафту. Первый отвѣчалъ прежде всѣхъ, что съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ сочиненіе Ломоносова и что его гипотезы глубокомысленны и вѣроятны [3]). Шумахеръ въ отвѣтъ на это писалъ, 1 января 1754 года:

«что̀ у г. совѣтника и профессора Ломоносова замѣчательный умъ (eins besonders gutes Genie) и что̀ у него особливое предъ прочими дарованіе, того не отвергаютъ и здѣшніе профессора и академики. Только они не могутъ сносить его высокомѣрія и тщеславія, что будто бы высказанныя имъ въ разсужденіи мысли новы и принадлежатъ ему. Въ этомъ они не хотятъ ему уступить, но полагаютъ, что означенныя мысли были высказаны другими прежде его. Въ особенности не намѣрены они простить ему, что въ своихъ примѣчаніяхъ онъ дерзнулъ нападать на мужей, прославившихся въ области наукъ. Однимъ словомъ, какъ здѣшніе, такъ и иноземцы вовсе недо-

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Билярскимъ, стр. 223, 237.

[2]) Архивъ акад. конф., Исходящія письма 1752—58 годовъ.

[3]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Билярскимъ, стр. 248.

вольны поведеніемъ автора....» [1]). На это-то письмо и возразилъ Ейлеръ, что онъ въ рѣчи Ломоносова нигдѣ не встрѣтилъ презрительныхъ отзывовъ о великихъ людяхъ и пр. [2]).

Въ мнѣніяхъ Гейнзія и Крафта были высказаны приговоры, далеко не столь снисходительные какъ Ейлера. 22 января 1754 года, Шумахеръ писалъ къ первому изъ нихъ: «мнѣніе ваше касательно препровожденной статьи я велѣлъ перевести и послать въ Москву къ его сіятельству г. президенту. Оно сходится съ тѣмъ, что говорили здѣшніе профессора. Они соглашаются, что мысль г. автора хороша, но вовсе, вовсе не нова (nicht gar und gar neu), такъ какъ г. Ейлеръ, а равно и г. Франклинъ высказывали ее. Гипотеза не есть еще доказанная истина, но г. авторъ хочетъ утверждать, что онъ первый ее высказалъ и что его система (теорія?) справедлива. При такихъ противорѣчіяхъ его сіятельство охотно желаетъ знать, кто изъ нихъ правъ. Что авторъ владѣетъ большими способностями, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но опасаются, чтобы ему не повредило его чрезвычайное тщеславіе...» [3]).

31 января 1754 года, Шумахеръ къ Фелькнеру, который занимался письмоводствомъ при графѣ Разумовскомъ въ Москвѣ: «мнѣ пріятно, что рѣшеніе химическихъ проблемъ хорошо удалось въ переводѣ. Въ конференціи тогда (?) довольно говорили г. Ломоносову, что конечно никто не будетъ такъ глупъ, чтобы arcanum, если онъ таковымъ владѣетъ, былъ открытъ за 100 червонцевъ. Однако какъ только онъ при томъ употребилъ имя г. тайнаго совѣтника Чернышева, то всѣ замолчали...»

Къ тому же 3 февраля 1754 года: «Когда бы хотѣли поступать со мною справедливо и сообщили бы то, что г. Ломоносовъ передалъ противъ меня, то я бы могъ помочь ему во многихъ предметахъ, потому что dann man klopft den Mühlsack und meint den Esel...» [4]).

---

[1]) Арх. акад. конф., Исходящія письма 1754—1766 годовъ.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Билярскимъ, стр. 259.

[3]) Архивъ академ. конференціи, Исходящія письма 1754—1766 гг.

[4]) Ibid. Приведенная Шумахеромъ нѣмецкая пословица соотвѣтствуетъ русской: кошку бьютъ, невѣстѣ [illegible]тъ.

14.

Сообщеніе Ломоносовымъ Ла-Кондамину русской азбуки.

1754 годъ.

Въ I портфелѣ «Писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ съ 1754 по 1756 годъ» (арх. акад. конф.) есть копія съ французскаго письма отъ $^{8}/_{19}$ февраля 1754 года, безъ подписи, написаннаго, какъ видно изъ нижеприведеннаго письма Ла-Кондамина, нашимъ академикомъ Гришовымъ. Здѣсь послѣ разсужденій, касающихся астрономіи, слѣдуетъ:

«Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь препроводить къ вамъ, милостивый государь, русскую азбуку, которую вы у меня просили. Я обращался о томъ къ г. совѣтнику Ломоносову, безспорно самому свѣдущему по этой части. Онъ чрезвычайно радъ этому случаю, чтобы выразить, милостивый государь, свое уваженіе къ вамъ и вашимъ достоинствамъ, и всегда будетъ очень доволенъ пользоваться вашимъ знакомствомъ. По недостатку времени, мы не могли распространиться о той азбукѣ болѣе; но можетъ быть я еще буду имѣть случай доставить вамъ болѣе примѣровъ звуковъ, употребительныхъ въ русскомъ языкѣ. Между тѣмъ я въ состояніи сказать вамъ, милостивый государь, что русскіе не могутъ никоимъ образомъ выразить на своемъ языкѣ звукъ *eu*, какъ напримѣръ въ словѣ Dieu, ни звукъ *u*, какъ напримѣръ въ vertu.

Вы видите, милостивый государь, что русскіе вовсе не могутъ выразить своими буквами всѣ звуки европейскихъ языковъ. Случается даже, что они лишены возможности выражать звуки, встрѣчающіеся въ ихъ собственномъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, у нихъ есть звукъ французской двоегласной *oe*, но прежде у нихъ не было буквы для обозначенія его, почему недавно въ Академіи изобрѣли новую букву, которая должна выражать звукъ *oe*...» [1]).

---

[1]) Гришовъ вѣроятно здѣсь имѣетъ въ виду ѭ, которое нѣкоторое время у насъ употребляемо было въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нынѣ иногда ставятъ ё, напр. всѭ, сѭда и т. п.

Ла-Кондаминъ отвѣчалъ на это Гришову 4 іюня 1754 года: «Нѣсколько дней спустя, какъ написалъ мое послѣднее письмо, я получилъ 19 марта ваше, милостивый государь, которымъ вы меня удостоили отъ $^{8}/_{19}$ февраля, вмѣстѣ съ письмомъ отъ г. Ломоносова. Я сообщилъ Академіи всѣ доставленныя вами наблюденія. Г. Ле-Монье взялъ на себя наблюденія г. Попова, о которыхъ не отдалъ еще отчета. Я прилагаю здѣсь статью по части наблюденій г. Красильникова и пріобщенныя къ нимъ объясненія ваши... (слѣдуютъ подробности о болѣзни Ла-Кондамина). Эта причина, совершенно законная, мѣшала мнѣ до сихъ поръ принести мою благодарность г. Ломоносову за объясненія, которыя угодно было ему сообщить мнѣ по поводу русской азбуки. Я прошу васъ извинить меня передъ нимъ. Я не привыкъ писать по-латини, хотя понимаю этотъ языкъ также хорошо, какъ и французскій, и мнѣ запрещено заниматься, но въ скоромъ времени надѣюсь загладить это опущеніе...» [1]).

15.

О приглашеніи доктора Сальхова для занятія каѳедры химіи.

1753 — 1755 годы.

Въ «Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи» Ломоносовъ пишетъ: «При случаѣ платы въ награжденіе по задачѣ ста червонцовъ за химическую диссертацію, Ломоносовъ сказалъ въ собраніи профессорскомъ, что-де онъ имѣя работу сочиненія Россійской имперіи не чаетъ такъ свободно упражняться въ химіи, и ежели въ такомъ случаѣ химикъ понадобится, то онъ рекомендуетъ ландмедика Дахрица. Сіе подхватя, Миллеръ записалъ въ протоколъ и согласясь съ Шумахеромъ, безъ дальняго изъясненія съ Ломоносовымъ,

[1]) Арх. акад. конф., Входящія пис [illegible] одовъ. Небольшой отрывокъ изъ этого же письма въ Ма [illegible] ніи Ломоносова, собр. г. Билярскимъ, стр. 250.

скоропостижно выписали доктора Залхова, а не того, что рекомендовалъ Ломоносовъ, который внезапно увидѣлъ, что новой химикъ пріѣхалъ и ему отдана лабораторія и квартира. Помянутый Залховъ былъ послѣ весьма жалокъ...» [1]).

Въ портфелѣ Миллера (арх. акад. конф.), подъ заглавіемъ «Извѣстіе, касающееся до профессора Сальхова» сохранились собственноручная записка Ломоносова и нѣсколько извѣстій, показывающихъ ходъ дѣла, о которомъ разсказано въ «Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи».

Въ 1753 году, Академія предложила на рѣшеніе задачу: объяснить причины отдѣленія золота отъ серебра посредствомъ крѣпкой водки и показать притомъ лучшій и дешевый способъ отдѣленія этихъ металловъ. Доставленныя на конкурсъ сочиненія не были признаны удовлетворительными, почему задача была повторена и въ 1754 году. Одна изъ присланныхъ въ этомъ году диссертацій съ девизомъ Igneus est solis vigor et coelestis origo обратила на себя вниманіе Ломоносова. На листкѣ безъ года и числа онъ сдѣлалъ слѣдующій собственноручно написанный отзывъ:

«Диссертація нынѣшняя лутче всѣхъ; жаль что коротка, и пропущены доказательства, которыя онъ за извѣстныя полагаетъ у насъ и по справедливости. Однако для порядка быть имъ въ диссертаціи должно. Притомъ и не въ формѣ диссертацій, но какъ писма. Ежели еще лутче не будетъ то едвали награжденія не достойна. Я бы хотѣлъ знать авктора; нерадн приватны[x] обстоятельствъ, но ради чести Академіи, у меня нѣтъ въ Германіи ни единаго знакомаго химика».

Затѣмъ слѣдуютъ чисто переписанныя копіи:

«Въ протоколѣ академическаго собранія августа 18 дня 1754 года, въ 7-мъ пунктѣ написано:

Господинъ совѣтникъ Ломоносовъ возвратилъ диссертацію химическую, у которой надпись Igneus etc., оную весьма хвалилъ и объявилъ, что по его мнѣнію полезно будетъ для

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Билярскимъ, стр. 067.

[2]) Этотъ листокъ, а равно и слѣдующія за нимъ копіи хранятся въ портфелѣ Миллера (архивъ акад. конф.): «Извѣстіе, касающееся до профессора Салхова».

Академіи сочинителя оной диссертаціи опредѣлить профессоромъ химіи, ежели склонить его возможно, чтобъ въ Россію поѣхалъ, ибо онъ самъ (т. е. Ломоносовъ), другими дѣлами будучи обязанъ, въ оной наукѣ болѣе трудиться не можетъ. Подлинный протоколъ за подписью гг. присутствующихъ тако: Ger. Fr. Müller. Михайло Ломоносовъ. A. N. Grischow. Никита Поповъ. M. Kleinfeld. Съ подлиннымъ переведено исправно: архиваріусъ Иванъ Стафенгагенъ.

Ея императорскаго величества ясневельможному гетману, дѣйствительному камергеру, Академіи наукъ г. президенту, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка подполковнику и разныхъ орденовъ кавалеру, его сіятельству графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому

Докладъ.

Сего августа 18 дня въ ординарномъ академическомъ собраніи, г. совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ объявилъ, что за другими дѣлами профессію химіи отправить болѣе не въ состояніи и что надлежитъ на его мѣсто выписать изъ-за-моря другаго химика, къ чему онъ представилъ, яко достойнаго, автора диссертаціи, для преміи въ Академію присланной подъ знакомъ Igneus etc., и требовалъ, чтобъ то записано было въ протоколѣ, что̀ и учинено. Того ради вашему высокографскому сіятельству нижайше о семъ объявляю и прошу объ указѣ, что чинить повелѣно будетъ.

Съ чернымъ докладомъ сходенъ: архиваріусъ Иванъ Стафенгагенъ. Августа дня 1754 году.

Послѣдовало ли на этотъ докладъ какое рѣшеніе президента, неизвѣстно, только совѣтникъ монетной канцеляріи Шлаттеръ, также разсматривавшій, вмѣстѣ съ другими, представленныя на конкурсъ сочиненія, 12 августа 1755 года, далъ весьма неблагопріятный отзывъ о диссертаціи съ девизомъ: Igneus etc.

«Что же надлежитъ, писалъ онъ, до диссертаціи подъ стишкомъ Igneus est solis vigor et coelestis origo, то понять я не могу, какъ осмѣлился авторъ выписанное отъ слова до слова изъ Глаубера и уже давно [illegible] дѣло прислать ученому

собранію, притомъ же и съ фигурныхъ листовъ у онаго Глаубера снять копіи. Сверхъ сего онъ всеконечно не дѣлалъ ни раздѣленія и ниже того, что въ диссертаціи написано.... По моему мнѣнію не присуждаю я никому изъ господъ сочинителей помянутыхъ диссертацій давать награжденія, для того-что не дошли они еще далеко до истиннаго и прибыльнаго способа. Никакое въ Европѣ мѣсто не можетъ похвалиться приведеніемъ искусства раздѣленія до высокой степени, кромѣ Россіи. На что сего короче, когда на всякой годъ до 600 пудъ или 48.000 маркъ золотнаго серебра, сколь бы мало ни было въ немъ золота, съ превеликою прибылью, весьма скоро, а притомъ и способно раздѣлять можно, и когда фунтъ со всѣми расходами и угаромъ обходится не выше 64 копѣекъ? Напротивъ же того въ нѣмецкой землѣ вездѣ (какъ сіе засвидѣтельствуется послѣднею диссертаціею) за раздѣленіе съ фунта по 2 ефимка берется....»

Диссертація съ девизомъ Igneus etc. хранится до нынѣ въ архивѣ академической конференціи. Имя автора ея написано на заглавномъ листѣ и потомъ закрыто лоскуткомъ бумаги, съ приложеніемъ по бокамъ печатей. Ихъ слѣдовало вскрыть, если бы разсужденіе удостоилось преміи; но этого не случилось, почему печати до нынѣ остаются нетронутыми. Впрочемъ бумага, покрывающая имя, такъ прозрачна, что можно безъ труда прочесть, что авторомъ диссертаціи былъ Carolus Dachritz.

Въ 1755 году отъ Академіи наукъ было объявлено, что на основаніи устава, въ 1752 и 1753 предлагалась отъ нея на рѣшеніе задача «изъяснить изъ физическихъ и химическихъ основаній причины раздѣленія золота отъ серебра посредствомъ крѣпкой водки, и притомъ показать способъ, какъ бы легче и дешевле раздѣлить сіи два метала», но что изъ присланныхъ диссертацій «не найдено такой, въ которой бы оная задача совершенно была рѣшена, однако для убѣжденія всякаго подозрѣнія будто бы Академія не исполняетъ того, что обѣщаетъ, и для удовольствованія ученаго свѣта, желающаго видѣть лучшую изъ присланныхъ о семъ дѣлѣ диссертацій, опредѣлила награжденіе ста червонныхъ дать за ту, при которой находится подпись: Dant vulnera Christi salutem...» По вскрытіи пакета съ именемъ автора, она оказалась написанною Ульрихомъ Хри-

стофоромъ Сальховымъ. Тогда Миллеръ, какъ конференцъ секретарь, просилъ Ейлера удостовѣриться положительно о живущемъ въ Берлинѣ докторѣ Сальховѣ, чтобы знать, точно ли онъ авторъ увѣнчаннаго сочиненія и ему ли слѣдуетъ выдать 100 червонцевъ? Ейлеръ, въ письмѣ отъ 7 октября 1755 года, отвѣчая, что этотъ самый Сальховъ долженъ получить присужденную премію, прибавилъ: «г. докторъ Сальховъ кажется не только способнымъ, но и образованнымъ человѣкомъ. Онъ родомъ съ острова Рюгена и будетъ лѣтъ около сорока. Предложеніе, не имѣетъ ли охоты отправиться въ Петербургъ, онъ выслушалъ съ радостью, потому что у него здѣсь мало надежды на полученіе мѣста по своей наукѣ химіи, и живетъ онъ безъ службы. Такъ какъ искусные химики чрезвычайно рѣдки, то я едва вѣрю, чтобы можно было найти способнаго человѣка. У него только жена, и его бы можно было пріобрѣсти на недорогихъ условіяхъ...» [1]). Миллеръ отвѣчалъ, 31 октября 1755 года, что онъ говорилъ о Сальховѣ президенту и что для него готово мѣсто профессора химіи съ жалованьемъ въ 600 руб. [2]). 7 декабря 1755 года, Ейлеръ, препровождая окончательно подписанный контрактъ Сальхова, писалъ: «этотъ человѣкъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе мнѣ нравится, и я надѣюсь, что императорская Академія будетъ вполнѣ довольна этимъ приглашеніемъ...» [3]).

16.

О ссорѣ Ломоносова съ Тепловымъ при разсмотрѣніи академическаго устава.

1755 годъ.

Протоколы засѣданій, бывшихъ въ Академіи въ февралѣ 1755 года по случаю пересмотра ея устава, помѣщены въ брошюрѣ г. В. Ламанскаго «Ломоносовъ и петербургская

---

[1]) Eingekom. Briefe von A. 1750 bis 1755 (арх. акад. конф.)

[2]) I портфель писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ (арх. акад. конф.)

[3]) Eingekom. Briefe von A. 1750 bis 1755.

Академія наукъ» (Москва 1865 года), стр. 90 и слѣд. Подробности о томъ, что происходило тамъ, сохранились въ письмахъ Ломоносова къ И. И. Шувалову въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова», собр. г. Билярскимъ, стр. 288—291. Въ архивѣ акад. конференціи въ III портфелѣ Миллера «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1751 по 1764 годъ», есть собственноручное его донесеніе графу Разумовскому. Въ началѣ повторенія протокола 23 февраля, но заключительная просьба принадлежитъ одному Миллеру:

Его сіятельству господину президенту.... (полный титулъ).

Репортъ.

По присланному отъ вашего высокографскаго сіятельства въ собраніе Академіи наукъ ордеру были сего февраля 17, 18, 21 и 23 чиселъ въ Академіи экстраординарныя собранія, въ которыхъ присутствующіи, въ томъ ордерѣ назначенные члены стали разсуждать о поданномъ господиномъ ассесоромъ Таубертомъ предложеніяхъ; что происходило въ первые три дня съ надлежащимъ порядкомъ, а въ четвертый день, т. е. сего февраля 23 дня, учинился споръ отъ г. совѣтника Ломоносова противъ г. совѣтника Теплова съ такими словами, изъ которыхъ г. совѣтникъ Тепловъ объявилъ къ протоколу, что за учиненнымъ ему отъ г. совѣтника Ломоносова безчестіемъ присутствовать съ нимъ въ академическихъ собраніяхъ не можетъ. Такожъ и г. статскій совѣтникъ Шумахеръ говорилъ, что свое присутствіе впредь за излишнее признаваетъ. И такъ всѣ члены разошлися. Того ради вашему высокографскому сіятельству о семъ репортую и прошу объ указѣ, продолжать ли сіи экстраординарныи собраніи безъ именованныхъ двухъ старшихъ членовъ. И я такожде прошу, чтобъ меня отъ оныхъ уволить, потому что не менше я господина совѣтника Ломоносова опасаюсь, имѣя уже толь много примѣровъ его ко мнѣ досады, что впредь съ нимъ ни о какомъ дѣлѣ говорить не осмѣливаюся, и напротивъ того и могу я время свое полезнѣе употребить на сочиненіе піесовъ для Ежемѣсячнаго журнала. 25 февраля 1755 году [1]).

[1]) Арх. акад. конф. III портфель Миллера: «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1751 по 1764 годъ».

17.

Отношенія Ломоносова къ П. И. Рычкову.

1755—1765 годы.

Петръ Ивановичъ Рычковъ сочиненіе свое, напечатанное впослѣдствіи подъ заглавіемъ «Оренбургская топографія», послалъ въ рукописи къ Ломоносову при слѣдующемъ письмѣ[1]:

«Милостивый государь мой Михаилъ Васильевичь

«Уповая на благость и милость вашу, которою я отъ васъ, милостиваго государя моего, удостоенъ былъ въ бытность мою въ Санктпетербургѣ, посылаю при семъ на ваше благосклонное разсмотрѣніе книжицу, въ которой описано внутреннее и пограничное состояніе Оренбургской губерніи.

Изъ оной изволите усмотрѣть, что я ее сбиралъ и сочинилъ для того наипаче, дабы сочиняемымъ здѣсь у географическихъ дѣлъ для употребленія по губернской канцеляріи ландкартамъ, кои вообще и порознь оную губернію представляютъ, придавъ нѣкоторое изъясненіе, къ познанію здѣшнихъ мѣстъ требующееся, а особливо въ разсужденіи правленія здѣшней губерніи. Будучи здѣсь съ самаго начала оренбургской коммиссіи и почти у всѣхъ происходившихъ дѣлъ, за должность мою почелъ вѣдомое мнѣ изъ канцелярскихъ дѣлъ и по другимъ окрестностямъ описать, а затѣмъ все оное предать въ разсмотрѣніе и поправленіе искуснѣйшимъ, чего ради нарочно списавъ съ оеи нѣсколько экземпляровъ, намѣренъ раздать и разослать въ такія руки, отъ которыхъ, по свѣдѣнію ихъ здѣшнихъ мѣстъ, надѣюсь дополненія получить, вѣдая коль много въ свѣтѣ первыхъ и новыхъ недостаточныхъ и погрѣшительныхъ сочиненій такими поправленіями и дополненіями не только въ надлежащій порядокъ, но и самое совершенство приведено.

Въ томъ моемъ намѣреніи, по предвоспринятому отъ меня плану, сочиня первую часть, призналъ я не токмо за сходно,

---

[1]) «Письма къ исторіографу Миллеру отъ разныхъ особъ» XXIV портфель въ архивѣ акад. конференціи.

но и за должно послать ее на ваше, милостиваго государя моего, просвѣщенное разсмотрѣніе, надѣясь, что вы, означенное мое намѣреніе почтя за справедливое по имѣющемуся въ васъ о общихъ пользахъ раченію, сего труда не отречетесь.

Милостивый государь мой! покорно нижайше прошу пожаловать ее высмотрѣть, и ежель я въ порядкѣ примѣчаніевъ погрѣшилъ, или въ разсужденіи древностей внесъ тутъ такія обстоятельства, которыя къ матеріямъ не весьма сходственны или недовольно вѣроятны, то все оное поправить и удостоить меня вашимъ наставленіемъ, какъ впредь въ продолженіи сей первой и при сочиненіи второй части поступать, чему я по возможности слѣдовать не премину. А буде оное мое хотя и несовершенное, но яко новое и первое сочиненіе не вовсе тщетнымъ покажется, и вы для побужденія меня и другихъ къ таковымъ описаніямъ сообщите его въ императорскую Академію наукъ съ благосклоннымъ вашимъ засвидѣтельствованіемъ и одобреніемъ, чтобъ мнѣ удостоиться милостивой ея аппробаціи, то я, здѣсь и вездѣ будучи, не только въ сочиненіи второй и третьей части, но и во всѣхъ ея повелѣніяхъ по крайней моей возможности трудиться, а вамъ, милостивому государю моему, благодарить и заслуживать потщусь. Между тѣмъ же съ моимъ должнѣйшимъ почитаніемъ остаюсь

вашего высокоблагородія
милостиваго государя моего
покорнѣйшій слуга
Петръ Рычковъ.

Изъ Оренбурга
февраля 2 числа 1755.

P.S. Читая книжицу, изволите усмотрѣть многія неисправности въ орѳографіи, а иногда и въ рѣчахъ описки: нижайше прошу не поставить мнѣ въ вину, что я не выправя послалъ. Вы сами изволите знать, коль рѣдко исправные писцы находятся, а выправить истинно недопустили меня недосужности канцелярскія».

4 іюля 1755 года, Шумахеръ писалъ къ Ломоносову: «два доношенія коллежскаго совѣтника Рычкова изъ Оренбурга — одно въ формѣ письма для Ежемѣсячныхъ сочиненій, касающееся русской торговли, и другое, относящееся до исправ-

леній Атласа, могутъ по моему мнѣнію, быть оставлены до возвращенія вашего высокоблагородія, тѣмъ паче, что г. президента здѣсь нѣтъ, а дѣло само по себѣ не спѣшное. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда почти каждый дорожитъ свѣжимъ воздухомъ, особеннаго ничего не происходило. Но если что нибудь подобное случится, а людей вашихъ здѣсь не будетъ, то къ вамъ будетъ посланъ нарочный, бывавшій уже въ вашемъ имѣніи. Впрочемъ . . .» [1]).

Миллеръ, издававшій въ то время «Ежемѣсячныя сочиненія», и всегда нуждавшійся въ дѣльныхъ сотрудникахъ, употребляя всѣ усилія, чтобы сблизиться съ Рычковымъ, велъ съ нимъ переписку, охотно помѣщалъ его статьи и, наконецъ, въ 1759 году успѣлъ настоять на избраніе Рычкова въ члены корреспонденты Академіи.

Неудовольствія между Миллеромъ и Ломоносовымъ не могли не отразиться на Рычковѣ, который сдѣлался пріятелемъ перваго. Такимъ образомъ въ запискѣ Ломоносова, озаглавленной «Для извѣстія о нынѣшнихъ академическихъ обстоятельствахъ» [2]), первымъ обвиненіемъ противъ Миллера написанъ слѣдующій пунктъ: «г. Миллеръ не токмо пишетъ, но и печатаетъ ложь и общество обманываетъ, напр. Рычкова представлялъ почетнымъ членомъ. А какъ его по справедливости сдѣлали только корреспондентомъ, то Миллеръ печаталъ его членомъ корреспонденціи въ противность опредѣленія и обыкновенія. Изъ сего и изъ многихъ примѣровъ видно, коль неправедны бываютъ протоколы конференцскіе, кои онъ одинъ подписываетъ» . . . .

До Рычкова дошелъ слухъ объ этомъ, и 17 мая 1760 года онъ писалъ къ Миллеру:

«Я не признаваю никакой диференціи въ томъ, чтобъ именовать корреспондентомъ или членомъ корреспонденціи. Мнѣ кажется первое еще и преимущественнѣе, развѣ въ вашихъ академическихъ поведеніяхъ инаково. Но и послѣднее въ вашихъ изданіяхъ, а именно въ Краткомъ содержаніи вашихъ кон-

---

[1]) Арх. акад. конф., Исходящія письма 1754—1766 годовъ.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Билярскимъ, стр. 488.

ментаріевъ и въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ уже есть. Чрезъ что и то, и другое явно, а я никакихъ высшихъ преимуществъ не требую, но еще и прошу, дабы для избѣжанія критики и всякихъ споровъ при сочиненіяхъ моихъ имени не ставить.»

«Михайло Васильевичь Ломоносовъ персонально меня знаетъ. Онъ, получа первую часть моей топографіи письмомъ своимъ весьма ее расхвалилъ; далъ мнѣ знать, что она отъ всего академическаго собранія аппробована; писалъ, что пріятели и непріятели (употребляю точныя его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырѣзать на мѣди. Но когда я увидѣлъ, что двѣ первыя мои піесы о коммерціи — незнаю, отколь и чрезъ кого—въ Академію вошли и напечатаны, тогда писалъ я къ нему, уповая, что мѣсячныя изданіи ему вѣдомы[1]). Онъ отозвался ко мнѣ, оказывая свое неудовольствіе объ этихъ книжкахъ, и что оныя мои піесы подлежатъ нѣкоторой критики (хотя я ихъ, да и всѣ мои сочиненіи дѣлалъ не ради того, чтобъ имъ въ печати быть, но для разсмотрѣнія отъ искуснѣйшихъ); совѣтовалъ мнѣ трудиться и его увѣдомлять о принадлежащемъ къ исторіи натуральной. Съ того времени прекратилъ я мою съ нимъ переписку. Я примѣтилъ, что онъ мѣсячныя изданіи порочилъ напрасно, а отъ меня требовалъ того, что мнѣ по незнанію моему исполнить было трудно. Не сіе-ль приводитъ его въ движеніе, когда мое имя упоминается, но можетъ быть я и ошибаюсь?»

20 декабря 1763 года было напечатано приглашеніе къ заводчикамъ о доставленіи разныхъ рудъ и минераловъ къ Ломоносову, который намѣревался сочинить описаніе рудъ и минераловъ, встрѣчаемыхъ въ Россіи. По этому поводу, Рычковъ, 18 апрѣля 1764 года, писалъ къ Миллеру: «вчерась полученъ въ заводскую мою контору указъ изъ горнаго начальства, чтобъ, по требованію Михайла Васильевича Ломоносова, всѣмъ заводчикамъ сообщать къ нему руды и минералы со описаніемъ. И я намѣренъ о моихъ рудахъ послать къ нему описаніе и пробы»... 1 мая 1764 года: ...«прилагаю при семъ

---

[1]) См. «Матеріалы для біографіи Ломоносова», собр. г. Билярскимъ, стр. 299.

пакетъ къ Михайлѣ Васильевичу Ломоносову, въ который я включилъ описаніе изъисканныхъ къ заводу моему мѣдныхъ рудъ съ нѣкоторыми моими примѣчаніями. Все сіе учинено мною по силѣ указа, присланнаго въ контору мою изъ оренбургскаго горнаго начальства. Я нарочно приложилъ къ нему открытую печать, дабы вы, ежель вамъ угодно, просмотрѣть, а потомъ, припечатавъ ту печать, вручить или отослать къ нему изволили»... 27 ноября 1764 года: «незнаю я, каково показалось Михайлѣ Васильевичу Ломоносову описаніе мое о рудахъ. Нынѣ пріѣхали ко мнѣ съ уральскихъ моихъ рудниковъ люди. Я изъ разговоровъ съ ними примѣтилъ о положеніи тамошнихъ рудъ такое обстоятельство, которое, какъ мнѣ помнится, недовольно я изъяснилъ въ моемъ описаніи. Оно состоитъ въ томъ, что въ самыхъ уральскихъ горахъ и въ близости отъ оныхъ на скатныхъ мѣстахъ всѣ рудныя положенія идутъ весьма круто въ глубь, съ тою токмо разностью, что по сю сторону оныхъ горъ склоняются на Западъ и къ Сѣверу, а по ту сторону склоняются на Востокъ и Полдень. Но лучшія и надежнѣйшія руды на той сторонѣ горъ. Потомъ, что̀ далѣе отъ оныхъ горъ, то отложѣе, а наконецъ уже и совсѣмъ ровное или плоское ихъ положеніе выходитъ. Кажется сіе достойно особливаго примѣчанія и разсужденія. Мнѣ мнится, что всему тому, а можетъ быть и происшествію тѣхъ самыхъ горъ причина когда нибудь бывшее великое землетрясеніе, либо наводненіе. Не разсудите ль вы сіе при случаѣ Михайлѣ Васильевичу сообщить»...

Миллеръ отвѣчалъ на это, 24 декабря 1764 года: «сегодня все наше академическое общество обѣдало у его сіятельства графа Григорья Григорьевича Орлова. При этомъ случаѣ я видѣлся также съ г. Ломоносовымъ и показывалъ ему ваше извѣстіе о рудахъ на уралѣ. Оно было ему пріятно, и онъ обѣщался письменно благодарить, какъ за это такъ и за прежнія свѣдѣнія»... [1])

15 января 1765 года: «я радъ, что Михайлѣ Васильевичу Ломоносову понравилось сочиненіе мое о рудахъ и минералахъ. Я въ нынѣшней почтовой картѣ видѣлъ, что въ орен-

[1]) «Письма исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ», портфель V, въ арх. акад. конференціи.

бургской сумѣ есть письмо, адресованное на мое имя. Можетъ быть оно отъ него и то, о коемъ вы означить мнѣ изволили, но полученіе его сюда можетъ продолжиться еще съ недѣлю, ибо изъ Оренбурга почта (Рычковъ писалъ изъ своего села Спасскаго) по четвергамъ опредѣляется, а сюда въ субботу приходитъ»...

28 іюля 1766 года: «нынѣ въ собраніе Экономическаго общества послалъ я представленіе о здѣшнихъ мѣдныхъ рудахъ и минералахъ на томъ основаніи, какъ я къ покойному Ломоносову писалъ. Онъ отзывался мнѣ весьма имъ довольнымъ, согласуя моимъ мнѣніямъ. Незнаю, какъ приметъ наше собраніе»... [1]).

18.

Письма Миллера по поводу теоріи Ломоносова о свѣтѣ и цвѣтахъ.

1756, 1758 годы.

1 іюля 1756 года, Ломоносовъ читалъ въ торжественномъ собраніи Академіи рѣчь свою о свѣтѣ и цвѣтахъ, а на другой день Миллеръ писалъ къ Эйлеру:

«Что касается нашего вчерашняго собранія, то г. совѣтникъ Ломоносовъ прочиталъ на русскомъ языкѣ статью о свѣтѣ и цвѣтахъ, въ которой предлагается утвердить новую теорію. Въ справедливости ея онъ обѣщалъ убѣдить прочихъ членовъ Академіи потомъ, когда его трудъ будетъ переведенъ на латинскій языкъ, о чемъ, посредствомъ печати, можетъ также сдѣлаться извѣстнымъ иностраннымъ ученымъ»... [2])

30 мая 1758 года, Миллеръ же писалъ съ замѣтною ироніею къ бывшему академику Кратценштейну: «если ваша система физики еще не готова, то нынѣ можете ее обогатить

---

[1]) Письма къ исторіографу Миллеру, портфель XXIV, въ архивѣ академической конференціи.

[2]) Арх. акад. конф., I портфель Писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ 1754—1756 годовъ.

новою теоріею г. совѣтника Ломоносова о цвѣтахъ. О ней было бы сообщено ранѣе, если бы только не въ недавнее время статья о томъ появилась въ латинской одеждѣ. Въ то время, какъ она была произнесена въ торжественномъ собраніи и напечатана порусски, никто не зналъ о ней изъ нашихъ академиковъ-иноземцовъ и, слѣдовательно, не могъ высказаться о ней»... [1])

19.

Отношенія Ломоносова къ Румовскому.

1756, 1757 годы.

Извѣстно, что въ бумагахъ Ломоносова попадаются не однажды отзывы о Степанѣ Румовскомъ, показывающіе, что они не были въ ладахъ между собою. Послѣдній нѣсколько лѣтъ провелъ за-границею, именно въ Берлинѣ въ домѣ Ейлера, и возвратился въ Россію въ августѣ 1756 года [2]). Помѣщаемыя здѣсь два письма его [3]) обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ нихъ высказаны сужденія молодаго Румовскаго объ открытіяхъ Ломоносова не въ похвалу ему, вскорѣ по возвращеніи адъюнкта изъ-за границы и притомъ къ Ейлеру, который, по крайней мѣрѣ въ письмахъ, отзывался съ одобреніемъ о многихъ сочиненіяхъ Ломоносова.

Monsieur

La coutume reçue de tout le monde de feliciter ses bienfaiteurs sur le nouvel an m'a rendu hardi de vous adresser ces lignes. Permettés donc Monsieur que je la suive et daignés re-

---

[1]) Арх. акад. конф., II портфель Писемъ историог. Миллера къ разнымъ особамъ, 1757—1759 годовъ.

[2]) Что Румовскій, а съ нимъ и Котельниковъ тогда прибыли въ Петербургъ, о томъ видно изъ письма Миллера къ Ейлеру 24 августа 1756 г. см. I портфель Писемъ Миллера къ разнымъ особамъ 1754—1756 годовъ.

[3]) Euler's Briefwechsel въ Euleriana архива акад. конференціи. Письма эти помѣщены здѣсь въ подлинникѣ, а притомъ безъ поправокъ правописанія и ошибокъ противъ языка, для избѣжанія погрѣшностей, въ которыя можетъ впасть переводчикъ не спеціалистъ въ математическихъ наукахъ.

cevoir mes voeux qui partent d'un coeur penetré de respect, pour une sincere reconnaissance. En vous felicitant Monsieur sur le nouvel an je souhaite que le bon Dieu prolonge Vos jours et ceux de Votre famille, et que tous Vos desirs ayent un parfait accomplissement. Dans ma lettre précédente je vous ai promis de faire savoir les raisons, pour lesquelles on a tardé le payement pour l'impression de Votre calcul, mais jusques ici je n'en pus rien decouvrir. A la premiere occasion que je vu Monsieur le conseiller Schumacher, nous en avons parlé et a toutes mes demandes j'ai eu pour la reponse, que c'etoit la faute du secretaire, mais que peut-on tirer de vrai d'un homme aussi rusé que Monsieur le conseiller Schumacher? Monsieur le professeur Heinsius dans une lettre dernierement reçue a recommendé quelqu'un pour remplir ici la place de professeur en mathématiques, c'est un homme, dit-il, dans sa lettre qui fut congedié de la maison du Comte Bruhl, et qui a enseigné bien de temp la mathematique toute la noblesse de Dresde. Il ajoute encore qu'il a pris des leçons pendant trois ans de Monsieur Weidler, enfin pour prouver son habilité et pour disposer notre Acedemie a le recevoir, il dit qu'il est fort bon verrier, c'est a dire, qu'il travaille bien les verres optiques.

Monsieur le conseiller Lomonosoff va proposer aux savants trois questions, dont une est: *Si les poids des corps sont proportionels a la quantité de matiére.* La seconde: *Trouver un tel telescope qui represente distinctement les objets situés dans un endroit obscur* a la condition qu'il ne soient pas privé tout-a-fait de la lumiere. La troisieme: *Si la quantité du mouvement est proportionelle a la masse multiplié par la vitesse ou par le quarré de la vitesse.* Les methodes dont-on se sert pour demontrer et decider la premiere question me sont un peu connu. La seconde question est resolu par lui meme, mais il veut inviter tout le monde a y travailler. J'ai eu l'honneur d'etre admis a regarder plusieurs objets par son telescope, mais moyennant ce telescope je ne pus rien appercevoir quelque chose de different de ce qu'on voit par les ordinaires, exceptés que tous les objets me sont apparu fort colorés, et que les couleurs d'Iris se represente au plus haut degré de perfection, de la je conclue que resoudre cette questions se-

lon Monsieur Lomonosoff n'est autre chose que placer les verres d'un telescope en sorte que les couleurs d'Iris soient representé le plus distinctement qu'il est possible. Quant à la troisieme question je n'en sai rien, car pendant tout ce temp, que je fus a Berlin, je n'ai pas eu le bonheur d'entendre votre sentiment sur cette question, ni quelque chose sur les manieres dont on se sert pour demontrer l'un ou l'autre sentiment. Je vous prie donc tres humblement Monsieur de sacrifier quelques moments de votre temp pretieux en ma faveur pour m'eclaircir sur cette question. Ou si le temp ne vous permet pas, de me faire savoir dans quels auteurs je puis m'instruire sur cette matiere. Monsieur Lomonosoff va donner une piece par la quelle il veut renverser tout ce qu'on a pu decouvrir jusques ici, car il y veut prouver que les poids des corps ne sont pas proportionels a la quantité de matiére, et que la quantité du mouvement n'est pas proportionelle a la masse multiplié par le quarré de la vitesse.

Si cette piece vient a paroitre au publique les auteurs des journaux auront bien de l'affaire, et vous, qui a fait des plus grands decouverts fondés sur ces principes, avec la plus forte raison a craindre cette piece, je vous prie de faire mon tres humble compliment a Madame Votre epouse et a toute Votre famille, et d'etre assuré que je suis avec le plus profond respect, tant que je vivrai

Monsieur

Votre tres humble et tres obeissant serviteur

Decembre 7 1756. Stephan Rumovsky.

Monsieur

La reponse favorable, que j'ai reçue de Votre part est plus que suffisante pous m'enhardir de Vous ecrire encore sur la meme matiere. Je ne saurai Vous exprimer la satisfaction que j'ai eu apres l'avoir lu plusieurs fois et que je lisai mille fois avec le plus grand plaisir du monde; ni tronver des mots propres a Vous convaincre de ma reconnaissance pour les bontés dont Vous continués a me combler. Pour cela soyés assurés que tout mon

zele ne tend qu'a Vous faire paroitre que Vous n'avés pas obligés un homme ingrat quand Vous m'avés obligés.

Monsieur le conseiller Lomonosoff n'a rien decouvert pour renverser la théorie de gravité ni pour la Votre de l'electricité. Il travaille detruire la premiere par des purs raisonnemens que j'ose soumetre a Votre jugement. Premierement il trouve une faute qu'on apelle Circulus de les rassonnemens de Monsieur Newton et presque des tous les autres physiciens, quand ils veulent prouver que les poids des corps sont proportionels a la quantité de matiere, et de la vient, dit-il que quand on demande un physicien pourquoi l'or est quatorze fois plus pesant que l'eau? il repond la dessus par ce que dans une certaine masse d'or, il y a quatorze fois plus de matiere, que dans la meme d'eau. Et si on pousse la demande plus loin, dit-il, pourquoi une certaine masse d'or contient quatorze fois plus de matiere, que la meme d'eau? On repond ordinairement, dit-il, par ce que l'or est quatorze fois plus pesant que l'eau. Je ne sai quel physicien lui auroit repondu de cette façon. En second Monsieur Lomonosoff raisonne ainsi. Puisque ni l'or, ni l'eau n'est pas susceptible de compression, il s'en suit que la quantité de matiere dans un pied cubique d'or est la meme que dans un pied cubique d'eau. Peut-on conclure de manque de nos forces a l'impossibilité de quelque chose? Outre cela il me semble que non obstant qu'on soit d'accord sur l'incompressibilité d'un ou d'autre corp, on en peut tirer l'explication de Vorte theorie, que Vous donnés sur la nature des molecules dans une piece inserée dans Vos opuscules sans renverser la theorie de Gravité.

Selon Votre sentiment les molecules sont incompressible, ou parfaitement dure. Or pour expliquer l'incompressibilité des corps, et en meme tems leur gravité specifique, on n'a qu'a donner aux molecules des figures spherique et supposer que les molecules dont l'eau est composé, sont plus grossieres ou grandes que celle d'or. De la il me paroit suivre, que dans un pied cubique d'or il y aura plus de matiére, que dans un pied cubique d'eau sur la quelle l'ether puisse agir, et par consequent un pied cubique d'or sera plus pesant qu'un pied cubique d'eau, et en meme tems tous les deux incompressible.

Quant a la troisieme question, Votre explication est si claire qu'il me paroit a present, que je la comprend au fond, et j'espere qu'apres avoir lu la piece indiqué, je serai en etat de prouver la fausseté du sentiment de Monsieur Lomonosoff. Il se fond a l'egard de cette question sur une experience faite avec une petite rouë placé dans un canal par le quel couloit l'eau. Cette experience ne merite pas d'etre toute rapporté. Car moi-meme je suis en etat d'en voir l'imperfection, et les fausses conclusions qu'il en veut deduire.

Dans le tome I^r de la Science navale au 523 Vous donnes Monsieur la solution du Temme *Invenire Curvam etc.*, et y ajoutés cette condition que toutes les formules integrales doivent etre reduites aux ordonnés orthogonales, en sorte qu'il n'y ait que des quantité x et y. Mais dans Votre methode sur la meme matiere que Vous aves expliqué sur notre depart il n'en a aucune mention. Je vous prie donc tres humblement Monsieur de prendre la peine de m'indiquer si cette condition est absolument necessaire ou non? Il me semble qu'elle n'est pas essentielle, mais Votre autorité me reduit a cette demande.

Je vous prie tres humblement Monsieur de presenter mes respects a Madame Votre epouse et d'etre persuadé que je me souviendrai sans cesse de Vos bontés et tacherai de faire voir ma reconnaissance comme un homme qui Vous est redevable de son bonheur. Au reste j'ai l'honneur

d'etre avec le plus profond respect
Monsieur
Votre tres humble et tres obeissant serviteur
Rumovsky

ce 21 fevrier
1757.

20.

Письмо Миллера къ президенту Академіи о Ломоносовѣ.

1757 годъ.

Въ мартѣ 1757 г. воздвигнуто было отъ академической канцеляріи гоненіе на Миллера и на [illegible] мыя имъ «Ежемѣсяч[illegible]

ныя сочиненія», по поводу помѣщенія тамъ статьи Григорія Полетики объ училищахъ въ Россіи [1]). Миллеръ обратился съ жалобою къ президенту Академіи. Въ письмѣ 13 марта 1757 года, описывая несправедливое вмѣшательство канцеляріи въ изданіе «Ежемѣсячныхъ сочиненій», Миллеръ прибавлялъ:

«Злой рокъ хочетъ, чтобы г. Ломоносовъ, будучи помѣщенъ въ канцеляріи [2]), какъ будто сотворенъ для причиненія огорченій многимъ изъ насъ и въ особенности мнѣ, хотя я не подаю ему ни малѣйшаго повода. Сначала онъ присвоилъ себѣ рѣшительный судъ надъ тѣмъ, что печатается въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ»... Должно ли все приписывать одному г. Ломоносову, этого я не хочу рѣшать, но крайней мѣрѣ снисходительность другихъ господъ несовсѣмъ безъупречна. Тѣ, которые бываютъ въ канцеляріи, говорятъ мнѣ, что г. Шумахеръ не произноситъ ни одного слова, а г. Таубертъ высказывается несмѣющимъ противорѣчить тому, что предлагаетъ г. Ломоносовъ. Писцы въ полномъ распоряженіи послѣдняго. Чтобы ни случилось отъ того, я увѣряю ваше сіятельство, что всегда буду неуклонно слѣдовать правиламъ моей обязанности, поддерживая власть вашего сіятельства и ваши приказанія. Моя привязанность къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» и стараніе не выказывать публикѣ наши внутренніе раздоры заставляютъ меня на этотъ разъ подчиниться приказаніямъ г. Ломоносова. Но умоляю ваше сіятельство помочь въ этомъ дѣлѣ въ возможной скорости, иначе мнѣ будетъ невозможно продолжать мой трудъ...» [3]).

Что̀ Шумахеръ не противился въ канцеляріи распоряженіямъ Ломоносова, то этому можно повѣрить. И въ предписаніи президента о назначеніи Ломоносова въ совѣтники уже было упомянуто о «дряхлости и старости статскаго совѣтника Шумахера», а въ слѣдующемъ 1758 году, мая

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Билярскимъ, стр. 324 и слѣд.

[2]) Назначеніе Ломоносова въ совѣтники академической канцеляріи состоялось 13 февраля и объявлено тамъ 1 марта 1757 года.

[3]) Арх. акад. конф. III портфель Миллера «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1751 по 1764 годъ».

30, Миллеръ писалъ къ Кратценштейну: «г. Тауберть сдѣланъ совѣтникомъ канцеляріи. Статскій совѣтникъ Шумахеръ такъ старъ и слабъ, что вовсе не ходитъ въ Академію...»[1] 3 іюля 1761 года тотъ же къ Гебенштрейту: «самое новое то, что г. статскій совѣтникъ Шумахеръ умеръ послѣ того, какъ онъ долгое время велъ только vitam vegetativam»[2].

21.

О гравюрѣ къ Россійской исторіи Ломоносова.

1758 годъ.

Въ «Исходящихъ письмахъ 1754—1766 годовъ» (архивъ акад. конф.) на отдѣльномъ листкѣ слѣдующія замѣтки на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ:

«Angabe u. eigener Aufsatz des H. R. Lomonosoff.

«Передней гридированный листъ.

Изобразить между славными мирными и военными дѣлами ея имп. вел. въ видѣ Минервы со на щитѣ (sic), на тѣмъ гербъ россійскій. Передъ нею Исторія и Правда, положивъ книгу, указуютъ на великолѣпный храмъ, украшенный медальонами, бюстами стоячими и каменными статуями прежнихъ государей россійскихъ.

Der Hr. Rath Lomonosoff verlangt zum Frontispice seiner Russ. Historie folgende von ihm selbst inventirte Vorstellung d. 2 Octobr. 1758:

Ihro Maj'. in Gestalt der Minerva zwischen Kriegs und Friedens Geschäften stehend mit dem Wappen Schild des Russisch. Reichs. Derselben legt die Historie und die Wahrheit ein Buch (die Russische Historie) zu Fussen und weisen auf den Tempel der Ewigkeit worinn und worann die Brust Bilder Medalions und Statuen der vormahligen Russ. Beherscher.

---

[1]) Арх. акад. конф., I портфель Писемъ Миллера къ разнымъ особамъ. 1754—1755 годовъ.

[2]) Ibid., портфель IV, 1761—1762 годовъ.

22.

Отзывъ Ломоносова о рѣчи Брауна.

1759 годъ.

Въ торжественномъ собраніи Академіи, предназначавшемся въ 1759 году въ воспоминаніе коронаціи императрицы Елизаветы, академикъ Браунъ долженъ былъ читать рѣчь свою «De atmosphaerae mutationibus praecipuis earumque praesagiis». Когда Ломоносовъ получилъ первый отпечатанный листъ рѣчи, то на первой страницѣ написалъ: «Рассу^ждения о Правления^ весма къ сему случаю неприличны. И начто такое постороннее дѣло мешать. Говори^ бы онъ о своей матеріи, а что до витійства надлежитъ, того ему Богъ не далъ. По моему мнѣнію должно ето все о^менить и каки^ нибудь образо^ иное начать».

Таубертъ послалъ отзывъ этотъ въ подлинникѣ Миллеру, такъ какъ рѣчь Брауна была одобрена конференціею, которой тогда Миллеръ былъ секретаремъ. Въ свою очередь, послѣдній, 19 апрѣля 1759 года, переведя чрезвычайно точно на нѣмецкій языкъ отзывъ Ломоносова, препроводилъ его къ Брауну. Этотъ отвѣчалъ:

«Г. совѣтнику Ломоносову, который меня извѣщалъ, что вступленіе должно быть передѣлано потому именно, что оно тяжело и недовольно законченно, я уже писалъ, что, по непреложнымъ началамъ разума, не нахожу никакихъ поводовъ къ перемѣнамъ... Впрочемъ, что касается витійства, то думаю, что Богъ надѣлилъ меня имъ, какъ и всякаго другаго». На листкѣ, на которомъ Миллеромъ былъ сдѣланъ переводъ отзыва, Таубертъ писалъ: «почему г. Ломоносовъ ничего не говорилъ тогда, когда Браунъ читалъ свою рѣчь въ конференціи? Онъ, какъ слышно, долженъ былъ тамъ присутствовать. Г. президентъ навѣрное будетъ недоволенъ, когда узнаетъ объ этомъ происшествіи...»

19 и 20 апрѣля въ конференціи были разсужденія по пово-

ду замѣчанія на рѣчь Брауна[1]). 20 же апрѣля Таубертъ писалъ къ Миллеру, что объ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ доложить президенту и что потому начало рѣчи переведено Козицкимъ на русскій языкъ[2]).

Рѣчь Брауна была произнесена въ торжественномъ собраніи Академіи 8 мая 1759 г. и напечатана тогда же подъ заглавіемъ: «Oratio academica de atmosphaerae mutationibus praecipuis earumque praesagiis ad diem festum anniversarium coronationis Elisabetae omnis Russiae imperatricis augustissimae celebrandum in solemni conventu Academiae scientiarum dicta a Josepho Ad. Braun philosophiae theoreticae et practicae professore p. o. Petropoli. MDCCLIX (въ 4°, 68 страницъ).

При сличеніи этой рѣчи съ прежде отпечатаннымъ листомъ, нынѣ хранящемся въ портфелѣ Миллера, можно видѣть, что вступленіе ея Браунъ принужденъ былъ измѣнить согласно замѣчанію Ломоносова. Чтобы дать понятіе о томъ, что находилъ тамъ послѣдній неприличнымъ, привожу здѣсь первоначальный текстъ его и измѣненія, съ какими онъ явился въ печатной рѣчи.

Корректурный листъ рѣчи Брауна изъ бумагъ Миллера.	**Oratio academica de atmosphaerae mutationibus etc. Petropoli MDCCLIX.**
Laetissima gratulatione hodie illum diem celebramus, Auditores, quo Elisabetae Augustissimae, omnis Russiae Imperatrici Optimae, Maximae, coronae imperatoriae impositione, Maiestatis imperialis adeptionem declarare ratione sollemniore, atque ritus inaugurationis more maiorum colere placuit. Est hic mos coronationis et inaugurationum inter	Laetissima gratulatione hodie illum diem celebramus, Auditores, quo Elisabetae Augustissimae, Imperatrici nostrae Clementissimae coronae imperatoriae impositione iurium Ma-

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Билярскимъ, стр. 383—385.

[2]) Какъ отзывъ Ломоносова на первой страницѣ рѣчи Брауна, такъ и письма по этому случаю хранятся во II портфелѣ Писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ, въ архивѣ акад. конференціи.

mos Imperantes gentium cultiorum
ntiquis inde temporibus iam receptus,
s origo igitur non ex lege, sed e fon-
ecori est repetenda, si principia iuris
lici universalis spectentur. Nam non
atura summi imperii eiusmodi coro-
ones et inaugurationes, tanquam ne-
ariae fluunt, adeoque summae potes-
summo imperio Maiestatique nihil
ere queunt, hinc quoque summi Im-
ntes per eas nouum ius adipisci non
unt. Gaudent igitur summi Imperan-
summa potestate, summo imperio,
bus Maiestatis omnibus eorumque
rcitio ante coronationes, quin si hae
e non fiant; uti solent in rebuspubli-
Arictocraticis et Democraticis perpe-
cessare, tamen summo imperio civili
l detrahitur. Quamuis autem Maies-
quae nihil aliud est, nisi Imperium
mum ciuile, nihil addant, neque, si
ttantur, quidquam detrahant eiusmo-
ollennitates coronationum, etiam in
eriis Monarchicis: tamen rationibus
is destitui non sunt censendae, quum
declarationes, publicationes summi
erii civilis adquisiti, et iurium Maies-
corum adeptionis, quam solemnissime
ae. Moueri enim homines admodum
ent externa pompa et caeremoniis.
remoniae sunt signa, sunt res, qua-
n adspectus et cogitatio aliarum rerum
itationes excitare solent et debent,
e scopo cuidam conveniunt. Scopus in
onationibus et inaugurationibus quum
tendat, ut summa dignitas et eminen-
augustissima Monarchae Maiestatem
iestatis adeptionem
declarare ratione so-
lemni placuit. Merito hi
coronationum dies sin-
gulis annis denuo ce-
lebrantur, et fiunt fes-
ti anniversarii, ut me-
moria earum renove-
tur, et populus vene-
rationis Maiestati de-
bitae, sanctitatisque
de novo admoneatur,
et ad gratulationes, lae-
titiam et vota pro sa-
lute summorum Impe-
rantium nuncupanda
moveatur, excitetur.
Eo laetius autem e-
iusmodi dies recurren-
tes, eo maiore gratu-
latione celebrantur, et
eo ardentiora pro sa-
lute imperantium vota
concipiuntur merito,
quo aptius et adcom-
modatius ad finem im-
perii, salutem scilicet
populi, et felicitatem
publicam iura Maies-
tatis administrantur
et exercentur. Quae
est igitur Gens toto
terrarum orbe, quae
maiore laetitia eius-
modi dies celebrandi
maiore gratulatione
prosequendi iustiorem

adepti declaretur: caeremoniae quoque hae cogitationes summae venerationis summo Imperanti et Maiestati debitae excitare debent, et hinc quam fieri potest, splendidissime, et summa pompa merito eiusmodi Coronationes peraguntur, ut eo fortius Maiestati subiecti ad summam venerationem, et cultum moueantur, excitentur. Merito igitur dies hi coronationum singulis annis denuo celebrantur, et fiunt festi anniversarii, ut memoria eorum renovetur, et summo imperio subiecti summae Imperantium dignitatis, Maiestatique debitae venerationis de novo admoneantur, et ad gratulationes, laetitiam, et vota pro salute summorum Imperantium nuncupanda moveantur. Eo laetius autem eiusmodi dies recurrentes, celebrantur, eo maiore gratulatione coluntur, eo ardentiora pro salute Imperantium vota concipiuntur merito, quo aptius adcomadatiusque ad finem imperii, salutem populi, felicitatemque publicam iura Maiestatis administrantur, et exercentur. Quae est igitur gens toto terrarum orbe, quae maiore laetitia hunc diem celebrandi, maiore gratulatione prosequendi iustiorem habeat caussam, quam nos, quibus tam felicibus esse contigit, venerari Elisabetam Imperatricem, qua nihil clementius, nihil melius ne cogitatione quidem fingi potest. Exercet Monarcha nostra iura Maiestatis tam immanentia, quam transeuntia quidem pro abitrio, uti in monarchiis absolutis fieri solet et debet, sed quod regnum, quod imperium reperiri potest in orbe terrarum, ubi Ma- habeat caussam, quam nos, quibus tam felicibus esse contigit Elisabetam venerari Imperatricem nostram, qua nihil melius, nihil clementius ne cogitatione quidem fingi potest, quum iura Maiestatis ad Imperii finem, felicitatem publicam melius, quam ab ipsa administrari nequeant. Mirandum ne hoc est, quum magnum exemplum Magni Patris Petri primi, tanquam perfectissimum exemplar semper in Regimine sequitur? Nonne igitur, ut Magnus Pater nomen Patris Patriae iure meritus est; sic Magna Filia Matris Patriae, et deliciarum populi sui, quin generis humani iure suo meretur?

Habent mutationes suas respublicae, regna, imperia Auditores, ut nonnunquam bene constitutae respublicae et imperia civilia vitium contrahant, contra autem

ıtis iura magis ad imperii finem, ad sa-
m populi, ad felicitatem publicam, ad
ıdum statum publicum perfeciendum-
, quam in imperio nostro ab Elisabeta,
ıcipe Optima administrantur? Omnes
; felicissimos, neminem, nisi sua ipsi-
:ulpa infelicem, quin ipsis sua culpa
licibus suam gratiam non denegat,
ımque boni tribuit, quantum per bo-
ı publicum fieri potest. Magnum
mplum Magni Patris Petri Primi
per prae oculis habet, in provehenda
fectione, salute et felicitate imperii,
ıe merito tanquam perfectissimum
mplar sequitur. Quantas hic Monar-
curas, quantos labores, quanta in-
ımoda, quantas molestias, quin quan-
ıon pericula suscepit unice eo fine, ut
ıerium ad eum perfectionis gradum
vehere vellet cuius esset capax? Ea-
ı mens quum sit Filiae Magnae, eun-
ı scopum in administrando imperio
ı sibi habet praefixum, eadem consi-
dum agitat Filia perficiendi, quae
gnus Pater destinaverat, sed morte
ematura impeditus exequi non po-
:: iure meritoque, ut ille Patris,
haec Matris patriae et deliciarum
ıuli sui meretur. Annon his solis
mplis Magnis error eorum Pseudo-
iticorum quam solidissime refutari
est, qui Monarchas absolutos cum
potis et tyrannis confundunt, saltim
ı falso persvadent, ab imperio monar-
co absoluto, despotismum, quin ty-
ınidem separari non posse. Sed sunt
qui nesciunt imperium despoticum et
non optime vel constitutae, vel administratae mutentur in melius. Utriusque mutationis exempla etc.

tyrannicum non esse peculiares rerum publicarum formas, ut est Monarchia absoluta, sed vitia, quae in qualibet regiminis forma, locum habere possunt, non minus in Aristocratiis et Democratiis, quam in Monarchiis limitatis et absolutis. Et si sint regna despotica, in quibus inter imperantem et imperio subiectos talis relatio, et talis nexus reperitur, qualis inter dominum et servum; illa non rebus publicis, in quibus est Maiestas, et imperium summum civile, sed rebus privatis adnumerari merentur, quoniam peculiarem reipublicae formam non constituunt, qualis est monarchia absoluta, sed rem privatam, propria commoda propriam utilitatem, non felicitatem communem publicam, et salutem populi respicientem.

Mutationibus respublicae, regna, imperia dum obnoxia reperiuntur, fieri potest, ut nonunquam bene constitutae respublicae et imperia civilia vitium contratrahant, contra autem non optime vel constitutae, vel administratae mutentur in melius. Utriusque mutationis exempla etc.

23.

Письмо Миллера объ увольненіи Ломоносова въ отставку

1763 годъ.

Причины, побудившія Екатерину II подписать въ 1763 го указъ объ увольненіи Ломоносова изъ Академіи, пока остаю еще неразъясненными. Неизвѣстно также, какимъ образо сдѣлалось, что вскорѣ потомъ Ломоносовъ является по пре

нему совѣтникомъ академической канцеляріи. Ясно только, что помянутый указъ былъ въ непродолжительномъ времени отмѣненъ; посему о немъ осталось мало слѣдовъ въ дѣлахъ академической канцеляріи. Въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова» г. Билярскаго (стр. 603, 604) объ этомъ событіи помѣщены: a) отказъ Ломоносова 15 мая 1763 года, отъ подписанія бумагъ по академическимъ дѣламъ, по случаю полученія имъ указа объ отставкѣ; b) запросъ Тауберта инспектору гимназіи Котельникову 9 іюня 1763 года, кому онъ будетъ доносить, за отказомъ Ломоносова, о состояніи университета и гимназіи, и c) отвѣтъ Котельникова, того же 9 іюня, что ему было неизвѣстно о помянутомъ отказѣ Ломоносова, что послѣдній другую недѣлю какъ уѣхалъ въ свое помѣстье, и что, наконецъ, онъ, Котельниковъ, будетъ доносить о гимназіи и университетѣ тому, кого укажетъ канцелярія.

Въ Академіи указъ объ отставкѣ Ломоносова не могъ не произвести въ свое время впечатлѣнія. Миллеръ въ письмѣ, 16 мая 1763 года, къ Гебенштрейту, сообщалъ объ этомъ событіи такъ[1]): «Академія освобождена отъ г. Ломоносова. Собственноручный указъ императрицы отъ 2 мая заключаетъ въ себѣ, что онъ увольняется до своей кончины отъ всѣхъ должностей (von aller Dienste bis an sein Ende erlaszen ist) и впредь будетъ пользоваться половиннымъ жалованьемъ. Однако въ то же самое время онъ произведенъ въ статскіе совѣтники, чего такъ давно добивался. Въ тотъ же день г. Штелинъ сдѣланъ статскимъ совѣтникомъ, но съ опредѣленіемъ, вѣроятно для него очень непріятнымъ, чтобы онъ на будущее время не принималъ никакого участія въ дѣлахъ канцеляріи, но исполнялъ бы только обязанность профессора. Прежній императоръ (Петръ III) уже произвелъ его въ статскіе совѣтники, но такъ какъ повелѣнія о томъ во время переворота не было еще обнародовано, то дѣло оставалось подъ сомнѣніемъ. Увѣдомьте объ этомъ скорѣе г. Кёльрейтера, навѣрное это ускоритъ его

---

[1]) Письмо Миллера начиналось «*Наконецъ* Академія освобождена отъ г. Ломоносова...» но потомъ многознаменательное *наконецъ* въ черновомъ письмѣ было вычеркнуто осторожнымъ исторіографомъ, см. V портфель писемъ его къ разнымъ особамъ, 1763—1764 годовъ, въ архивѣ акад. конф.

рѣшимость возвратиться опять сюда[1]). Но о томъ еще ничего не сдѣлано извѣстнымъ въ Вѣдомостяхъ». Замѣчательно, что Рычковъ въ томъ же 1763 году, 31 августа, писалъ къ Миллеру: «Ежели нетрудно и непротивно покорно прошу васъ донести должнѣйшее почтеніе его высокородію Ив. Ив. Тауберту и увѣдомить меня: Михайла Васильевичъ Ломоносовъ гдѣ и какъ нынѣ находится?»... Къ сожалѣнію отвѣтъ Миллера неизвѣстенъ.

24.

Извѣстія Бюшинга и Тауберта о смерти Ломоносова.

1765 годъ.

7 апрѣля 1765 г., Бюшингъ писалъ къ Миллеру, находившемуся тогда уже на службѣ въ Москвѣ: «Въ понедѣльникъ вечеромъ, только что послалъ я къ вамъ мое письмо, какъ узналъ, чрезъ четверть часа, что въ полдень того же дня умеръ совѣтникъ Ломоносовъ. Можетъ быть эта смерть подастъ поводъ къ измѣненію системы въ Академіи, если она года въ два не разрушится (ausstirbt)»...[2]).

8 апрѣля 1765 года, Таубертъ къ Миллеру:

«Г. статскій совѣтникъ Ломоносовъ перемѣнилъ здѣшнюю временную жизнь на вѣчную въ прошедшій понедѣльникъ, около 5 часовъ по полудни, послѣ новаго припадка своей прежней болѣзни, который у него сдѣлался отъ простуды. За два дня до своей кончины, онъ причащался и испустилъ духъ во время совершенія надъ нимъ обряда соборованія, послѣ прощанія, въ полномъ разумѣ, какъ съ своею женою и дочерью, такъ и съ прочими присутствующими. Сегодня рано онъ былъ погребенъ въ Невскомъ монастырѣ, при огромномъ стеченіи народа. На другой день послѣ его смерти, графъ Орловъ велѣлъ приложить

---

[1]) Кёльрейтеръ былъ прежде адъюнктомъ въ Академіи, потомъ уѣхалъ за границу, и въ описываемое время снова былъ приглашаемъ въ Петербургъ для занятія вакантной кафедры ботаники.

[2]) III портфель писемъ къ Миллеру отъ разныхъ особъ.

печати къ его кабинету. Безъ сомнѣнія въ немъ должны находиться бумаги, которыя не желаютъ выпустить въ чужія руки» [1]).

25.

О сборникѣ черновыхъ бумагъ Ломоносова, хранящемся въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

Г. академикъ Куникъ указалъ мнѣ любопытный сборникъ in f°, въ которомъ переплетены разныя черновыя бумаги. писанныя рукою Ломоносова и относящіяся преимущественно къ его работѣ по составленію русской грамматики. Будущій издатель сочиненій Ломоносова найдетъ здѣсь не мало матеріаловъ для исторіи этого, безъ сомнѣнія, замѣчательнѣйшаго труда знаменитаго писателя. Кромѣ того, здѣсь же есть нѣсколько статей и отрывковъ, съ которыми считаю не лишнимъ познакомить читателя настоящей статьи.

Между грамматическими замѣтками, на л. 47—48, помѣщенъ «Судъ россійскиѫ писменъ предъ Разумомъ и обычаемъ, отъ Грамматики представленныѫ». Въ первый разъ эта статья напечатана въ еженедѣльномъ изданіи Ѳед. Туманскаго «Лекарство отъ скуки и заботъ» № 46, стр. 153—158, а отсюда перепечатана г. Тихонравовымъ въ Москвитянинѣ 1852 г. № 10. Въ рукописи статья прерывается на монологѣ буквы *азъ*, а въ печати помѣщены также разговоры и другихъ буквъ.

На лист. 112—113: «Преложеніе псалма 103. — Благослови душе моя Господа, Господи Боже мой возвеличился еси зѣло etc.» Въ письмѣ Ломоносова къ Татищеву, сообщенномъ выше, на стр. 34, объяснена причина, почему переложеніе этого псалма осталось неоконченнымъ. Въ первый разъ оно напечатано въ «Полномъ собраніи сочиненій» Ломоносова. Спб. 1803 г., Ч. I, стр. 43—46, но тамъ не помѣщено выписаннаго сейчасъ эпиграфа и притомъ слѣдующія отмѣны:

---

[1]) XXIII портфель писемъ къ Миллеру отъ разныхъ особъ, въ арх. акад. конференціи.

Въ печатномъ: Крилами *сихровъ* шумъ наводишь.
Въ рукописи Лом: Крилами *сихровъ* шумъ наводишь.
Въ печати: Всесильнымъ мані*емъ* послушны.
Въ рукон. Лом: Всесильнымъ мані*емъ* послушны.
Въ печати: *Онагри ждутъ*, какъ въ жаждѣ таютъ.
Въ рук. Лом: *И ждутъ осли*, какъ въ жаждѣ таютъ.
Въ печати: И *всѣхъ живущихъ* насыщаешь.
Въ рук. Лом: И *всѣ народы* насыщаешь.

Въ рукописи на послѣднемъ листѣ съ боку приписка:

Огонь, дымъ, звукъ; взревѣлъ,
И брегъ тряхнулъ хребтомъ.

На листѣ 117:

О небо не лишай меня очей и слуха,
Отдай мнѣ ихъ: я въ путь спѣшу стремленье^м^ духа.
Блаженъ кто зритъ чудясь монархи дива въ васъ
Блаженъ кто слышитъ вашъ, Екатерина, гласъ
Пріятной / Любимой } быть, владѣть судьба васъ одарила,
Но перваго во мнѣ чувствительнѣе сила
Въ восторгъ вашъ бодрой духъ премудраго ведетъ;
Онъ быть бы тѣмъ престалъ пре^д^ вашъ поставленъ свѣтъ.

На лист. 118—119 записано нѣсколько наблюденій надъ электричествомъ, произведенныхъ въ іюнѣ 1753 года.

На лист. 147—148: «Примѣчанія на предложеніе о множественно^м^ окончеціи прилагательныхъ именъ», о чемъ будетъ говорено ниже.

На лис. 150: (сначала зачеркнуты два заглавія: «О чистотѣ россійскаго штиля». «О новыхъ сочиненіяхъ россійскихъ».) отрывокъ: «О нынѣшне^м^ состояніи Словесны^х^ наукъ въ Россіи (Предпринимая описаніе нынѣшняго состоянія словесны^х^ наукъ въ Россіи)[1]). Коль полезно человѣческому обществу Словесныхъ наукъ упражненіе, о то^м^ свидѣтельствуютъ (просвѣщенные Европейскіе) древніе и нынѣшніе просвѣщенные народы. Умолчавъ о толь многи^х^ извѣстны^х^ примѣрахъ представимъ одну Францію, о которой по справедливости сомнѣваться можно (должно) могущество^м^ ли больше привлекла къ своему почитанію другія государства, или наука^ми^ особливо Словесными, очи-

[1]) Предложенія и слова, здѣсь поставленныя въ скобкахъ, въ подлинной рукописи зачеркнуты Ломоносовымъ. Всѣ выписки изъ рукописи сдѣланы здѣсь съ соблюденіемъ его правописанія.

ивъ и украсивъ свой языкъ трудолюбіемъ искусны^х^ писате-
й. Военную силу ея чувствуютъ больше сосѣдніе народы,
отребленіе языка не токмо по всей Европѣ простирается и
сподствуетъ, но и въ отдаленны^х^ частя^х^ свѣта разны^м^ Евро-
йски^м^ народамъ какъ единоплеме... для сообщенія ихъ по
льшой части служитъ. Посему легко рассудить можно, коль
похвальны, которы^х^ раченіе въ словесныхъ наука^х^ служитъ
украшенію слова и къ чистотѣ языка особливо своего при-
днаго; противны^м^ образо^м^ коль вредны тѣ, которые нескла-
д^м^ плетенье^м^ хотятъ прослыть (знающими) искусными и охуж-
я самыя лутчія сочиненія, хотятъ себя возвысить; (съ боку:
В возбужденіе стыда и раскаяніе на концѣ) сверхъ того по-
въ худые примѣры своихъ незрѣлыхъ сочиненій (сводятъ съ
тиннаго) приводятъ на неправый путь юношество приступаю-
е къ наукамъ, въ нѣжныхъ умахъ вкореняютъ ложныя по-
тія, которыя послѣ истребить трудно, или и вовсе невоз-
жно. Примѣровъ далече искать нѣтъ на^м^ нужды, имѣя...
своемъ отечествѣ. Красота великолѣпіе, сила и богатство
ссійскаго языка явствуетъ довольно и^з^ книгъ въ прошлыя
ки писанны^х^, когда еще не токмо никакихъ правилъ для со-
неній наши предки незнали, но и о то^м^ едва ли думали, что
ыя есть или быть могутъ (быть на свѣтѣ).....

На листѣ 151 отрывокъ: «Таковому излишеству... подоб-
е на много вреднѣе и приращенію наукъ помѣшательнѣе нѣ-
торыхъ поведеніе, кои осмѣхаютъ науки, особливо^м^ новыя
кровенія и изысканія, разглашая будьто бы онѣ были (вредны)
отивны вѣрѣ (чемъ они). Коимъ мнимы^м^ защищеніемъ дѣй-
вительно ее поносятъ, (называя) представляя непріятельницею
атуральной правдѣ) натурѣ, не меньше отъ Бога произшед-
ей, какъ Вѣра. Называя все то соблазномъ, чего не пони-
ютъ. Но всякъ и^з^.....

На л. 152:

Я въ Греціи родился

—

Въ веселой Франціи
Я былъ деля Фонтено^м^
Въ Греціи Федромъ.

—

моносова не могли быть, какъ полагали нѣкоторые, отосланы къ Ейлеру въ 1745 году и отвѣтъ послѣдняго не былъ полученъ въ началѣ 1746 года, но что все это имѣло мѣсто позднѣе[1]). Замѣтить также слѣдуетъ, что французскій текстъ письма Ейлера въ «Очеркахъ Россіи» Пассека (М. 1840 г., стр. 6, 7) имѣетъ нѣкоторыя отмѣны противъ того, который написанъ въ сборникѣ на л. 153; тамъ же на листѣ 157 есть еще списокъ того же письма, и здѣсь Ломоносовъ написалъ сначала *jusque ici*, потомъ зачеркнулъ *ici* и поставилъ вмѣсто того *à present*. Потомъ вм. зачеркнутаго *tant de justesse* вписалъ послѣ *tant de solidité*. Наконецъ въ послѣднемъ зачеркнуто: «A cette occasion je felicite Mr. Lomonosow de posseder tant» а на листѣ 153 «A cette occasion je felicite Mons. Lomonosow de posseder le plus heureux genie» etc. Эти отмѣны и поправки Ломоносова свидѣтельствуютъ, что французскій извѣстный теперь текстъ отзыва Ейлера не есть подлинный, но переводъ съ латинскаго или съ нѣмецкаго.

Здѣсь помѣщаются вполнѣ всѣ отрывки, такъ какъ они написаны самимъ Ломоносовымъ въ сборникѣ.

1.

Vir juvenis praestantis jngenii Michael Lomonosow ex quo studiorum gratia Marburgum accessit, frequenter lectionibus meis mathematicis et philosophicis, physicis praesertim interfuit, ac solidiari doctrina mirifice delectatus. Quod si igitur eadem industria pergat, nullus dubito fore, ut aliquando in patriam redux utilem reipublicae operam praestet; id quod maxime in votis habeo. Dabam Marburgi Cattorum d. 20 julii 1739.

(L. S.) Christianus Wolfius
Acad. Marb. p. t. Pro-Rect. [2]).

Молодой человѣкъ преимущественнаго остроумія Михайло Ломоносовъ съ того времени какъ для ученія въ Марбургъ

---

[1]) Ср. «Отзывъ Ейлера о Ломоносовѣ», г. Билярскаго въ Запискахъ Академіи наукъ, V, кн. I, стр. 104 — 110, также у него въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова» стр. 030, 031, 065, 68—69, 77.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, академика Куника часть I, стр. 153.

пріѣхалъ: часто мои математическія и философскія а особливо физическія лекціи слушалъ, и безмѣрно любилъ основательное ученіе. Ежели впредь съ такимъ же рвеніемъ простираться будетъ: то не сомнѣваюсь, чтобъ возвратясь въ отечество, не принесъ пользы чего отъ сердца желаю. дан въ Марбургѣ 1739. іюля 20.

Христіанъ Волфъ нынѣшній... проректоръ.

2.

Ich habe mit vielem Vergnügen ersehen, dasz Ew. Hochedl. sich der gelehrten Welt der Academie der Wissenschaften zeigen, wodurch Sie ihrer Nat... viel Ehre machen. Es wäre wünschen das viele ihrem Exempel folgten.

Съ великимъ удовольствіемъ я увидѣлъ, что вы въ академическихъ Комментаріяхъ себя ученому свѣту показали, чѣмъ вы великую честь принесли вашему народу. Я желаю чтобъ вашему примѣру многіе послѣдовали. Волфъ въ письмѣ къ Гальвы отъ 6 августа 1753.

3.

Toutes ces pieces sont non seulement bonnes mais aussi tout a fait excellentes. Car il traite des matières de la physique et de la Chymie, qui etoint jusqu'a present inexplicables aux plus grands génies, avec tant de solidité, que je suis tout a fait persuadez, de la justesse de ses explications. A cette occasion je felicite Mons. Lomonosow de posseder le plus heureux genie pour expliquer les phaenomenes dans la physique et dans la chymie. Il seroit a souhaiter, que les autres academies fussent en etat de produir semblables découvertes que Mr Lomonosow vient de faire.

Сочиненія Гна Ломоносова

(рукою Тауберта: «Господинъ Ейлеръ между прочимъ въ отвѣтѣ къ президенту Академіи графу Кир. Гр. Разум. отзывается о сочиненіяхъ Г. Ломоносова такимъ образомъ:)

Всѣ сіи диссертаціи нетокмо хороши, но и весма превосходны, ибо онъ пишетъ о матеріяхъ физическихъ и химическихъ, весма нужныхъ, которыя по нынѣ незнали и истолковать немогли

самые остроу"ные люди. Что онъ учинилъ съ таки" успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ о справедливости его изъясненій. При се" случаѣ Гдну Ломоносову долженъ отдать справедливость что имѣетъ превосходное дарованіе для изъясненія физическихъ и химически" явленій. Желать должно, чтобъ и другія Академіи въ состояніи были произвести такія откровенія, какія показа' Гднъ Ломоносовъ. Ейлеръ въ отвѣтѣ къ Его Сіятельству Гдну Президенту (174. года).

4.

Quo magis sagacitatem ac profunditatem ingenii tui in evolvendis difficillimis Chymiae quaestionibus sum admiratus, eo gratiores mihi fuerunt litterae tuae.... Ex tuis autem scriptis summa cum voluptate cognovi, te in explicandis Chymicis operationibus longe a recepto apud Chymicos more recedere atque cum amplissima experientia summam Physicae solidioris scientiam perpetuo conjungere. ex quo non dubito quin vaga et incerta hujus disciplinae principia tandem ad plenam certitudinem ita sis perducturus, ut ei posthac locus in Physica jure tribui possit.

Сколь много проницательству и глубинѣ Вашего остроумія въ изъясненіи претрудныхъ химически" вопросовъ я удивлялся такъ равномѣрно Ваше ко мнѣ письмо было пріятно.... Изъ Ваши" сочиненій съ превеликимъ удовольствіе" я усмотрѣлъ, что вы въ Истолкованіи Химическихъ дѣйствій далече отъ принятого у Химиковъ обыкновенія отступили и съ препространны" искусствомъ (знаніемъ) в' Практикѣ высочайшее основательной Физики знаніе вездѣ совокупляете. Почему не сомнѣваюсь что нетвердыя и сомнительныя основанія сея науки приведете къ полной достовѣрности; такъ что ей послѣ мѣсто въ Физикѣ по справедливости дано быть можетъ. Ейлеръ въ писмѣ о" 23 марта 1748.

5.

Uti profundissimae sunt Meditationes Tuae, quarum communicatione tam insigne specimen amoris Tui ac benevolentiae erga me edere voluisti, retardationem responsionis meae non aegre feres eum tam abstrusae Cogitationes, rerumque maxime abditurum et tempus et otium requirant...

Какъ преглубоки ваши рассу^ждения, которы^х сообщение^м дали вы мнѣ чувствительный знакъ своей любви и благосклонности... О умедлении моего отвѣта прошу непогнѣваться: затѣмъ что о толь далеки^х (*трудныхъ* поправка другою рукою) и сокровенныхъ вещахъ мысли времени требуетъ. Ейлеръ въ писмѣ о^т 24 августа 1748 года,

5 (sic).

Cum semper maxime fuerim admiratus felicissimum ingenium tuum, qua in tam diversis scientiarum generibus excellis, ac phaenomena naturae singulari cum successu per theoriam illustras, tum summo gaudio intellexi... Omnino te digna sunt, quae de omnis generis Coloribus vitra inducendi es perscrutatus. Nostri chymici hoc inventum maximi faciunt.

Какъ я всегда удивлялся счастливо^му твоему остроумію, которымъ въ толь ра^зныхъ наука^х превосходствуешь и натуральныя явленія съ особливы^м успѣхомъ изъясняешь такъ пріятно было мнѣ извѣстіе... Достойное васъ дѣло есть, что вы стеклу всѣ возможные цвѣты дать можете. Здѣшніе химики сіе изобрѣтеніе за превеликое дѣло почитаютъ. Ейлеръ въ писмѣ и^з Берлина о^т 30 марта 1754.

6.

Dahero die Bemühungen derjenigen, welche darüber arbeiten jeder Zeit groszes Lob verdienen. Um so viel mehr musz man also Ew. Wohlg. verbunden seyn, dasz dieselben diese grosze Frage aus der Dunkelheit entriszen und einen glücklichen Anfang zu Erörterung derselben gemacht haben.

Того ради стараніе тѣхъ, которые въ семъ дѣлѣ трудятся, всегда великую похвалу заслуживаютъ. Тѣмъ больше должно вамъ имѣть обязательства, что вы сей великой вопросъ изъ тьмы исторгнули и положили счастливое начало къ его изъясненію. Ейлеръ въ писмѣ и^з Берлина о^т 11 февраля 1755.

7.

Il y a dans le même volume un exstra (sic) du XIV des memoires de l'Academie Imp. de Russie, où j'ai parlé fort au long et avec beaucoup de plaisir de Votre beau mémoire sur la teinture des metaux.

Въ томъ же томѣ содержится екстракт 14-го тома академическихъ Комментаріевъ, гдѣ я пространно и съ радостію описалъ Вашу хорошую диссертацію о свѣтлости металловъ. Формей въ писмѣ изъ Берлина отъ 27 октября, 1753.

8.

Comme je suis parfaitement disposé de vous obliger entout ce qui peut dependre de moi, je me suis aquitté de cette tache et je vous envoye ci joint les feuilles de mon journal, ou cette piece est imprimée... il etoit naturel de defendre une aussi bonne cause que la votre contre des accusateurs si injustes.

Какъ я желаю вамъ здѣлать обязательство во всемъ что отъ меня зависитъ, я то исполнилъ и посылаю вамъ присемъ листки изъ моего журнала гдѣ оная диссертація напечатана. [За тѣмъ въ сборникѣ писано не рукою Ломоносова съ его приписками, кои обозначены вносными знаками « »] Сіе было должность, чтобы защитить толь праведное ваше дѣло отъ такихъ несправедливыхъ поносителей. Формей въ писмѣ изъ Берлина отъ 27 Майя 1755.

9.

Debitos tibi persolvo grates ob actum academicum et programma, dignam fama tua opus, quae omnia mecum communicare dignatus es.

Должное вамъ воздаю благодареніе за актъ академической и за программу, достойное вашея славы сочиненіе, котораго сообщеніемъ вы меня удостоили. «Кондаминъ въ писмѣ изъ Пломбери въ Лотарингіи 5 августа 1754.»

10.

Quae sagacissimus Lomonosow circa fluxum huius materiae subtilis in nubibus est meditatus maximam subsidiam iis, qui vires suas in hac quaestione enucleanda exercere volent, afferre debent. Eximiae quoque sunt eius cogitationes de descensu aëris superioris indique tam subito orto summo gelu [1]).

Что проницательной Ломоносовъ о теченіи сей тонкой

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Билярскимъ, стр. 252—253.

матеріи въ облакахъ рассужда' великую помощь подасти тѣмъ, которые въ семъ вопросѣ хотятъ свои силы исслѣдовать. «Такъ же» преизрядны его размышленія о снисхожденіи верхняго воздуха и о внезапныхъ морозахъ. «Ейлеръ въ письмѣ и' Берлина въ Академію 1754 года.»

«NB. Письмо Порошина Генерала
— Татищева».

[За тѣмъ на оборотѣ листа рукою Ломоносова отмѣтка вѣроятно на память: «Гейнсіево. Ейлерово первое»... и потомъ письмо Ейлера (Toutes ces pieces...) съ тѣми отмѣнами, о которыхъ было говорено выше.]

На л. 158 рукою Ломоносова:

(Авторы свидѣтельствъ) титулъ кор'еспо"дентовъ.

Христіанъ Волфъ, фрейгеръ, тайной совѣтникъ, Галскаго университета канцлеръ и первенствующій профессоръ юриспруденціи, Академій Наукъ Санктпетербургской, Парижской и Лондонскаго ученаго собранія членъ.

Леонардъ Ейлеръ, королевской математикъ въ Берлинской Академіи и оныя директоръ, Академій Наукъ Санктпетербургской, Парижской и Лондонскаго ученаго собранія членъ.

Карлъ Марія де ла Кондаминъ Пари"ской академикъ, королевской химикъ, Берлинской Академіи и Ло"донскаго собранія членъ, кавалеръ ордена святаго Лазаря.

Формей, Берлинской Академіи секретарь, Санктпетербургской Академіи и Лондонскаго собранія членъ.

26.

Мнѣнія Тредьяковскаго и Ломоносова о правописаніи прилагательныхъ во множественномъ числѣ.

Въ 1745 году для учениковъ академической гимназіи понадобилось новое изданіе нѣмецко-французско-русскихъ разговоровъ, и на Тредьяковскаго было возложено исправленіе русскаго текста перваго изданія ихъ, напечатаннаго въ 1738 году. Въ февралѣ 1746 года онъ представилъ конференціи сдѣланныя имъ поправки, вмѣстѣ съ разсужденіемъ: «De plurali no-

minum adiectivorum integrorum, Russica lingua scribendorum terminatione». Здѣсь Тредьяковскій возсталъ противъ принятаго, по его свидѣтельству съ 1733 года, въ печатаемыхъ въ академической типографіи книгахъ правила объ окончаніяхъ прилагательныхъ въ именительномъ множественнаго числа мужескаго рода на е, а женскаго и средняго на я. По мнѣнію Тредьяковскаго первыя должны кончаться на и, вторыя на е, а третьи на я. При чтеніи этого разсужденія въ конференціи, 7 марта 1746 года, у Тредьяковскаго возникли споры съ Ломоносовымъ, при чемъ прочіе академики, не признавая себя сильными въ рѣшеніи подобныхъ разногласій, полагали передать дѣло на обсужденіе и заключеніе природныхъ русскихъ. 10 марта 1746 года, Шумахеръ заявлялъ въ конференціи, что предлагаемыя Тредьяковскимъ нововведенія въ правописаніи не всѣмъ нравятся, а потому лучше удержать прежнее правописаніе, пока о новомъ не будетъ постановлено чего нибудь положительнаго. Однако 14 марта Тредьяковскій представилъ свое разсужденіе въ русскомъ переводѣ и просилъ, чтобы Ломоносовъ сомнѣнія свои объ этомъ изложилъ также письменно. Послѣдній взялъ было съ собою рукопись Тредьяковскаго, но 18 апрѣля просилъ занести въ протоколъ: «возвращая академическому собранію разсужденіе о множественномъ числѣ прилагательныхъ, въ тоже время прошу, чтобы мнѣ дозволено было не писать отвѣта на него, потому что я узналъ отъ г. Тредьяковскаго, что онъ остается при мнѣніи, высказанномъ въ помянутомъ разсужденіи, и намѣренъ предложить собранію другія разсужденія въ томъ же родѣ. Во все это я не желалъ бы вмѣшиваться, такъ какъ имѣю занятія по дѣламъ, прямо относящимся къ моимъ обязанностямъ». Тредьяковскій (28 апрѣля) просилъ академиковъ убѣдить Ломоносова, чтобы онъ не перемѣнялъ гласно заявленнаго обѣщанія своего въ отношеніи спора съ нимъ, Тредьяковскимъ; а Ломоносовъ обѣщалъ на будущее время поступать согласно желанію Тредьяковскаго, и дѣло о прилагательныхъ повидимому на этомъ и кончилось [1]). Латинское разсужденіе послѣд-

[1]) Протоколы академической конференціи за 1746 годъ; также «Матеріалы для біографіи Ломоносова», собран. г. Билярскимъ, стр. 83, 85.

няго хранится донынѣ въ архивѣ академической конференціи (связка № 76, Е), а отвѣтъ Ломоносова, который онъ было хотѣлъ представить противъ Тредьяковскаго, находится въ вышеописанномъ сборникѣ черновыхъ бумагъ Ломоносова. Сверхъ того въ томъ же архивѣ (связка № 76, F) есть собственноручная статья Тредьяковскаго, въ которую вошли всѣ его разсужденія объ окончаніи прилагательныхъ во множественномъ числѣ, съ прибавленіемъ доказательствъ, почему онъ писалъ *і*, а не *и* въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, и защиты придуманнаго имъ способа обозначать на письмѣ повышеніе голоса въ предложеніяхъ. Въ началѣ статьи упоминается о «ежемѣсячныхъ книжкахъ», т. е. о Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, періодическомъ изданіи, которое стало выходить при Академіи подъ редакціею Миллера съ 1755 года. Причины, побудившія Тредьяковскаго вспомнить о своей статьѣ 1746 года и прибавить къ ней оправданія другихъ особенностей своего правописанія, видны изъ нѣкоторыхъ упоминаній въ русской статьѣ его. При изданіи Ежемѣсячныхъ сочиненій, Тредьяковскому предлагали вопросы о правописаніи, котораго онъ держался. Сверхъ того, онъ говоритъ далѣе «объ играющихъ эпиграмками», которые красоту русскаго языка называли «небесною» и т. д. Эти намеки прямо указываютъ на слѣдующую сатиру, приписываемую Сумарокову[1]):

Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тщатся,
Дабы на букву *а* всѣхъ долѣ оставаться,
На *е*, на *о* притомъ умѣренность имѣть
Черезъ *у* и черезъ *и* способностью летѣть (?),
Чтобъ оными была пріятность нѣжну слуху,
А сними (сими?) не принесть несносной скуки уху.
Преславная Москва въ языкѣ толь нѣжна,
Что *а* произноситъ за *о* велитъ она.
Въ музыкѣ что̀ распѣвъ, то надъ словами сила;
Природа насъ блюсти законъ сей научила.
Безъ силы бе́реги, но съ силой берега̀,
И съ снѣги съ оною мы говоримъ снѣга̀
Довольно кажутъ намъ толь ясные доводы,
Что нашъ языкъ отъ *и* всегда ищетъ свободы;
Или ужь стало *иль*, *коли* ужь стало *коль*,

[1]) Библіографическія записки 1859 г. № 17, стр. 518, 519.

Изволи нынѣ всѣ вездѣ твердятъ *изволь*,
За *спиши* — *спишь* и *спать* мы говоримъ за *спати*
На что же, Трессотинъ, намъ тянетъ *и* некстати?
Напрасно злобный сей ты предпріялъ совѣтъ,
Чтобъ льстя тебя, когда россійской принялъ свѣтъ.
. . . . . .
Россійска языка небесна красота
Не будетъ никогда попрана отъ скота
И бредъ твой выплюнувъ, повѣрь — тебя заставитъ:
Скончать твой скверный визгъ; стонаніе совы
Негодны въ русской слогъ и пропасть намъ *увы*.

На эту сатиру сохранился и отвѣтъ Тредьяковскаго [1]). Здѣсь между разными личными выходками, высказаны въ защиту окончанія прилагательныхъ мужескаго рода въ именительномъ множественнаго на *и* доводы, встрѣчаемые въ прозаическомъ разсужденіи профессора:

Славенскій нашъ языкъ есть правило не ложно,
Какъ книги чище намъ писать, коли возможно.
Въ гражданскомъ и до днесь, однакъ не въ площадномъ,
Съ славенскимъ по всему составу въ насъ одномъ,
Кто ближе подойдетъ къ сему въ словахъ избранныхъ,
Тотъ и любѣе всѣмъ писецъ есть, и не въ странныхъ.
У нѣмцевъ то не такъ, ни у французовъ тожъ
Имъ нравенъ тотъ языкъ, кой съ общимъ самымъ схожъ...
и т. д.

Вообще статья Тредьяковскаго и отвѣтъ Ломоносова любопытны для исторіи нашей орѳографіи, которая можетъ быть полезна нынѣ при обсужденіи спорныхъ вопросовъ по этой части русской грамматики. Помѣщая здѣсь оба разсужденія, я счелъ нужнымъ возстановить въ статьѣ Тредьяковскаго то, что̀ было зачеркнуто имъ съ намѣреніемъ смягчить нѣкоторыя личныя выходки. Всѣ зачеркнутыя мѣста обозначены здѣсь скобками [ ], а написанное послѣ того набрано курсивомъ.

---

[1]) Ibid., стр. 519—520.

Объ окончаніи прилагательныхъ именъ цѣлыхъ, мужескаго рода, множественнаго числа́, и о двухъ нѣкоторыхъ разностяхъ, до правописанія принадлежащихъ.

В. Т.

[Нѣкто изъ обыкновенныхъ нашихъ членовъ, долженствующихъ наполнять Сочиненіями сіи ежемѣсячные книшки, по принесеніи въ Собраніе своего, и по прочтеніи онаго въ немъ безъ прекословія отъ товарищей содержанія, когда́ былъ отъ одного изъ насъ вопрошенъ, чегобъ ради употребилъ онъ въ томъ Сочиненіи способъ правописанія новый, а не слѣдовалъ старому, какъ въ Академіческой тіпографіи давно, такъ и въ сихъ Книшкахъ нынѣ употребляемому; то на сей вопросъ онъ отвѣтствовалъ, что напроти́въ, Академіческія тіпографіи, и сихъ книжекъ правописаніе есть новое, а что его совершенно старое и твердыя основанія имѣющее; и что онъ всегда сіе употребляетъ въ Сочиненіяхъ и въ Переводахъ своихъ при Академіи печатаемыхъ. Въ подтвержденіе сего сказаннаго, обѣщался онъ принесть Собранію доказательства на письмѣ. По рассмотрѣніи доказательствъ его, принесенныхъ уже́ имъ, Собраніе увидѣло, что подлинно они не безъ довольно сильнаго основанія: чего ради и намѣрилось сносить употребленіе Правописанія его въ Сочиненіяхъ, полагаемыхъ отъ него въ сіи книшки, толь наипаче, что въ нихъ, по установленію, долженствуетъ быть терпимо различіе и матерій и слога, а не токмо что различный способъ Правописанія. И какъ доказательства его могутъ послужить къ приведенію въ совершенство не послѣднія сея ча́сти въ Грамматікѣ, толь нужной многимъ изъ Россійскаго народа; то мы оныя Читателямъ нашимъ здѣсь сообщаемъ точными Сочинителевыми словами, и Правописаніемъ].

Извѣстно, [говоритъ онъ] что-въ-Россійскомъ языкѣ суть два вида прилагательныхъ именъ. Первый есть цѣлыхъ, для того что сіи имена изъ всѣхъ своихъ склало́въ состоятъ вполнѣ, какъ-то, великій, великая, великое: но вторый усѣченныхъ, потому что отъ нихъ отъемлется цѣлый складъ съ конца,

какъ-то великъ, велика, велико. Не о сихъ послѣднихъ здѣсь дѣло идетъ, но объ оныхъ первыхъ, да и то́-еще о множественномъ ихъ числѣ; и токмо мужескаго рода [по моему обѣщанію].

Сихъ именъ окончанія множественныя [въ академіческой типографіи начали, съ 1733 года] начали представлять *отъ нѣкоторыхъ въ нынѣшнія наши времена* печатію слѣдующимъ образомъ. Въ знакъ мужескаго рода употреблена *отъ нихъ* літера (е) чистая, изглашающаяся какъ (ѣ); а въ знакъ женскаго и средняго (я) чистая же, напримѣръ: добрые, добрыя, добрыя.

Утверждаю, что-изъ-сихъ-окончаній-второе, тоесть женское, есть правое по давнимъ нашимъ пра́виламъ, но не весьма общее по нынѣшнему всѣхъ употребленію. А третіе окончаніе, или средняго рода, какъ-есть-пра́вое по древнимъ пра́виламъ, такъ и нынѣшнимъ всеобщимъ употребленіемъ подтвержденное. Что жъ до перваго мужескаго окончанія, то оно всеконечно есть неправое, или, буде сказать мяхче, надлежало ему быть наипаче женскаго рода, а не мужескаго. Посему, вся неправость, въ рассужденіи сихъ окончаній, находится токмо въ мужескомъ. Сіе слѣдующимъ образомъ я доказываю.

Неправое есть и новое окончаніе на (е), въ прилагательныхъ именахъ мужескаго рода, множественнаго числа́, 1) по сходству съ Славенскимъ, или церковнымъ у насъ язы́комъ, который-нашему-Славенороссійскому, или Гражданскому, и источникъ, и отецъ, и точное подобіе, и отъ коего-ни-на-пе́рстъ, чтобъ такъ сказать, нашъ не отступаетъ. Предложеніе сіе не требуетъ подтвержденія: всякому оно, вникнувшему въ нашъ и славенскій, языкъ не можетъ не быть достовѣрное. Но въ Славенскомъ у насъ язы́кѣ, сіе окончаніе есть на (и), а не на (е). Примѣръ: святіи, а не святіе. 2) По сходству малороссійскаго діалекта, который-то́чно есть нашъ славенороссійскій, выключая ударенія нѣкоторыя на склады, и разное наклоненіе произношенія. Но въ малороссійскомъ діалектѣ окончаніе сіе всегда есть, и было всегда на (и), а не на (е). Примѣръ: святыи, а не святые. 3) По сходству всѣхъ-на́-все діалектовъ отъ Славенскаго происшедшихъ, а особливо Сербскаго, [Болгарскаго, Польскаго и Чесскаго] *и другихъ іліріческихъ*. Но въ сихъ [четырехъ] *и въ прочихъ* діалектахъ окончанія спорныя или на

(и) наше, какъ-въ-Сéрбскомъ, свéтіи или на (і) и (у) Латинскія какъ въ іллиріческихъ словенскихъ, *Латінскими літерами изображаемыхъ*. 4) И по сáмой невозможности, кончить намъ премногое множество сихъ именъ и́нако, какъ-тóкмо на (и): а сихъ именъ нельзя отнюдъ положить въ чинъ нѣкотораго изъятія отъ общаго прáвила, длятого что ихъ премного, и потому они сами суть тѣмъ общимъ правиломъ. Изъ премногаго ихъ числá въ примѣръ привожу нѣсколько токмо: божіи, собольи, рыбьи, птичьи, охотничьи, черничьи, рысьи, слоновьи.

Новое, и неправое есть окончаніе мужеское множественное на (е), по окончанію мужескому жъ, но единственнаго числá, сихъ сáмыхъ именъ прилагательныхъ цѣлыхъ. Всѣ наши сіи прилагательныя имена, въ единственномъ числѣ, въ мужескомъ родѣ, именительный падежъ имѣютъ на (й), которое-называется-крáткимъ, а предъ симъ (й) краткимъ всегда бываетъ или (і) или (ы), инакожъ отнюдъ никогда въ чистомъ язы́кѣ. Примѣръ: божій, святый. Чтожъ нѣкоторыи не токмо говоря просто, но и на письмѣ употребляютъ предъ тѣмъ (й) краткимъ літеру (о), вмѣсто или (і), или (ы), какъ-то великой, вмѣсто великій; святой вмѣсто святый: то сіи, неправымъ такимъ употребленіемъ писменнымъ, сливаютъ странно именительный единственный мужескій, съ дательнымъ единственнымъ женскимъ: ибо равно есть у нихъ, что - вели́кой человѣкъ, и, великой женѣ. Но сихъ оставляю, а возвращаюсь къ первому. Не должно, говорю, быть въ чистомъ язы́кѣ предъ (й) краткимъ, какъ токмо или (і), или (ы). На что жъ сіе (й) краткое въ семъ окончаніи? На то, чтобъ произношенію быть единственному вполовину противъ множественнаго, дабы единственный падежъ не смѣшался съ множественнымъ, который-по-природѣ своей есть на (и) некраткое: тоесть, чтобъ святый не смѣшался съ святыи. Ежелибъ сіе было не-для-сегó; то бъ напрасно намъ писать (й) краткое въ единственныхъ окончаніяхъ; да и моглибъ сіи быть и безъ (й) краткаго прáвильно на (и) полное, и на (ы), какъ-то божи, святы́. Однако, необходимо должно быть (й) краткому въ сихъ у насъ окончаніяхъ, божій, святый. Слѣдовательно, есть оно тутъ для покáзанныя мною причины, о которой-смѣло

тверждаю, что-не-мо́жно привесть ни праведнѣйшія, ни твер-
йшія, ни, покрайней мѣрѣ, вѣроятнѣйшія.

По са́мымъ окончаніямъ множественнымъ прилагательныхъ
менъ усѣченныхъ (хотя они будутъ имѣнныя, хотя причасныя)
вое и неправое есть окончаніе множественныхъ именъ цѣ-
ыхъ на (е) мужеское. Всѣ-на́-все прилагательныя наши усѣ-
енныя имена, имѣютъ всегда и непремѣнно предъ послѣднимъ
югомъ, оканчавающимъ чисто цѣлыя наши имена во множе-
твенномъ числѣ, или літеру (і) или (ы). И такъ, кому не явно,
то, по отсѣченіи въ цѣлыхъ именахъ окончательнаго чистаго
юга, остается всегда въ усѣченныхъ или (і), премѣняемое
огда на (и), или (ы): По любящіи, любящи; По святыя, святы?
сіе впрочемъ во всѣхъ трехъ родахъ всеконечно. Чтожъ сіе
начитъ? То, что-оконча́ніе множественное прилагательныхъ
а (и), есть у насъ общественнѣйшее всѣхъ прочихъ, и сродт-
твеннѣйшее нашему языку, ра́вно-какъ и всей Славенсчизнѣ.
Сіе, съ другія стороны, толь далеко распространяется, что-всѣ
ущественныя имена пра́вильныя всѣхъ склоненій, множе-
твенныя окончанія, мужескаго и женскаго рода, имѣютъ токмо
ли на (и), или на (ы), тоесть на густое (и). Съ сими, а особли-
нѣйше съ мужескими, во всей Славенсчизнѣ соглашаются окон-
анія множественныя прилагательныхъ именъ. Какъ же, и для
его́жъ бы имъ у насъ разглашаться, и не сочетаваться? и толь
аипаче, что-нашъ-языкъ сходственнѣйшій всѣхъ прочихъ съ
Славенскимъ, и какъ-перворо́дный его сынъ и наслѣдникъ?
Сверхъ сего, да́лѣе-еще нынѣ всеобщественность окончаній на
и) въ именахъ нашихъ расширяется, нежели по са́мой природѣ
олжно. Многіи оканчаваютъ, уже́ и-на писмѣ, на (и) и на (ы)
а́мыя средняго рода существительныя множественныя, кото-
ымъ-приро́дное наше сво́йство дало оканчаваться токмо или
а (а), какъ-дѣла́, или на (я), какъ-примѣча́нія. Подлинно погрѣ-
шаютъ весьма всѣ сіи, кои-пи́шутъ сочиненіи вмѣсто сочиненія,
риказанія, вмѣсто приказанія, и прочія подобныя: однако, сею
а́мою чувствительною ихъ погрѣшностію доказывается непре-
долѣемо, что-оконча́нія въ именахъ нашихъ на (и), суть всѣхъ
рочихъ общественнѣйшія. Да [видятъ теперь Эпіграмками
играющіи...] видится теперь коль праведно и основательно [они

[illegible] небесную по ихъ же красоту нашего языка] [illegible] небесною красота нашего язы́ка, что-будто [illegible] всегда себѣ увольненія отъ (и) и [приводятъ] [illegible] примѣръ (крайнимъ образомъ неисправно говоря [illegible] только нѣкоторые народные и стіхотворческіе [illegible] суть сіи: иль, вмѣсто или; спать, вмѣсто [illegible] Да познается, наконецъ, что-зна́къ сей (ь), [illegible] [illegible] какъ-то жъ са́мое (и), но токмо осла́бленное [illegible]

[illegible] всѣ наши, такъ называемыя, притяжательныя [illegible] [illegible] не всѣ указательныя, доказываютъ, [illegible] указательныхъ множественныхъ мужескихъ [illegible] [illegible] Вѣрно, что-сіи-мѣстоиме́нія все- [illegible] [illegible] движимыя также-какъ-и-сіи, [illegible] [illegible] указательныхъ сей, онъ, самъ, именитель- [illegible] мужескій оканчаваютъ такъ: сіи, они, сами: [illegible] [illegible] ты, мы, вы во множественномъ у насъ, [illegible] [illegible] что (и) природное есть окончаніе [illegible] нашихъ мужескихъ множественныхъ: ибо літера (ы) [illegible] (и), но, какъ-я-сказалъ-выше, густое. Притяжательныя мой, твой, свой, вашъ, всѣ имѣютъ именительный множественный, кончащійся на (и), мои, твои, свои́, наши, ваши.

Сверхъ того, возносительное и вопросительное мѣстоимеіе кой всегда кончится во множественномъ именительномъ кои. [illegible] [illegible] мѣстоименія, ра́вно-какъ изъ указательныхъ [illegible] и самъ, когда показываютъ-лице́ какое, ни въ женскомъ, [illegible] средномъ родѣ не различаются окончаніями, но всегда [illegible] літеру (и), по общему и постоянному, и тому́-еще стариному и [illegible] употребленію въ Славенороссійскомъ [illegible], хотя въ Славенскомъ средній родъ и имѣетъ [illegible] мои дѣла́, а не мои дѣла́

[illegible] основательно, весьма основательно, какъ-мни́тся, заключа [illegible], по премногимъ сходствамъ, по свойству всея Сла- [illegible], по неразличаемому окончанію многихъ прилагатель- [illegible] именъ, по цѣлымъ и усѣченнымъ при- [illegible] именамъ, по именамъ мужескимъ существитель- [illegible], по мѣстоименіямъ, что-имена́ прилагатель-

ыя цѣлыя, мужескаго рода, множественнаго числá, праведно канчавать, въ красномъ письмѣ всегда надлежитъ на (и), а не а (е), которое-окончаніе-есть-нóвое [введенное въ академіческую тіпографію съ 1733 года] и потому намъ непригодное.

Втуне здѣсь представится мнѣ употребленіе. Знаю 1), что потребленіе, есть праведный судія языку, верховный властелинъ надъ онымъ, и ему законодавецъ. Но 2) знаю и то, что-прямóе употребленіе есть всеобщее и постоянное: ибо, когда-но-не-такóе, то ужé есть не употребленіе, но нѣкоторая необразимая разность въ языкѣ, и его поврежденіе. 3) Ежели потребленіе въ чемъ ни будь различно, то прямое употребленіе есть оное, которое съ-твéрдымъ разумомъ соглашается, и отъ него одóбрено быть можетъ: ибо нѣтъ другаго праведнѣйшаго Судіи на изысканіе истинны, кромѣ разума, когда-употребленіе-несхóдство и пестроту какую имѣетъ. 4) Буде же изъ двухъ, или многихъ разностей, никоторая отъ твердаго разума подтвердиться не можетъ, то, въ такомъ случаѣ, должно слѣдовать тому, что-или-бóльшая, или просвѣщеннѣйшая часть людей употребляетъ. Чрезъ бóльшую часть не разумѣются поселяне, но учтивыи граждане, а чрезъ просвѣщеннѣйшую не простаки, но ученыи люди, чрезъ обѣ жъ сіи чáсти не разные вѣ, но одна и та жъ по важности удостовѣренія: ибо надежнѣе вѣрить въ чистотѣ языка чеснымъ и просвѣщеннымъ мужамъ, нежели безрассудной чéрни. Изъ сего слѣдуетъ, что сугубое есть по природѣ употребленіе: одно чистое и учтивое, другое неправое и подлое, которое-больше-есть-не-употребленіе, но заблужденіе, коему-родный отецъ, есть незнаніе. 5) наконецъ. Нѣтъ всеобщаго употребленія, какъ-бы-оно-по-различію-временъ-ни-различáлось, которое-всеконéчнобъ противно было всеобщему свóйству того языка, въ коемъ-оно Употребленіемъ: ибо, въ противномъ случаѣ, нéбылобъ ужé оно употребленіемъ живущаго языка, но всесовершеннымъ его истребленіемъ.

Да приложатсяжъ сіи прáвила къ окончанію нашему множественному, мужескаго рода, прилагательныхъ именъ, коему-насъ-свóйственно быть на (и), а не на (е).

Много такихъ, кои-говоря-окончавáютъ прилагательныя

цѣлыя, множественныя, мужескія на (е): но много и такихъ, которыи-тóтъ-же падежъ, тогожъ рода и числá кончатъ въ разговорахъ и на-писмѣ то на (я), то на (е). Сіе происходитъ отъ того, что-літеры (е)(я) нѣкоторое глухое имѣютъ сходство на концѣ словъ чисто положенные; чего рáди, окончаніе сіе безразборное одно и тожъ слышится, а погрѣшность или всеконечно инымъ нечувствительна бываетъ, или нѣсколько токмо чувствительна нѣкоторымъ. Словомъ, окончанія сіи по сáмой большой чáсти въ народѣ суть безразборныя. Доказываютъ сіе достовѣрно всѣ гражданскіе книги, прежде 1733 года напечатанные; доказываютъ проповѣди и всѣ-нá-все приказныхъ дѣлъ пи́сма. Слѣдовательно (по 2 прáвилу), сіе употребленіе ни всеобщее есть, ни вездѣ постоянное.

Но, (по 3 прáвилу) въ различающемся употребленіи къ твердому разуму прибѣгать надлежитъ: а твердый разумъ сказываетъ, утвердившись на многихъ свóйствахъ и сходствахъ, что-окончáніе на (и) есть всѣхъ прочихъ у насъ общественнѣйшее, и что-въ прилагáтельныхъ множественныхъ мужескихъ, оно есть и точно природное, какъ-чи́стое Славенское. Слѣдовательно, сіе окончаніе въ чистомъ языкѣ предпочитать надлежитъ, и толь наипаче, что-оно-отъ-бóльшія и просвѣщеннѣйшія чáсти, именножъ во всѣхъ церьковныхъ книгахъ, неизмѣняющихся никогда и тѣмъ классіческихъ, употребляется (по 3 и 4 прáвилу).

Не могу догадаться, чего бъ ради у насъ скоряе неисправность язы́ка вводилась, и была предпочитаема чистотѣ, какъ-скóро оная отъ кого-одногó или выговорится, или напишется? Не отъ тоголь, что-сáмая большáя часть у насъ грамматіческихъ прáвилъ [1]) не знаетъ, и потому, сáмаяжъ большáя часть клонится отъ незнанія къ неправому употребленію; а множествомъ свои́мъ привлекаетъ къ себѣ иногда и знающихъ, для того что хотя-какое-есть-лóжное употребленіе, но отъ множества употребляющихъ, показывается мнимо быть правымъ? Нѣ́тъ-ли-еще тутъ и оказательства какóва нарочнаго, отмѣною себя отъ пишущихъ по грамматической исправности? Вѣдаю я

[1]) Противъ этого мѣста выноска и стоитъ буква Л, что нельзя иначе объяснить, какъ указаніемъ на Ломоносова.

ь насъ ложное мнѣніе о простотѣ, то есть, стараніе говорить писать несходственно съ чистотою языка, буттобъ благородая и достохвальная оная простота (состоящая токмо въ природныхъ, а не въ витіеватыхъ и вырумяненыхъ изображеніяхъ) остояла въ явномъ поврежденіи языка: можно писать просто некудряво, однако по грамматіческой исправности и чистотѣ ѣчей. Нѣтъ-ли-еще также и подражанія въ семъ чужестранымъ нѣкоторымъ языкамъ? И буде есть, то оно совсѣмъ несновательное. Вѣдомо, что во-французскомъ языкѣ, дружескій азговоръ есть правило краснымъ сочиненіямъ (de la conversaon a la tribune), для того что у нихъ нѣтъ другаго. Но у насъ ружескій разговоръ есть употребленіе простонародное; а красѣйшее сочиненіе есть иное изряднѣйшее употребленіе, отмѣное отъ простаго разговора, и подобное больше книжному Славенскому, о которомъ-можно-праведно сказать, что-оно-есть-ажное, пріятное, дѣльное, сильное, філософіческое, приличегвующее больше высокимъ наукамъ, нежели нѣжнымъ, для ого что Славенскій языкъ есть мужественный. Никто не пиетъ ни письма о домашнемъ дѣлѣ, чтобъ онъ не тщался его аписать отмѣннѣе отъ простаго разговора: такъ что сіе всебщимъ у насъ правиломъ названо быть можетъ, что «кто-ближе подходитъ писаніемъ гражданскимъ къ Славенскому языку, или, кто-больше славенскихъ обыкновенныхъ и всѣхъ вѣдомыхъ словъ употребляетъ, тотъ у насъ и не подло пишетъ, и есть лучшій писецъ». Не дружескій разговоръ (la conersation) у насъ правиломъ писанія; но книжный церьковный зыкъ (la tribune), который-равно въ духовномъ обществѣ есть ивущимъ, какъ-и-бесѣдный въ гражданствѣ. Великое наше частіе въ семъ, предъ многими Европейскими народами!

Какъ-то-ни-есть; только мнѣ сіе дивно, чего ужъ ради, ервый заведшій въ Академіческой тіпографіи простонародное кончаніе] *при самомъ заведеніи* простонароднаго окончанія множественнаго въ прилагательныхъ именахъ мужескихъ на (е), мѣсто на (и), [не ввелъ тогда жъ] *не подтверждены* и сіи, менножъ, примѣчаніи, вмѣсто примѣчаній; еѣ вмѣсто ея; коль гъ подлаго коли, вмѣсто преизряднаго когда и прочаго? Ибо сѣ сіи окончанія и употребленія хотя вожделѣнною, но лож-

ноюжъ тѣмъ что [грубою] неблагородною простотою хвастаются и величаются.

Кажется, что-твéрдо мною доказано природное наше окончаніе множественное, мужескаго рода, въ прилагательныхъ цѣлыхъ именахъ на (и), а не на (е). Посмотримъ теперь, въ какомъ родѣ прáвильнѣе употреблять можно окончаніе на (е), понеже оно стало непротивно, отъ простаго учащенія, великороссійскому слуху. Я и теперь-ещé подтверждаю, что-неправо оно подставлено за окончаніе на (и) въ мужескомъ родѣ. Но буде тѣжъ сáмыя имéна, тогожъ числá, но женскаго рода, оканчивать на (е); то сіе не токмо обыкновенію нашему не бесладосію будетъ, но и здравому разуму удовольствіе здѣлаетъ.

Выше предложенó, что-жéнскія такія окончанія дѣлаются у насъ на (я) чистое по преднаписанію Грамматістовъ. Но употребленіе словесное и письменное, кромѣ церьковныхъ книгъ, и понынѣ весьма непостоянно есть въ гражданствѣ: ибо сіи употребляютъ літеру (я), а тѣ (е) літеру; еще-онúжъ сами иногда безразборно пишутъ, а сіе ужé страннѣе, непосредственно иногда ставятъ то (е), то (я), но никто нигдѣ и никогда въ женскомъ родѣ не пишетъ окончанія сего на (и). Слѣдовательно, употребленіе сіе есть ни всеобщее, нижé постоянное (противъ 2 прáвила). Но гдѣ-употребленіе-рáзнствуетъ; то въ такомъ случаѣ должно просить совѣта у твердаго разума, которой разности-лýчше слѣдовать онъ повелитъ, (по 3 пункту).

Да на чтожъ впрочемъ многое плодить? Ибо, ежели различіе есть полезно, еще-и-весьма-потрéбно между окончаніемъ средняго рода (для того что оно равнымъ же образомъ на (я) и окончаніемъ женскимъ; ежели лучше быть различію, нежели не быть между именительнымъ множественнымъ и родительнымъ единственнымъ женскаго рода; и ежели по свойству Славенороссійскаго язы́ка, литера (я) часто перемѣняется въ (е): то твердый разумъ совѣтуетъ быть окончанію множественному женскому на (е), вмѣсто на (я). Но всѣ исчисленные члены такъ себя имѣютъ, какъ-предполагаются.

Ибо 1) у которыхъ именъ родъ есть различенъ; у тѣхъ необходимо и окончаніе долженствуетъ быть различно: всѣхъ нашихъ именъ роды, по сáмой большой чáсти чрезъ окончанія

познаваются. Но женскій родъ съ среднимъ есть различенъ, а окончанія ихъ сходны на (я), какъ-то святыя жены, и святыя дѣлá, которыя изрядно могутъ различиться такъ, когда-жéнское окончаніе будетъ на (е), какъ-то святые жены, а среднее по обыкновенію на (я), святыя дѣлá. 2) Сему самому различію лучше быть, нежели не быть между именительнымъ множественнымъ женскимъ, и родительнымъ женскимъ же единственнымъ: ибо всегда и вездѣ предпочитается различеніе смятности. И такъ ежели именительный множественный женскій окончавать на (е), вмѣсто на (я); то такое различеніе и здѣлается, крáснымъ-еще образомъ, да и будетъ, вмѣсто великія именительнаго множественнаго, сходнаго съ родительнымъ единственнымъ женскимъ же, именительный множественный женскій, великіе, а родительный единственный останется, великія. 3) По свóйству нашего Славенороссійскаго выговора, чáсто въ разговорахъ премѣняется літера (я) на (е), которая во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ есть не (э) звономъ, но (ѣ). Такъ вмѣсто Якімъ говорится Ѣкімъ; вмѣсто священникъ, свѣщенникъ; вмѣсто княгиня, кнѣиня; вмѣсто ряба, рѣба; вмѣсто ясть, ѣсть; вмѣсто ея, еѣ, и премножество другихъ словъ.

Но чегожъ бы ради наипаче, быть перемѣнѣ сей въ окончаніи женскомъ множественномъ, а не въ среднемъ? Отвѣтствую, что, сверьхъ различія, могущаго такимъ образомъ здѣлаться между именительнымъ множественнымъ женскимъ, родительнымъ единственнымъ, и множественнымъ же именительнымъ среднимъ, когда-жéнскій будетъ на (е), а средній на (я), сáмое сходство окончанія, въ существительныхъ множественныхъ средняго рода, кончающихся или на (а) или на (я), не позволяетъ отнюдъ быть, въ прилагательныхъ множественныхъ среднихъ, другому окончанію, кромѣ токмо что на (я) обыкновенное.

По доказаніи, природнаго нашего окончанія множественнаго въ мужескихъ прилагательныхъ цѣлыхъ именахъ на (и), а въ женскихъ такихъ же на (е), предвоспріятомъ не въ указъ, и не въ сопротивленіе инако о семъ мнящимъ и употребляющимъ, нижé и въ опроверженіе ихъ мнѣнія, но токмо въ изъясненіе и въ оправданіе моего употребленія въ письмѣ, осталось теперь

предложить токмо примѣры способу моего писанія какъ-бы-въ-имённыхъ, и причасныхъ прилагательныхъ, такъ и въ мѣстоимённыхъ.

Примѣръ имённыхъ.

муж. род.	жен. род.	сред. род.
святыи.	святые.	святыя.
истинныи.	истинные.	истинныя.

Мѣстоимённыхъ.

оныи.	оные.	оныя.
которыи.	которые.	которыя.

Причасныхъ.

любящіи.	любящіе.	любящія.
любившіи.	любившіе.	любившія.

Есть и ещё у меня разность въ писаніи съ правописаніемъ, [въ академіческой тіпографіи, съ 1738 только года] употребляемымъ *отъ нѣкоторыхъ не весьма давно*. Разность сія не касается ужé до окончаній, но до положенія літеръ (и) (і), какъ-въ-природныхъ нашихъ словахъ, такъ и въ чужихъ, употребляемыхъ нашимъ языкомъ.

Имѣемъ мы Грамматіческое прáвило, и древнее сáмое употребленіе въ книгахъ печатныхъ, чтобъ въ нашихъ природныхъ словахъ літеру (и) ставить предъ согласными, а (і) предъ гласными. Сему прáвилу какъ [академіческая тіпографія], употребляющіи сіе правописаніе, такъ и я въ моихъ письмахъ, слѣдуемъ согласно. Однако разнюсь симъ, что [академіческая тіпографія] *употребляющіи по сему* поступаютъ безъ изъятія [по сему одному прáвилу] и въ чужестранныхъ словахъ, несмотря на другое о семъ Грамматіческое прáвило, давнишнимъ же употребленіемъ утвержденное; а что-я, слѣдуя сему другому прáвилу, и древнему употребленію, въ рассужденіи чужихъ словъ, ставлю и предъ согласными въ такихъ рѣчахъ литеру (і), а не (и). Итакъ, по моему правописанію сіе Греческое слово Історіа, всегда пишется чрезъ (і), а по [академіческой тіпографіи] *тѣхъ* оно чрезъ (и), Историа: такъ и во всѣхъ прочихъ чужихъ словахъ, у насъ употребляемыхъ.

Говорятъ защищающіи сіе [академіческія тіпографіи] нововводное употребленіе, что-простя́е и способнѣе есть такъ писать: ибо не всѣ пишущіи знаютъ правописаніе чужестраннаго како́ва сло́ва, чтобъ имъ ставить въ его словахъ літеру (і).

Изрядно: похвальна есть сія толь способная простота въ рассужденіи літеръ (и) и (і). Но чегожъ ради, сія са́мая предивная способность не наблюдается [въ академіческой тіпографіи] въ рассужденіи (ф) и (ѳ) въ чужестранныхъ словахъ? Также премного есть незнающихъ, гдѣ-имъ-писа́ть (ф), или (ѳ), по второму тому Грамматіческому пра́вилу. И понеже Ѳеодотъ, [въ академіческой тіпографіи] изображается *у нихъ* чрезъ (ѳ) по второму реченному пра́вилу, (которое-велитъ-прилѣ́жно наблюдать въ чужестранныхъ словахъ ихъ са́мое правописаніе), а не чрезъ (ф), чрезъ который-бы-простя́е было писать незнающимъ греческаго правописанія: то для чегожъ бы мнѣ несправедливо было писать Ісідора чрезъ (і) предъ согласными, какъ-то Греческая ортографія требуетъ, вмѣсто Исидора [по академіческой тіпографіи] *по способу пишущихъ* чрезъ (и)? И толь наипаче, что-и-я́ въ изображеніи Ісідора слѣдую томужъ Грамматіческому пра́вилу, которому-и-[академіческая тіпографія] *пи́шущіи* въ представленіи Ѳеодота чрезъ (ѳ), а не чрезъ (ф)? Кленусь, не вижу, че́мъ пошлымъ сіе мое возраженіе, на толь одобряемую способность что до (и) и до (і), обессилено и опровержено быть можетъ.

Къ стати изъяснить еще́-другую, но послѣднюю уже́ мою́ разность, или лучше особливость въ способѣ правописанія [снося сіе съ правописаніемъ академіческія тіпографіи]. О ней я былъ также спрошенъ въ Собраніи отъ нѣкотораго изъ засѣдающихъ: но я ему тогда отвѣтствовалъ токмо зна́комъ нѣкимъ, объявляя, что-въ-не́й-то у меня состоитъ Гордіевъ узолъ, котораго-на-развяза́ніе обнажаю теперь Александровъ мечъ.

Подлинно, сія особливость есть новая са́мая у насъ, но толь нужная и необходимая, что-безъ-нея-весьма́ трудно, и почитай невозможно познавать, какой есть точный разумъ въ нѣкоторомъ предложеніи, которое-разумѣется-иногда-на́-двое, на́-трое, на́-четверо, и болѣе. Особливость сія новая состоитъ въ Гіфенахъ, или въ единитныхъ палочкахъ, проводимыхъ поперегъ

между двумя, тремя, и многайшими словами, да сверьху въ одномъ ударенiи силою перваго, или средняго, или послѣдняго слова, на тотъ слогъ точно, который-природно у насъ ударенъ быть долженствуетъ.

На показанiе, что предложенiе какое можетъ двояко, трояко и больше толковаться лiтерально, такъ что-невѣдомо, какой-ему разумъ присвоить должно, полагаю я въ примѣръ слѣдующее предложенiе: Богъ есть превѣчный. Сiе предложенiе когда-съ равнымъ возвышенiемъ голоса, или, что-тожъ, съ равнымъ удареніемъ каждаго въ немъ слова выговорится (ибо не можно выговорить ни одного слова, не ударивъ его гдѣ нибудь силою однажды): то значитъ будетъ только логическое предложенiе, состоящее изъ такъ называемыхъ подвергаемаго, сопрягающаго, и присвояемаго. Но ежели въ немъ первое слово громче ударится силою, а прочiя два ниже равнымъ удареніемъ произнесутся; то предложенiе сiе будетъ значить, что-единъ токмо есть Богъ, который-превѣченъ. Еслижъ выговорится силою выше второе въ немъ слово: то оноежъ предложенiе изобразитъ, что-Богъ-превѣчный-есть-дѣйствительно. А буде послѣднее въ немъ слово громче двухъ первыхъ удареніемъ произнесется: то сiежъ самое предложенiе означитъ, что-Богъ, который-дѣйствительно пребываетъ, есть-притомъ-и-превѣченъ.

И такъ, для означенiя, которое-слово-должно-громче выговорить, изъ двухъ, или и нѣсколькихъ словъ, ударяю я его силою, а прочiя, кои-съ-нимъ-надобно-ниже равнымъ удареніемъ произнесть, связываю всѣ между собою, и съ ударяемымъ выше, единитными. Напримѣръ, когда-я-изображаю моимъ предложеніемъ токмо логическое нѣчто: то всѣ въ немъ слова у меня безъ ударенiя, *выключая* вопросительныя рѣчи; и тогда жъ они *безъ единитныхъ*. Но буде хочу изобразить въ показанномъ въ примѣръ предложенiи первый разумъ: то пишу такъ: Богъ-есть-превѣчный. Второй такъ: Богъ-есть-превѣчный; а третiй такъ: Богъ есть превѣчный. Въ печати, гдѣ-надъ-каждою рѣчiю есть знакъ ударенiя, возвышаемый громче слогъ въ реченiи можетъ двойною оксiею быть означаемъ.

Не знаю, какъ-сей-мой-вымыслъ-другимъ показаться можетъ; но я въ сей способ[illegible]ая ему цѣны, такъ влюблѣнъ,

что-не-токмо-за-объявляющій, и поставляющій на мѣрѣ точно и достовѣрно, разумъ въ предложеніи какомъ, и потому антідотъ и бичъ на равногласія или на обоюдныя знаменованія предаю смѣло; но и всего нашего провозглашенія (декламаціи) жизнію и душею, безо лжи и заблужденія, называю.

Вѣдомо изъ Історій, что-дрéвніи Греки и Римляне, разныя наклоненія голоса въ провозглашеніяхъ театральныхъ и кáнцельныхъ, изображали нѣкоторымъ родомъ Нотъ, такъ какъ -Музыкáнты свои́ распѣвы, или шаги свои́ танцмейстеры. Безмѣрно жаль, что-оные-ихъ-нóты провозглашенія не дошли до насъ въ оставшемся какомъ обрасчикѣ, и пропали навѣки безвозвратно! Однако, я мню съ великою вѣроятностію, что-тѣихъ-нóты были точно мои единитные палочки между словами, свéрьху словъ тройственные ихъ просодіи, а подъ словами обыкновенныи піитамъ знаки долготы и краткости слоговъ; или ужé были онѣ подобны нѣкакъ сему моему способу.

Я такое имѣю мнѣніе толь вѣроятнѣе, что-нѣкто-Бріéнній, по свидѣтельству Ролленеву въ первомъ надесять тóмѣ древнія Історіи, утверждаетъ, что-декламáція древнихъ, то есть возвышеніе и пониженіе голоса, изображаема была просодіями, коиполагаются-надъ-словáми. Слѣдовательно, для означенія долгихъ своихъ слоговъ и краткихъ (ибо количество у нихъ мѣрялось протяжéніемъ-еще, и сокращеніемъ, при возвышеніи и пониженіи складовъ, означаемыхъ просодіями) употребляли они тѣ знаки, коими и нынѣ стіхотворныя мѣры стóпы означаются, ставя ихъ подъ словами, или какъ-и́накъ; а на изъявленіе равныхъ ударсній въ предложеніи цѣломъ, можетъ быть, ставили они единитные (для того что другому быть нéчему) также между словами, какъ-и-я́: ибо намъ только надобно возвышеніе громчайшее голоса въ одномъ словѣ, и равное удареніе въ имѣющихъ связаніе съ вóзвышаемымъ громче, а въ протяженіи звона не имѣемъ мы нужды.

Подтверждаетъ нѣкоторымъ образомъ мое мнѣніе и Латінскій Лексіконъ Василья-Фáбра подъ словомъ Гіфенъ, приводя въ примѣръ слѣдующіе латінскіе несложные рѣчи, но связанные единитными такъ: semper-laetitia, ante-malorum. Такъ что, когда-пéрвое слово надлежало возвысить предъ другимъ, то

первое всекопечно ударено было гранче предъ вторымъ; а буде второе, то и второе ударено было всекопечно жъ выше предъ первымъ, какъ-то-приведенный-Бріеній утверждаетъ, что Декламація древнихъ изображена была просодіями.

Да порочитъ же отселѣ кому-угодно, способъ моего правописанія, во числу [въ Академіческой тіпографіи] *въ тамошней граждонской тіпографіи* алфавита, а съ нею впрочемъ разнящійся нѣсколько мало. Да гласитъ и-еще нестройнѣе безъимянная Пѣса[1], начинающаяся искусными пѣвцами, объ окончаніяхъ множественныхъ мужескихъ, въ цѣлыхъ прилагательныхъ именахъ на (и); [Я, незаслужившій язвительныхъ и наносныхъ именъ, дивлюсь токмо страсти. Наконецъ, радуюсь, что-обѣщаніе доказать мой способъ правописанія, исполнилъ Господамъ Товарищамъ самымъ дѣломъ] и притомъ хотя и всякая другая подобныхъ Отрепій. Но я мню, что-доказалъ, и довольно оправдалъ способъ достовѣрнаго правописанія, кой-природенъ-есть-и-оставленному нынѣ числу літеръ въ гражданской печать.

Ломоносова, примѣчанія на предложеніе о множественномъ окончеціи прилагательныхъ именъ.

На § 4.

Хотя въ Славенскомъ языкѣ мужескія прилагательныя имена множественнаго числа въ именительномъ падежѣ кончатся на и, однакожъ исъ того не слѣдуетъ, чтобъ въ великороссійскомъ языкѣ имѣли они такое же окончеціе: ибо Славенской языкъ отъ Великороссійскаго ничемъ столько не разнится, какъ окончеціями реченій. Напримѣръ, по Славенски единственные прилагательные мужескіе именительные падежи кончатся на ый и ій, богатый, старшій, синій; а по Великороссійски кончатся на ой и ей, богатой, старшей, синей. По-Славенски сыновомъ, дѣломъ, руцѣ, мене, пихомъ, кланяхуся; по великороссійски, сыновьямъ, дѣламъ, руки, меня, (мы) пили, (они) кланялись. Та-

[1]) т. е. пьеса.

кимъ же образомъ и множественныя прилагательныя мужескія въ именительномъ падежѣ Славенскія разны отъ Великороссійскихъ.

Отъ малороссійскаго діалекта для установленія Великороссійскихъ окончеиій ничегожъ не слѣдуетъ, ибо хотя сей діалектъ съ нашимъ очень сходенъ, однако его удареніе, произношеніе и окончения реченій отъ сосѣдства с′ Поляками и отъ долговременной бытности подъ ихъ властію много отмѣнились или прямо сказать попортились. Итакъ ежели намъ въ семъ случаѣ малороссіянамъ послѣдовать, не взирая на общее употребленіе, то Великороссійскій языкъ тѣмъ больше испортится, нежали исправится. Тоже надлежитъ разумѣть и о другихъ Великороссійскому сродныхъ языкахъ.

На § 5 и 6.

По мѣстоимнеіямъ, именамъ существительнымъ и усѣченнымъ прилагательнымъ во множественномъ числѣ именительномъ падежѣ кончащихся на ы и и прилагательныхъ мужескихъ множественныхъ въ именительномъ падежѣ кончится на и принудить нельзя; ибо всякое надлежитъ къ своему собственному склоненію, въ которомъ каждое отъ употребленія положено. (Затѣмъ слѣдуютъ 19 строкъ, тщательно потомъ зачеркнутыхъ).

Изъ сего всего явствуетъ, что к′ постановленію окончеиій прилагательныхъ множественныхъ именъ никакіе теоретическіе доводы недовольны; но какъ во всей Грамматикѣ, такъ и въ семъ случаѣ одному употребленію повиноваться должно.

На 8 и 9.

Подлинно что употребленіе множественнаго окончения Великороссійскихъ прилагательныхъ именъ въ именительномъ падежѣ непостоянно; однако не такъ, какъ въ сихъ параграфахъ предложено. Ибо на е множественное окончеиіе во всѣхъ родахъ употребительнѣе нежели на я. Что явствуетъ во всѣхъ печатныхъ и рукописныхъ гражданскихъ книгахъ отъ Великороссіянъ сочиненныхъ, каковы суть, уложеніе, указные книги и другія печатныя и писменныя пра́ва и указы. А на и окончения

множественнаго прилагательныхъ въ книгахъ отъ Велик
сіянъ сочиненныхъ и переведенныхъ нигдѣ видать мнѣ не
чалось. Чтожъ надлежитъ до неявственнаго произношенія
слѣдняго племени въ тихихъ разговорахъ, то хотя слухо
трудно распознать, однако сіе бываетъ явно въ двухъ случа
1) когда одинъ другому изъ дали кричитъ, 2) въ писмахъ
примѣръ хотя въ обыкновенныхъ тихихъ разговорахъ реч
человѣкъ, сударь произносится глухо и почти, члекъ, с
однако въ громкихъ разговорахъ произносятъ равно ка
пишутъ, человѣкъ, сударь. Подобнымъ образомъ и въ пр
ношеніи прилагательныхъ множественнаго числа въ имени
номъ падежѣ всякъ услышитъ у всѣхъ Великороссіянъ
они громко говорятъ, и у всѣхъ увидитъ, которые недум
правилахъ пишутъ, что оныя кончатся на е или на я во в
родахъ безъ разбору, но больше на е нежели на я, а на
когда.

И такъ выведенное слѣдствіе въ концѣ § 9 есть неправи.
ибо 1) изъ Славенскихъ, малороссійскихъ и другихъ діалек
окончеціе множественныхъ прилагательныхъ не слѣдуетъ,
тому и с' разумомъ несогласнѣе и отъ него не защища
2) Въ Великороссійскомъ языкѣ какъ на писмѣ такъ и въ
кихъ разговорахъ неупотребительно а слѣдовательно и на
требленіе основанія не имѣетъ. Сверхъ того помянутое
ченіе на и не мало воспящаетъ употреблять Какофонія, то
звонъ слуху противной, отъ стеченія гласныхъ подобное пр
ношеніе имѣющихъ; ибо легче выговорить и пріятнѣе слыш
истинные свидѣтели, нежели истинныи свидѣтели.

На § 10 и 11.

Окончеціе множественныхъ прилагательныхъ женскихъ
именительномъ на е утверждается особливо на требуемомъ
личіи родовъ, котораго въ Россійскомъ языкѣ нѣтъ, въ
замышлять не надлежитъ.

Наконецъ мое мнѣніе въ томъ состоитъ, что введенно
10 и больше лѣтъ въ Академической типографіи употреб.
множественныхъ прилагательныхъ окончеціи мужескаго на
женскаго и средняго на я хотя довольнаго основанія неимѣ

УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Ла, Петръ фанъ деръ-. Мнѣніе его объ основаніи Академіи наукъ въ Петербургѣ, 7.

Альгаротти, 48.

Арескинъ, Робертъ, его отношенія къ Шумахеру и кончина, 3, 4.

Б.

Байеръ, Теофилъ Зигефридъ, академикъ, 9.

Барсовъ, Алексѣй, академическій корректоръ. Отправленіе въ Москву съ частію академической типографіи, 19.

Бекенштейнъ, Іоганнъ Симонъ, академикъ. Назначеніе участвовать въ дѣлахъ Академіи вмѣстѣ съ Шумахеромъ и жалобы на него послѣдняго, 9, 10.

Бернулли, Даніилъ. Распря его съ Бильфингеромъ, 12. Навѣты на него Шумахера, 14. Отъѣздъ изъ Россіи, 15.

Бильфингеръ, Георгъ Бернгардъ, академикъ. Назначеніе участвовать въ дѣлахъ Академіи вмѣстѣ съ Шумахеромъ; жалобы на него послѣдняго, 9, 10. Просьба объ увеличеніи жалованья, 11. Отъѣздъ изъ Россіи, 13, 14.

Биньонъ, Іоаннъ Павелъ, аббатъ, 4.

Блюментростъ Лаврентій. Учрежденіе Академіи наукъ по его плану, 5, 6. Поступки его противъ академиковъ по наущенію Шумахера, 12, 14.

Браунъ, Іосифъ Адамъ, академикъ. Назначеніе его въ историческое собраніе при Академіи, 26. Возраженіе Ломоносова противъ его рѣчи въ цензурномъ отношеніи, 81—86.

Бреверпъ, Карлъ, президентъ Академіи, 16.

Бріенній, 115, 116.

Брюль, графъ, 75.

Буге (Bouguer) Петръ, 40.

Бургаве, Германъ, 21.

Бюшингъ, Антонъ Фридрихъ. Его извѣстіе о смерти Ломоносова, 88.

В.

Вейдлеръ, 75.

Вейтбрехтъ, Іосій, академическій студентъ, впослѣдствіе академикъ, 9.

Виноградовъ, студентъ, 18.

Винцгеймъ, Христіанъ Николай, академикъ, 20, 33, 44.

Вольфъ, Христіанъ. Отзывъ его объ учрежденіи Академіи, 6; оказываетъ при томъ свое содѣйствіе, 8. Свидѣтельства объ успѣхахъ Ломоносова, 93, 94, 98.

Г.

Гевенштрейтъ, Іоганнъ Христіанъ, академикъ, 80, 87.

Гейнзій, Готфридъ, академикъ, а потомъ профессоръ въ Лейпцигѣ, 59, 60, 75, 98.

Германъ, Яковъ, академикъ. Назначеніе участвовать въ дѣлахъ Академіи вмѣстѣ съ Шумахеромъ, 9. Недовольство Шумахера, 13. Отъѣздъ изъ Россіи, 14.

Гмелинъ, Іоганнъ Георгъ, академикъ. Отъѣздъ изъ Россіи и отказъ вернуться туда, 29, 30. Отзывъ его о Ломоносовѣ, 31, 32. Отношенія къ Миллеру, 49.

Гмелинъ, Филиппъ, письмоводитель при Блюментростѣ, 10.

Голицынъ, князь, адмиралъ, 55.

Головкинъ, графъ Александръ, посланникъ въ Берлинѣ, 9.

Гольдбахъ, Христіанъ. Предположеніе его писать исторію Академіи наукъ, 5. Увольненіе изъ Академіи, 16, 17.

Гришовъ, Августинъ Натаніилъ, академикъ, 58, 61, 64.

Д.

Даржъ, Етьеннъ, секретарь и чте[illegible]рика II. [illegible]

Дахрицъ, Карлъ, медикъ, 62, 6[illegible]

Делиль, Николай Іосифъ, академикъ. Его рѣчь противъ самовластія академической канцеляріи, 16. Письмо его къ Миллеру съ угрозами на Академію, 32, 33.

Длугошъ, Іоаннъ, польскій историкъ, 23.

Дювернуа, Іоганнъ Георгъ, академикъ, 9. Жалоба на Шумахера, 13.

Е.

Ейлеръ, Леонардъ, академикъ. Дружба его съ Дан. Бернулли, 14. Отъѣздъ изъ Россіи, 15. Предложеніе Ломоносову писать на премію, 28, 29. Переписка о возвращеніи въ Россію Гмелина-старшаго, 30. Подробности о печатаніи его Scientia navalis, 38—41. Выходка Шумахера противъ пристрастія Ейлера къ деньгамъ, 45. Сочиненіе задачъ на первый конкурсъ отъ петербургской Академіи, 47, 48. Отзывъ о рѣчи Ломоносова объ электричествѣ, 59. Письмо къ нему Румовскаго объ открытіяхъ Ломоносова, 74—78. Похвальные отзывы его о Ломоносовѣ, 92, 95, 98.

Екатерина I, императрица. Внимательность ея къ академикамъ, 9.

Екатерина II, императрица. Стихотвореніе къ ней Ломоносова, 80.

Елизавета, императрица. Коронованіе ея, 18, 19. Похвальное слово ей Ломоносова и намеки тамъ противъ прусаковъ и шведовъ, 53. Рѣчь Брауна въ день коронованія, 82.

К.

Кадау Бургаве, Авраамъ, академикъ. Предположеніе Шумахера, чтобы онъ наставлялъ Ломоносова въ химіи, 20, 21. Любовный процессъ, 44.

Кейзерлингъ, Германъ Карлъ, баронъ, впослѣдствіе графъ, президентъ академіи. 16.

Кельрейтеръ, Іосифъ Θеофилъ, адъюнктъ Академіи, а потомъ проживавшій въ Карлсруе, 87.

Кириловъ, Иванъ Кириловичъ, 35.

Клейнфельдъ, Готфридъ, адъюнктъ Академіи, 64.

Корфъ, Іоганнъ Альбрехтъ, баронъ, президентъ Академіи. Его дѣйствія въ пользу Шумахера противъ академиковъ, 16.

Котельниковъ, Симонъ, академикъ, 74, 87.

Кратцинштейнъ, Христіанъ Готливъ, академикъ, а потомъ профессоръ въ Копенгагенѣ, 44, 73, 80.

[illegible], **Георгъ Вольфгангъ, академикъ,** а потомъ профессоръ въ [illegible], 30, 50, 60.

РашININниковъ, Степанъ, адъюнктъ Академіи. Участіе въ коммиссіи по поводу рѣчи Миллера, 50.
Рикшинъ, Петръ. Доносъ его на Миллера въ государственномъ преступленіи, 23 — 24. Слухи о немъ, что представлялъ противъ рѣчи Миллера, 50.
Руа, де-ла, авторъ сочиненія о механическомъ движеніи тѣлъ въ водѣ, 40.
Рузіусъ, Христіанъ, адъюнктъ Академіи, 26, 43, 45.
Рикъ, Аристъ Аристовичъ, академикъ. Его «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ», 17, 18. Указаніе неизвѣстныхъ рукописей Ломоносова, 89, 92.
Ракинъ, князь, посолъ въ Парижѣ, 4.

Л.

Л-Кондаминъ, Карлъ Марія, 61, 62, 97, 98.
Л-Фонтенъ, 91.
Лейбницъ, степень его участія въ учрежденіи Академіи наукъ, 4. 5.
Лейнингенъ-Гартенбургъ, графъ. Дѣти его учатся у Шумахера, 3.
Лионьъ, Петръ, 62.
Л-Руа, Петръ Людовикъ, академикъ, 26.
Лефортъ, Іоганнъ, приглашаетъ Шумахера въ Россію, 3.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, академикъ. Благоволеніе къ нему Шумахера въ первое время послѣ возвращенія изъ-за границы, 17. Его описаніе минералогическаго кабинета и переводъ театральной пьесы, 18—19. Причины вражды съ Миллеромъ, 20. Предположеніе чтобы Авр. Бургаве обучалъ его химіи, 20. 21. Переводъ въ сенатѣ исторической выписки Миллера, 23. Сочиненіе его на премію берлинской академіи наукъ, 28. 29. Отзывъ о немъ Гмелина-старшаго, 31. 32. Участіе въ слѣдствіи надъ Миллеромъ за письмо Делиля, 33. Письмо къ Татищеву и сочиненіе посвященія къ его исторіи, 35—38. О причинѣ оставленія перевода псалма CIII, 36. Переводъ латинскаго посвященія Эйлера, 41. О характерѣ его, 44. 45. 48. Знаніе латинскаго языка, 49. Успѣхи при дворѣ похвальнаго слова Елизаветѣ, 53. Высылка въ Москву, 53. Успѣхи его тамъ и ссора съ Шумахеромъ, 56. 57. Столкновеніе съ Шумахеромъ по поводу рѣчи объ электричествѣ, 58. Составленіе русской азбуки Л-Кондамина, 61—62. Предсказаніе и вызовъ Іахриа и отъ химіи, 63. 64. 65. Пересмотрѣнія съ Гельвиусомъ, 67. Недовольство противъ И. И. Рихмана, 70. 72. Отзывъ о его теоріи о свѣтѣ и цвѣтахъ, 73. 74. Неизвѣстныя

мнѣнія о его открытіяхъ Румовскаго, 76 — 78. Преобладаніе въ академической канцеляріи, 79. Гравюра къ русской исторіи его сочиненія, 80. Цензурныя замѣтки о рѣчи Брауна, 81. Временная отставка Ломоносова, 87, 88. Современныя извѣстія о его кончинѣ, 88. Судъ россійскихъ письменъ, преложеніе псалма CIII, мелкіе стихотворные и прозаическіе отрывки, 89—92. Похвальные отзывы разныхъ ученыхъ о Ломоносовѣ, переписанные имъ самимъ 92 — 98. Возраженія противъ правописанія Тредьяковскаго, 99 — 100. Намекъ Тредьяковскаго о незнаніи Ломоносовымъ грамматики, 108. Мнѣніе Ломоносова объ окончаніи прилагательныхъ множеств. числа, 116—119.

М.

Менке, Іоганнъ Буркгардъ, оказываетъ содѣйствіе въ учрежденіи Академіи наукъ, 8.

Меншиковъ, князь Александръ. Внимательность его къ академикамъ, 9.

Меркурьевъ, Иванъ, переводчикъ оперы Титово милосердіе, 19.

Миллеръ, Герардъ Фридрихъ. Составленная имъ біографія Шумахера, 2, 6. Мысль его о степени участія Лейбница въ учрежденіи Академіи наукъ, 5. Причины вражды его съ Шумахеромъ, 15. Причина вражды съ Ломоносовымъ, 20. Доносъ Крекшина на рукописныя выписки Миллера, 22—24. Учрежденіе имъ историческаго департамента, несогласія тамъ съ академикомъ Фишеромъ и основаніе историческаго собранія, 25, 26. Наказаніе за поручительство за Гмелина-старшаго, 30. Гоненія на него за писмо Делиля, 32—34. Рѣчь его о происхожденіи русскаго народа и гоненіе по поводу ея, 46 — 53. Участіе въ дѣлѣ вызова въ Академію Сальхова, 62, 64, 65, 66. Донесеніе на Ломоносова, 67. Дружественныя сношенія съ Рычковымъ, 60. Письма къ иностраннымъ ученымъ о Ломоносовѣ, 73, 74. Строгости противъ него отъ Ломоносова, 78. Мысли Миллера объ увольненіи Ломоносова, 87.

Минихъ, Буркгардъ Христофоръ, обѣдъ у него для академиковъ, 9.

Н.

Ньютонъ, Исаакъ. Насмѣшливое названіе Ломоносову, 32. Опроверженіе его Ломоносовымъ, 77.

О.

Орловъ, графъ Григорій. Распоряженіе его объ опечатаніи бумагъ Ломоносова, 88, 89.

Ш.

Шлаттеръ, советникъ конечной канцеляріи. Отзывъ его о Лихринѣ противъ Ломоносова. 44. 45.

Шоберъ, Готлибъ, докторъ, путешествовавшій по Россіи. 4.

Штелинъ, Яковъ. 54.

Штелинъ, Яковъ, академикъ. Поѣздка въ Москву съ постановкою на сцену новой оперы. 13. 14. Назначеніе въ историческое собраніе при Академіи. 24. Участіе въ изданіи залъ Миллеровъ на письмо Делиля. 33. Выходка противъ него Шумахера. 45. Принадлежность въ статьѣ слѣдствіи. 57.

Штрубе-де-Пирмонтъ, Фридрихъ Христофоръ, академикъ. 24. 26. 33. 50.

Шумахеръ, Иоганнъ Даніилъ. Его воспитаніе. 3. Служба при Арескинѣ. 5. Содѣйствіе его и противъ въ учрежденіи Академіи наукъ. 5. 6. Путешествіе за границу. 7. Хлопоты его при основаніи Академіи и вступленіе въ управленіе дѣлами ея. 8. 9. Ссоры съ академиками. Жалобы на нихъ президенту. 12—16. Ближайшіе поручить Авр. Бурхаве преподавать химію Ломоносову. 20—22. Мнѣнія Шумахера о Ломоносовѣ въ 1742 году. 25. 29. Переписка его съ русскими образованными людьми. 34. 35. Выходки противъ академиковъ во время Разумовскаго. 43—45. Навѣты на Миллера по поводу его рѣчи. 46—49. Мнѣніе Шумахера, какъ бы слѣдовало писать ея. 51, 52. Хлопотливость объ арендѣ и представленіе плана Петербурга. 54—56. Столкновенія съ Ломоносовымъ. 55—57. Отзывы о тщеславіи и высокомѣріи Ломоносова. 59, 60. Выходка противъ Ломоносова. 67. Отзывъ Руновскаго о характерѣ Шумахера. 75. Безсиліе его противъ Ломоносова и смерть. 78—80. Мнѣніе его о правописаніи Тредіаковскаго. 99.

CT 1218 .L6 P4
Dopolnitenyia Izviestiia dlia
Stanford University Libraries
3 6105 041 347 035

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE